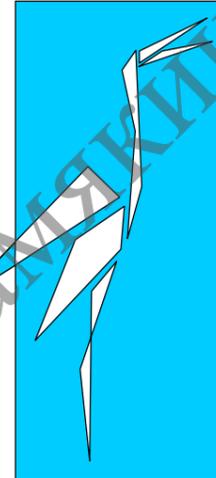

Індэкс: для індыўідуальных падпісчыкаў – 00829
для арганізацый – 008292

ВЕСНІК

Мазырскага
дзяржаўнага
педагагічнага
універсітэта
імя І. П. Шамякіна

ISBN 978-985-477-279-0

9 789854 772790

2010 **1**⁽²⁶⁾

Галоўны рэдактар
д. біял. н. В. В. Валетаў

Рэдакцыйная калегія:
намеснік галоўнага рэдактара, к. пед. н. І. М. Кралевіч,
адказны сакратар, к. ф.-м. н. Э. Я. Грачаннікаў,
д. пед. н. В. І. Анісімаў, д. экан. н. А. В. Бондар, д. ф.-м. н. В. І. Громак,
д. філал. н. У. І. Коваль, д. т. н. Д. Р. Лін, д. экан. н. С. У. Лукін, д. гіст. н. В. М. Ляўко,
д. ф.-м. н. Ю. У. Малінкоўскі, д. біял. н. В. І. Парфёнаў, д. псіхал. н. Л. А. Пергаменшчык,
д. пед. н. В. Ф. Русецкі, д. псіхал. н. Т. М. Савельева, д. т. н. У. С. Савенка,
д. ф.-м. н. В. Р. Собаль, д. т. н. В. В. Смірноў, д. т. н. В. Я. Старжынскі,
д. гіст. н. В. А. Фядосік, д. біял. н. Л. С. Цвірко, д. ф.-м. н. В. В. Шапялёвіч,
д. ф.-м. н. В. Р. Шапялёвіч, д. філал. н. В. В. Шур, д. ф.-м. н. Г. У. Кулак

Заснавальнік
Установа адукацыі
«Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І. П. Шамякіна»

Зарэгістраваны ў Міністэрстве інфармацыі
Рэспублікі Беларусь,
пасведчанне № 1233 ад 8 лютага 2010 г.

Адрас рэдакцыі:
247760 Рэспубліка Беларусь,
Гомельская вобласць, г. Мазыр,
вул. Студэнцкая, 28.
Тэл.: +375 (2351) 2-46-29

Падпісана ў друк 15.03.2010. Фармат 60 x 90 1/8. Папера Херох.
Гарнітура Times New Roman Суг. Рызаграфія. Ум. друк. арк. 16,25.
Тыраж 120 экз. Заказ № 25.

Карэктары: Л. М. Бажэнка, М. А. Карлава, У. Дз. Кніга, Т. М. Ліпская,
А. Э. Крычун, Т. М. Панамарэнка, М. Ю. Раеўская, А. М. Шатун
Камп'ютэрная вёрстка А. Л. Шчака
Тэхнічны рэдактар А. В. Ліс

Надрукавана на тэхніцы рэдакцыйна-выдавецкага аддзела
Установы адукацыі
«Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І. П. Шамякіна»
ЛІ № 02330/0549479 ад 14 мая 2009 г.
247760, г. Мазыр, Гомельская вобл., вул. Студэнцкая, 28, к. 114
Тэл.: +375 (2351) 2-46-29

Меркаванні, выказаныя аўтарамі,
могуць не супадаць з пунктам погляду рэдакцыі

ВЕСНІК

Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта
імя І. П. Шамякіна

Навуковы часопіс
Выдаецца 4 разы на год

№ 1(26)

2010

З М Е С Т

БІЯЛОГІЯ

- Бодяковская Е. А., Дегтяренко О. Н.* Влияние полифепана на некоторые биохимические показатели крови телят, больных диспепсией 3
- Валетов В. В., Лузай И. И., Лебедев Н. А., Бодяковская Е. А., Мацинович А. А., Белко А. А.* Некоторые биохимические показатели крови и минерального обмена крупного рогатого скота в КСУП «Ломовичи» Октябрьского района 7
- Галиновский Н. Г.* Жесткокрылые (*Ectognatha, Coleoptera*) прибрежных урбоценозов р. Сож 11
- Лукашевич В. Н., Бахарев В. А.* Видовой состав герпетофауны Полесского государственного радиационно-экологического заповедника 17
- Обухович И. И., Лебедев Н. А., Ризевский В. К.* Морфометрическая характеристика ротана-головешки *Percottus gleni Dybowski, 1877* из мелиоративного канала бассейна р. Припять 23
- Путиня А., Путиньш М.* Динамика численности жерлянки краснобрюхой (*Bombina bombina L., 1761*) на северной границе ареала в Латвии 30
- Путиньш М., Путиня А., Бахарев В. А.* Распространение Европейской болотной черепахи (*Emys orbicularis L., 1758*) в Латвии и на территориях, граничащих с Беларусью 35

ПЕДАГОГІКА

- Колесниченко Е. А.* Современная образовательная среда как предмет теоретического анализа 39
- Лемешков В. С.* К проблеме формирования теории рекордных достижений в спортивной ходьбе 44
- Морозова О. П.* Церковное пение как средство духовного воспитания в учебных заведениях Беларуси в конце XIX – начале XX веков 51
- Рябцев П. А.* Планирование развития сельской школы-комплекса 55
- Чечко Т. Н.* Способы повышения качества начальной литературоведческой подготовки будущих преподавателей-филологов на основе компетентностного подхода 61
- Шереметова О. В.* Теоретико-методологические подходы к вопросам формирования компетенций выпускника по обеспечению безопасной жизнедеятельности 66
- Юстинская Г. М.* Теоретические основы формирования читательской культуры учащихся 71

ФІЛАЛОГІЯ	
<i>Герасимович О. В.</i> Триада «вера, надежда, любовь» в русских говорах	78
<i>Захарова М. С.</i> Диалогические особенности эпиграфа в коротком англоязычном рассказе	83
<i>Иванова С. Ф., Цеплякова А. Дз.</i> Лацінскія запазычанні крылатых слоў у сучаснай беларускай літаратурнай мове (колькасны склад, формы ўжывання і крыніцы паходжання)	88
<i>Крохмальник А. Ю.</i> Языковое выражение взаимонаправленного визуального общения в художественных текстах	94
<i>Лозка А. Ю.</i> Рэстаўрацыя і рэканструкцыя ў фалькларыстыцы	98
<i>Нікіценка Т. В.</i> Мадэлі марфалагічнай і семантычнай дэрывацыі эмацыянальна-ацэначных слоў	102
<i>Сажина Е. В.</i> Языковая репрезентация коммуникативных стратегий в полемическом дискурсе	108
<i>Сидорец В. С.</i> Вербодные структуры с классификаторами в художественном тексте (на материале романа-эпопеи Л. Н. Толстого «Война и мир»)	112
ПЕРСАНАЛІ	117
БІБЛІЯГРАФІЯ	120
РЭЦЭНЗІЯ	123
ХРОНІКА	126
АЎТАРЫ НУМАРА	127

МГПУ ИМ. И.П. ШАМЯКІНА

БІАЛОГІЯ

УДК 591.5

*Е. А. Бодяковская, О. Н. Дегтяренко***ВЛИЯНИЕ ПОЛИФЕПАНА НА НЕКОТОРЫЕ БИОХИМИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ КРОВИ ТЕЛЯТ, БОЛЬНЫХ ДИСПЕПСИЕЙ**

В данной статье представлены результаты исследований по определению влияния энтеросорбента «Полифепан» на некоторые биохимические показатели крови больных диспепсией телят. Применение указанного сорбента в схеме лечения телят, больных диспепсией, позволяет уменьшить у них степень проявления нарушений функций пищеварительного тракта, а также предотвратить возникновение интоксикации и обезвоживания организма. При использовании данного препарата сроки выздоровления молодняка крупного рогатого скота сокращаются на 29,23%, а среднесуточный прирост живой массы тела повышается на 14,7%. Полифепан способствует быстрой нормализации всех видов обмена веществ, о чем свидетельствует восстановление биохимических показателей крови животных.

Введение

Рост численности населения Земли, бурное развитие промышленности, информационных систем, множество экологических катастроф привели к тому, что организм человека в значительной мере утратил создаваемые эволюцией защитные барьеры [1]. Загрязнение среды обитания все новыми токсичными веществами, характеризующимися неизвестными ранее химическими и физическими свойствами, радионуклидами приводит к интоксикации различных систем организма, вызывая вначале дисфункцию клеток, а затем и их гибель [2]. Причем из-за способности организма накапливать токсины он интенсивно загрязняется даже при контакте со средой, в которой концентрация токсических веществ превышена незначительно. Кроме того, поступая в организм вместе с недоброкачественными продуктами питания, загрязненной химикатами водой, загазованным воздухом, токсины усиливают действие друг друга. Следствием этого является развитие заболеваний различной этиологии как человека, так и животных. В результате от таких животных невозможно получить доброкачественную продукцию [3]. В связи с этим актуален поиск методов, которые, с одной стороны, будут восстанавливать здоровье животных за счет детоксикации их организма, а с другой – противостоять накоплению токсинов в организме человека за счет потребления им чистой продукции животноводства [4].

Метод энтеросорбции для детоксикации организма был известен еще нашим предкам. Так, еще в Египте более трех тысяч лет назад использовали уголь для наружного и внутреннего применения. На Руси энтеросорбция относится к народным средствам лечения. Согласно литературно-исторической версии, назначение знахарем березового угля продлило после отравления жизнь Александра Невского. Древесным углем присыпали раны, толченый уголь давали внутрь детям и взрослым при поносах. Прием угля оказался эффективным как при телесных болезнях, так и при острых отравлениях. В период второй мировой войны адсорбенты на основе лигнина широко назначали для лечения диспепсий у военнослужащих [5]. Итак, энтеросорбция – это метод, основанный на связывании и выведении из организма через желудочно-кишечный тракт с лечебной или профилактической целью эндогенных и экзогенных токсинов. Данный метод осуществляется с помощью энтеросорбентов. Это препараты медицинского назначения, обладающие высокой сорбционной емкостью, не разрушающиеся в желудочно-кишечном тракте и способные связывать токсические вещества, входящие в состав химуса и выделяющиеся в полость пищеварительного тракта через его стенки [6], [7]. С каждым годом показания для энтеросорбции расширяются, энтеральное использование сорбентов позволяет исключить или снизить интенсивность медикаментозной терапии, в том числе и антибиотикотерапии, гормонотерапии, десенсибилизирующего лечения. Однако практика показывает, что энтеросорбенты недостаточно широко используются в ветеринарии как для лечения больных животных, так и для выведения накопившихся токсических веществ из их организма. В качестве модельного сорбента мы выбрали полифепан, который уже нашел свое активное применение в медицине.

Полифепан – неспецифический энтеросорбент, получаемый путем глубокой переработки древесины хвойных пород, состоящий, в основном, из лигнина (около 80%). Один грамм препарата способен связать 7 млн. микробных тел, а также экзо- и эндотоксины и ксенобиотики [8].

Цель работы – изучить влияние энтеросорбента «Полифепан» на некоторые биохимические показатели крови больных диспепсией телят.

Методы исследования. С соблюдением принципа условных аналогов сформированы две группы (опытная и контрольная) телят в возрасте до двух недель жизни, больных диспепсией, по десять голов в каждой. Подбор животных проходил в момент проявления у них характерных клинических признаков болезни. Молодняк обеих групп находился в одинаковых условиях кормления и содержания. Все подопытные животные подвергались лечению по схеме, принятой в хозяйстве. Телятам опытной группы дополнительно в схему лечения был включен энтеросорбент «Полифепан» в дозе 0,3 г/кг массы тела с 1-процентным крахмальным клейстером внутрь индивидуально 2 раза в сутки до выздоровления. Молодняк 2-ой группы служил контролем. За срок выздоровления было условно принято исчезновение у животных признаков расстройства желудочно-кишечного тракта. За всеми телятами вели клиническое наблюдение в течение месяца. Учет эффективности препарата проводили по продолжительности клинических симптомов, среднесуточному приросту массы тела, сохранности молодняка. Прирост живой массы телят определяли путем взвешивания до применения сорбента и на 30 день эксперимента с последующим расчетом среднесуточных приростов живой массы. В начале опыта, на 4-ый и 8-ой дни, у всех телят отбирали пробы крови для биохимических исследований. В крови определяли уровень глюкозы ферментным методом, а в сыворотке – концентрацию белка биуретовым методом, альбуминов – по реакции с бромкрезоловым зеленым, мочевины – диацетилмоноаксимным методом, активность аминотрансфераз (АсАТ, АлАТ) – методом Райтмана-Френкеля [9].

Результаты исследования и их обсуждение

В результате исследований было установлено, что развитие заболевания у телят обеих групп начиналось на 3–5 сутки после рождения. В это время у них отмечались отклонения со стороны пищеварительной системы. Так, аппетит снижался, а у некоторых животных полностью отсутствовал, в первый день болезни телята больше употребляли воду. Наблюдалось усиление перистальтических шумов кишечника, отмечалась болезненность живота при пальпации. Дефекация становилась частой, обильной. Фекалии приобретали желтый цвет, становились водянистыми, часто содержали слизь, а иногда и прожилки крови. Усиление перистальтики приводило к большим потерям содержимого желудочно-кишечного тракта. У заболевших телят снижалась реакция на внешние раздражители, учащались дыхание и пульс, наблюдалась субфебрильная температура.

Животные опытной группы болели в легкой форме. Так, температура тела оставалась у них в пределах физиологических величин и практически не менялся аппетит. Основным проявлением болезни было усиление перистальтики кишечника, частая дефекация с выделением полужидких каловых масс желтого цвета, содержащих слизь. Продолжительность болезни у животных этой группы составила 4,6 дня. У телят контрольной группы заболевание протекало длительно и тяжело. Отмечалось быстронарастающее угнетение, снижался аппетит вплоть до его отсутствия у некоторых телят, видимые слизистые оболочки становились бледными с синюшным оттенком. Перистальтические шумы кишечника настолько усиливались, что были слышны даже на расстоянии, при пальпации отмечалась болезненность живота. Дефекация была частой, жидкими фекалиями, содержащими много слизи и зачастую прожилки крови. Вследствие большой потери содержимого пищеварительного тракта у телят контрольной группы развивалось обезвоживание организма, проявлявшееся в сухости видимых слизистых оболочек и носового зеркальца. В результате обезвоживания и интоксикации организма наблюдались нарушения со стороны сердечно-сосудистой и дыхательной систем: пульс частый, вялый, едва прощупываемый, нередко аритмичный, тоны сердца глухие, иногда регистрировалось их раздвоение, дыхание частое, поверхностное. Из такого состояния животные выходили достаточно длительное время. Как следствие такого течения, продолжительность болезни у телят контрольной группы составила 6,5 дня, что превышает таковую у молодняка опытной группы на 29,23%. К 14 дню наблюдений у всех телят опытной и контрольной групп отсутствовали симптомы диспепсии.

На начало опыта при межгрупповом сравнении достоверных отличий биохимических показателей крови у больных телят не было (таблица). Установлено, что заболевание сопровождалось снижением уровня общего белка, причем, главным образом, за счет его альбуминовой фракции. Можно предположить, что при диарее из организма выводился в больших количествах белок, а также снижалась альбуминсинтезирующая функция печени. По мере выздоровления телят этот показатель восстанавливался, причем более активно у молодняка опытной группы.

Таблица – Биохимические показатели крови телят

Группы	Дни опыта		
	1	4	8
Общий белок, г/л			
опытная	52,76 ± 4,16	58,61 ± 4,05	65,33 ± 4,74
контрольная	53,05 ± 3,87	55,19 ± 4,28	62,99 ± 4,51
Альбумины, г/л			
опытная	22,82 ± 2,58	25,55 ± 2,92	26,92 ± 3,26
контрольная	22,14 ± 2,68	24,47 ± 2,65	25,39 ± 3,33
Мочевина, моль/л			
опытная	2,62 ± 0,47	2,29 ± 0,55	2,15 ± 0,18*
контрольная	2,78 ± 0,33	2,54 ± 0,42	2,38 ± 0,39
Глюкоза, ммоль/л			
опытная	2,17 ± 0,12	2,49 ± 0,29	2,84 ± 0,29
контрольная	2,19 ± 0,11	2,33 ± 0,19	2,68 ± 0,18
АсАТ, ед			
опытная	77,39 ± 7,14	62,18 ± 6,33	50,49 ± 6,08
контрольная	71,85 ± 5,49	66,02 ± 7,55	57,88 ± 8,02
АлАТ, ед			
опытная	51,06 ± 4,88	42,22 ± 3,79	37,02 ± 5,06
контрольная	49,42 ± 5,34	44,08 ± 4,09	41,29 ± 5,29

* Примечание – $P \leq 0,05$ относительно контрольной группы.

К 4 дню опыта концентрация общего белка у животных опытной группы повысилась на 11,1%, а к 8 дню – на 23,8%. В контрольной же группе к 4 дню повышение составило лишь 4,0%, а к 8 – 18,7%. Такая же динамика наблюдалась и по концентрации альбуминов в сыворотке крови. На 4 день эксперимента ее увеличение у телят опытной группы составило 11,8%, на 8 день – 17,9%, у животных контрольной группы – соответственно 10,5% и 14,7%. Такая динамика указывает на более медленное восстановление белкового обмена у молодняка контрольной группы.

Вследствие преобладания процессов диссимиляции над процессами ассимиляции в больном организме происходил усиленный распад белка. Как результат этого концентрация мочевины в крови всех исследованных телят в начале эксперимента была выше, чем у их здоровых однодков. В ходе опыта наблюдалась тенденция уменьшения данного показателя, причем наиболее интенсивно у телят опытной группы. Так, на 4 день этот показатель у молодняка данной группы снизился на 12,6%, на 8 день – на 17,9%. Более медленное снижение уровня мочевины происходило у животных контрольной группы: к 4 дню – только на 8,6%, а к 8 – на 14,4%.

Уровень глюкозы у телят обеих групп в начале опыта был ниже, чем у здорового молодняка соответствующего возраста, что связано с нарушением углеводного обмена при диспепсии и плохим усвоением глюкозы организмом больного животного. У выздоравливающих животных этот показатель увеличивался, причем у телят опытной группы более активно. У них на 4 день уровень данного показателя повысился на 14,7%, к 8 дню – на 30,9%, что свидетельствует о восстановлении углеводного обмена. В то же время у животных контрольной группы этот процесс затягивался, на что указывает повышение концентрации глюкозы к 4 дню только на 6,4%, а к 8 – на 22,4%.

В начале опыта активность аминотрансфераз (АсАТ и АлАТ) у всех больных телят была выше, чем у здорового молодняка. Можно предположить, что при заболевании нарушался аминокислотный фон в тканях, и при нехватке аминокислот для синтеза белка организм пополнял

их с помощью активации процессов переаминирования. По мере выздоровления молодняка отмечалось восстановление этих показателей. Если на начало опыта активность АсАТ у животных опытной группы составляла $77,39 \pm 7,14$ ед, а активность АлАТ – $51,06 \pm 4,88$ ед, то к 4 дню эксперимента активность АсАТ снизилась уже на 19,7%, а АлАТ – на 17,3%, к 8 дню – соответственно на 34,8% и 27,5%. Аналогичная динамика наблюдалась и в контрольной группе, но процесс протекал намного медленнее. К 8 дню активность АсАТ снизилась только на 19,4%, а АлАТ – на 16,5%. Это указывает на замедленность процесса восстановления функций печени у телят контрольной группы.

За период исследований среднесуточный прирост массы тела телят опытной группы составил 0,714 кг, а животных контрольной группы – 0,609 кг. Таким образом, прирост живой массы молодняка опытной группы превысил таковой у животных контрольной группы на 14,7%. В контрольной группе пал один теленок, чего не наблюдалось в опытной группе. В результате сохранность животных в опытной группе составила 100%, а в контрольной только 90%.

Анализируя полученные результаты, можно отметить, что применение энтеросорбента «Полифепан» в схеме лечения телят, больных диспепсией, позволяет уменьшить степень проявления нарушений функций пищеварительного тракта, а также предотвратить возникновение интоксикации и обезвоживания организма, что повышает эффективность комплексной терапии. При использовании данного препарата сроки выздоровления молодняка крупного рогатого скота сокращаются на 29,23% и среднесуточный прирост живой массы тела повышается на 14,7%. Он способствует быстрой нормализации всех видов обмена веществ, о чем свидетельствует восстановление биохимических показателей крови животных. Все это указывает на целесообразность использования сорбента «Полифепан» в лечении телят, больных диспепсией.

Выводы

- Применение энтеросорбента «Полифепан» в схеме лечения телят, больных диспепсией, повышает эффективность комплексной терапии, что выражается в сокращении сроков выздоровления на 29,23% и повышении среднесуточного прироста живой массы тела на 14,7%.
- Использование данного препарата способствует быстрой нормализации всех видов обмена веществ, о чем свидетельствует восстановление биохимических показателей крови животных.

Литература

1. Блюгер, А. Ф. Тайны и парадоксы печени / А. Ф. Блюгер. – М. : Знание, 1988. – 224 с.
2. Волков, Г. К. Проблема выращивания здорового молодняка / Г. К. Волков, В. Д. Баранников // Ветеринария. – 1997. – № 2. – С. 7–12.
3. Паршин, П. А. Клинико-морфологические изменения при гастроэнтеритах у молодняка / П. А. Паршин, С. М. Сулейманов // Ветеринария. – 2004. – № 2. – С. 42–45.
4. Лопаткин, Н. И. Эфферентные методы в медицине / Н. И. Лопаткин, Ю. М. Лопухин. – М. : Медицина, 1989. – 352 с.
5. Энтеросорбция – механизмы лечебного действия / Н. А. Беляков [и др.] // Эфферентная терапия. – 1997. – Т. 3. – № 2. – С. 20–26.
6. Горчаков, В. Д. Селективные гемосорбенты / В. Д. Горчаков, В. И. Сергиенко, В. Г. Владимиров. – М. : Медицина, 1989. – 224 с.
7. Беляков, Н. А. Альтернативная медицина: немедикаментозные методы лечения / Н. А. Беляков. – Архангельск : Сев.-Зап. изд-во, 1994. – 462 с.
8. Михайлов, И. В. Энтеросорбция / И. В. Михайлов // Медицинская помощь. – 1999. – № 5. – С. 47–51.
9. Камышников, В. С. Клинические лабораторные тесты от А до Я и их диагностические профили : справ. пособие / В. С. Камышников. – Минск : Беларуская навука, 1999. – 415 с.

Summary

The results of research on determining the influence of enterosorbent «Polyphepan» on some biochemical indicators of calves who suffer from dyspepsia are given in the article. Application of the given sorbent in the scheme of treatment of calves allows to reduce degree of displacement of digestive tract's dysfunction, as well as to prevent appearance of intoxication and exsiccosis. While using this sorbent the terms of calves' recovering are reduced till 29,23%, average daily body-weight increase is raised for 14,7% as well. Polyphepan contributes more quicker normalization of all kinds of metabolism. That shows recovery of biochemical indicators in calves' blood.

Поступила в редакцию 12.02.10.

УДК 502:591.11(476.2)

*В. В. Валетов, И. И. Лузай, Н. А. Лебедев,
Е. А. Бодяковская, А. А. Мацинович, А. А. Белко*

**НЕКОТОРЫЕ БИОХИМИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ КРОВИ
И МИНЕРАЛЬНОГО ОБМЕНА КРУПНОГО РОГАТОГО СКОТА
В КСУП «ЛОМОВИЧИ» ОКТЯБРЬСКОГО РАЙОНА**

В статье представлены результаты исследований биохимических показателей крови и минерального обмена телят и коров дойного стада в КСУП «Ломовичи» Октябрьского района. В крови молодняка крупного рогатого скота выявлен дефицит белка, преимущественно альбуминовой фракции. У них также наблюдается недостаток кальция и меди, а содержание кобальта и селена в их организме находится на нижней границе физиологической нормы. У коров содержание селена в организме ниже физиологических показателей, а содержание кобальта и меди находится на нижней границе физиологической нормы.

Введение

Увеличение продуктивности сельскохозяйственных животных возможно только на основе достижений современной науки, сочетая такие важнейшие компоненты, как высокий генетический потенциал животных, соответствующие физиологическим потребностям условия содержания и, конечно же, полноценное кормление. Последнее обеспечивается не только за счет сбалансированного количества белков, жиров и углеводов, но и за счет наличия достаточного количества и в соответствующих пропорциях макро- и микроэлементов [1], [2], [3]. Что касается территории Республики Беларусь, то ее почвы и воды бедны кобальтом, марганцем, медью, йодом и некоторыми другими элементами, что, несомненно, отражается на выращиваемых здесь кормах, а значит, и на здоровье сельскохозяйственных животных [4], [5], [6]. Эта проблема решается за счет добавления в рацион животных различных кормовых биологически активных добавок, но они не всегда полноценные, качественные и дешевые [7].

Вследствие этого повышается заболеваемость крупного рогатого скота внутренними незаразными болезнями, среди которых активизируются метаболические заболевания. Особое место среди них занимают кетоз и заболевания, основным этиологическим фактором которых является недостаток ряда микроэлементов (полимикрэлементозы) [8], [9], [10]. Это приводит в результате к развитию различных патологических процессов в паренхиматозных органах, в эндокринной и иммунной системах, затрудняющих диагностику основного заболевания. Эти заболевания регистрируются у животных как основного стада, так и их приплода. У телят, родившихся от больных животных, часто наблюдаются желудочно-кишечные расстройства, сопровождаемые обезвоживанием и интоксикацией организма [11], [12], [13].

Несмотря на это, диагностика кетоза и полимикрэлементозов у крупного рогатого скота в условиях сельскохозяйственного производства затруднена. Это обусловлено тем, что заболевания протекают скрыто (субклинически), хронически, с неспецифическими многообразными симптомами, что затрудняет их клиническую диагностику. Поэтому очень важны своевременный контроль за состоянием обмена веществ и здоровья животных, ранняя диагностика кетоза и заболеваний, связанных с недостатком микроэлементов, принятие срочных мер по устранению неблагоприятных факторов, способствующих их возникновению, комплексное лечение больных животных и разработка профилактических мероприятий [14], [15].

Цель работы – определить состояние здоровья крупного рогатого скота в КСУП «Ломовичи» Октябрьского района по некоторым биохимическим показателям крови и минерального обмена.

Методы исследований. Для этого сформировали с соблюдением принципа условных аналогов две группы животных: 1 группа – телята в возрасте трех месяцев в количестве 29 голов, 2 группа – коровы дойного стада в количестве 20 голов. У всех животных брали кровь с соблюдением правил асептики и антисептики из яремной вены в две сухие чистые пробирки.

В одной из пробирок кровь стабилизировали гепарином (2,0 Ед/мл), а другую использовали для получения сыворотки. Определение биохимических показателей, макро- и микроэлементов в крови животных выполняли по стандартным методикам в аккредитованной лаборатории УО «Витебская государственная ордена «Знак Почета» академия ветеринарной медицины». В цельной крови и ее сыворотке, полученной от телят и коров, определяли следующие показатели: общий белок, альбумин, глобулины, глюкоза, триглицериды, холестерин, общий билирубин, АсАТ, АлАТ, уровень кальция (Ca), фосфора (P), железа (Fe), селена (Se), марганца (Mn), кобальта (Co), меди (Cu), цинка (Zn) [16]. Статистическая обработка данных выполнена в стандартном пакете Excel.

Результаты исследования и их обсуждение

Как видно из таблицы 1, уровень общего белка в организме телят находился на нижней границе физиологической нормы, что свидетельствует о возможном белковом дефиците. Причем уровень общего белка снижен преимущественно за счет альбуминовой фракции: содержание альбумина составило $28,42 \pm 0,65$ г/л при норме от 32 до 40 г/л. В то же время соотношение альбумина и глобулинов соответствовало физиологическим показателям, что указывает на то, что при полноценном рационе белковый обмен быстро нормализуется.

Таблица 1 – Биохимические показатели крови телят в КСУП «Ломовичи» Октябрьского района

Показатель	Физиологические показатели	М ± m _x
Общий белок, г/л	60–80	61,79 ± 1,00
Альбумин, г/л	32–40	28,42 ± 0,65
Глобулины, г/л	30–50	33,37 ± 0,60
А/Г	0,8–1,2:1	0,85:1
Глюкоза, моль/л	2,3–4,1	2,93 ± 0,08
Триглицериды, ммоль/л	0,2–0,6	0,21 ± 0,005
Холестерин, ммоль/л	1,6–5,0	2,09 ± 0,04
Общий билирубин, мкмоль/л	0,7–8,0	5,16 ± 0,60
АсАТ, ед	45–110	66,68 ± 5,02
АлАТ, ед	10–40	37,67 ± 3,67

Примечание – М – среднее значение показателя; m_x – ошибка средней.

Концентрация глюкозы в крови является основным показателем метаболизма углеводов. Содержание глюкозы в крови телят составило $2,93 \pm 0,08$ моль/л с колебаниями от 2,09 до 3,61 моль/л при физиологической норме 2,3–4,1 моль/л. Таким образом, содержание глюкозы соответствовало физиологическим показателям, что свидетельствует об отсутствии нарушений углеводного обмена.

Жировой обмен также не нарушен, поскольку уровень триглицеридов и холестерина находится в физиологических пределах. Наряду с тем что у большинства животных концентрация общего билирубина не выходит за пределы физиологических величин, важно отметить, что у некоторых телят этот показатель значительно превышал их, что может означать возникновение патологических изменений в печени и (или) нарушение белкового обмена. На нарушение процессов в печени указывает и активность аминотрансфераз (АсАТ и АлАТ). Так, у отдельных животных уровень содержания АсАТ доходил до 155,3 единиц при норме от 45 до 110 единиц, а уровень содержания АлАТ достигал 106,3 единиц при норме 10–40 единиц.

Важнейшими показателями сбалансированности минерального питания животных являются показатели содержания общего кальция и неорганического фосфора в сыворотке крови (таблица 2). Оптимальное отношение кальция к фосфору – 2:1. Как видно из таблицы 2, это соотношение оказалось сдвинутым в сторону преобладания фосфора и составило 1,07:1. Таким образом, минеральный обмен оказался несколько нарушен. Эти данные согласуются с выявленным недостатком альбуминовой фракции белка. Как известно, альбумин во многом регулирует не только водный, но и минеральный обмен.

Таблиця 2 – Показатели минерального обмена у телят в КСУП «Ломовичи» Октябрьского района

Показатель	Физиологические показатели	М ± m _x
Ca, моль/л	2,3–3,5	2,54 ± 0,04
P, моль/л	1,4–2,5	2,37 ± 0,04
Ca/P	2:1	1,07:1
Se, мкмоль/л	1,0–1,5	1,056 ± 0,04
Fe, ммоль/л	16,1–19,7	17,29 ± 0,50
Mn, мкг/л	150–250	183,02 ± 5,21
Co, мкг/л	30–50	29,85 ± 0,53
Cu, мкг/л	750–1000	727,4 ± 11,50
Zn, мг/л	3–5	3,26 ± 0,09

Примечание – М – среднее значение показателя; m_x – ошибка средней.

Как видно из таблицы 2, практически все показатели микроэлементов, за исключением меди, находились в пределах физиологических величин. В то же время содержание кобальта и селена находилось на нижней границе физиологической нормы. Физиологическая роль кобальта в организме связана с функцией витамина B₁₂ (цианокобаламина), который стимулирует эритропоэз. Кобальт необходим для нормальной жизнедеятельности микрофлоры преджелудков и синтеза микробного белка, усвоения азота корма. При его недостатке нарушается усвоение протеина кормов, как следствие расходуется запас белков тела и наступает сильное истощение. Селен выполняет в организме антиокислительную и антиоксидантную функции. У жвачных усвояемость селена меньшая, чем у моногастрических животных, поскольку значительная часть его в рубце под действием микрофлоры превращается в селеноцистеин и селенометионин и в таком виде всасывается и распределяется по разным органам. Поэтому жвачные более чувствительны к недостатку селена. Селен также участвует в процессах тканевого дыхания и окислительного фосфорилирования, поэтому при его недостатке нарушаются обменные процессы, в тканях и органах накапливаются перекиси, что ведет к воспалительным и дистрофическим изменениям в скелетной мускулатуре и во внутренних органах. Концентрация меди находилась на низком уровне – 727,4 ± 11,50 мкг/л, что может предопределять развитие гипохромной анемии, т. к. медь участвует в образовании гемоглобина, а также в других процессах кроветворения. Медь необходима также для формирования белка шерсти – кератина. При ее недостатке у крупного рогатого скота возникает депигментация волос. Медь входит в состав ферментов, которые катализируют отдельные стадии тканевого дыхания. Она участвует в синтезе коллагена, и при ее недостатке развиваются остео дистрофии. Вероятнее всего, дефицит меди обусловлен значительным количеством торфяных и торфяно-болотных почв в структуре посевных площадей хозяйства, которые характеризуются низким природным содержанием меди.

При анализе показателей минерального обмена у коров (таблица 3) было установлено, что содержание селена в их организме ниже физиологических показателей.

Таблиця 3 – Показатели минерального обмена у коров в КСУП «Ломовичи» Октябрьского района

Показатель	Физиологические показатели	М ± m _x
Se, мкмоль/л	1,0–1,5	0,89 ± 0,04
Fe, ммоль/л	16,1–19,7	20,06 ± 0,69
Mn, мкг/л	150–250	184,31 ± 7,88
Co, мкг/л	30–50	30,07 ± 0,62
Cu, мкг/л	750–1000	750,40 ± 17,34
Zn, мг/л	3–5	3,63 ± 0,14

Примечание – М – среднее значение показателя; m_x – ошибка средней.

Это может привести к снижению продуктивности, жирности молока, увеличению сервис-периода, а при наступлении стельности – к гибели плода. Содержание кобальта и меди находилось на нижней границе физиологической нормы, а у отдельных животных содержание этих микроэлементов было даже ниже физиологических величин. Недостаток кобальта, помимо вышеперечисленных изменений, может вызвать у коров энзоотическую остео дистрофию, т. к. он стимулирует щелочную фосфатазу, а при ее недостатке нарушаются процессы синтеза органической и минеральной части кости. Недостаток меди у дойных коров ведет к снижению жирности молока, а у стельных – к абортам.

Таким образом, анализируя полученные результаты, важно отметить, что в организме телят имеется некоторый дефицит белка, причем, главным образом, его альбуминовой фракции. У молодняка наблюдается недостаток кальция, который выражается в сдвинутом соотношении в сторону преобладания фосфора (1,07:1). Содержание кобальта и селена в организме телят находится на нижней границе физиологической нормы, а содержание меди – ниже физиологических величин. У коров содержание селена в организме ниже физиологических показателей, а содержание кобальта и меди – на нижней границе физиологической нормы. Полученные данные свидетельствуют о необходимости коррекции рациона молодняка крупного рогатого скота по белку, кальцию и фосфору, кобальту, селену, меди, а коров – по кобальту, селену и меди.

Выводы

1. В организме телят имеется некоторый дефицит белка, причем, главным образом, его альбуминовой фракции.
2. У молодняка крупного рогатого скота наблюдается недостаток кальция, который выражается в сдвинутом соотношении в сторону преобладания фосфора (1,07:1). Содержание кобальта и селена в организме находится на нижней границе физиологической нормы, а содержание меди – ниже физиологических величин.
3. У коров содержание селена в организме ниже физиологических показателей, а содержание кобальта и меди – на нижней границе физиологической нормы.

Исходя из полученных данных, считаем целесообразным предложить определение химического состава кормов и коррекцию структуры рационов кормления крупного рогатого скота.

Литература

1. Кучинский, М. П. Биоэлементы – фактор здоровья и продуктивности животных / М. П. Кучинский. – Минск : Бизнесофсет, 2007. – 372 с.
2. Пути профилактики нарушений обмена веществ у высокопродуктивных коров при интенсивном их использовании на промышленных комплексах и спецфермах: рекомендации / Ф. Ф. Порохов [и др.]. – Витебск : ВВИ, 1988. – 50 с.
3. Мацинович, А. А. Микроэлементозы сельскохозяйственных животных (диагностика, лечение, профилактика) : справ. / А. А. Мацинович, А. П. Курдеко, Ю. К. Коваленок. – Витебск : УО ВГАВМ, 2005. – 162 с.
4. Скальный, А. В. Радиация, микроэлементы, антиоксиданты и иммунитет (микроэлементы и антиоксиданты в восстановлении здоровья ликвидаторов аварии на ЧАЭС / А. В. Скальный, А. В. Кудрин. – М. : Изд-во Лир Макет, 2000. – 421 с.
5. Скальный, А. В. Биоэлементы в медицине / А. В. Скальный, И. А. Рудаков. – М. : Изд. дом «Оникс 21 век», 2004. – 272 с.
6. Экологические и радиобиологические последствия Чернобыльской катастрофы для животноводства и пути их преодоления / Р. Г. Ильязов [и др.] ; под общ. ред. Р. Г. Ильязова. – Казань : Фэн, 2002. – 330 с.
7. Использование минеральных веществ для повышения продуктивности свиней : науч. изд-е / В. А. Медведский [и др.]. – Бейрут : Бейрут. гос. ун-т, 2003. – 52 с.
8. Самохин, В. Т. Проблемы гипомикроэлементозов в животноводстве / В. Т. Самохин // Ветеринария. – 1992. – № 1. – С. 48–50.
9. Петровский, С. В. Кетоз животных : учеб.-метод. пособие / С. В. Петровский, А. П. Курдеко. – Витебск : ВГАВМ, 2009. – 32 с.
10. Жаров, А. В. Кетоз высокопродуктивных коров / А. В. Жаров, И. П. Кондрахин. – М. : Россельхозиздат, 1983. – 103 с.
11. Оценка эффективности радиозащиты пищевого кальция в отношении цезия-137, вводимого изолированно и в комбинации с йодом-131 / В. П. Суханов [и др.] // Гигиена и санитария. – 1991. – № 9. – С. 47–49.
12. Кравцив, Р. Й. Проблеми мікроелементозного живлення тварин і птиці, якості виробленої продукції, профілактики мікроелементозів та шляхі їх вирішення / Р. Й. Кравцив // Навук. вісник ЛДАВМ ім С. З. Гжицького. – Львів, 2000. – Т. 2. – Ч. 4. – С. 86–91.
13. Зайчик, А. Ш. Основы патохимии / А. Ш. Зайчик, А. П. Чурилов. – СПб. : ЭЛМИ, 2000. – 688 с.
14. Рекомендации по диагностике, лечению и профилактике микроэлементной недостаточности и кетоза коров / С. С. Абрамов [и др.]. – Витебск : ВГАВМ, 2009. – 40 с.
15. Микроэлементозы человека: этиология, классификация, органопатология / А. П. Авцын [и др.]. – М. : Медицина, 1991. – 496 с.
16. Холод, В. М. Клиническая биохимия : учеб. пособие : в 2 ч. / В. М. Холод, А. П. Курдеко. – Витебск : УО ВГАВМ, 2005. – Ч. 1. – 188 с.

Summary

The results of research of biochemical indicators of blood and mineral exchange by calves and cows in KAUE «Lomovichi» Oktyabrskiy region are given in the article. Some deficit of protein is observed in the organisms of calves, mainly of albuminum fraction. They lack of calcium and copper is observed. Content of cobalt and selen in their organisms is on the lowest boundary of physiological norm. Content of selen observed in organisms of cows is lower than physiological indicators, contents of cobalt and copper is on the lowest boundary of physiological norm.

Поступила в редакцию 18.02.10.

УДК 595.7(476) + 591.5

*Н. Г. Галиновский***ЖЕСТКОКРЫЛЫЕ
(ЕСТОГНАТНА, COLEOPTERA) ПРИБРЕЖНЫХ УРБОЦЕНОЗОВ р. СОЖ**

В статье рассматриваются результаты предварительных исследований береговых сообществ жесткокрылых реки Сож, протекающей в пределах города Гомеля. Выявлены 123 вида жесткокрылых, рассмотрена видовая структура сообществ. Обнаружено 20 видов жесткокрылых, ранее в литературе для региона не указанных, и 3 вида, впервые обнаруженных на территории Беларуси.

Установлено, что увеличение рекреационной нагрузки не приводит к резкому сокращению видового богатства и численности, но в то же время в этих условиях наблюдается перестройка видового состава и структуры сообществ жесткокрылых.

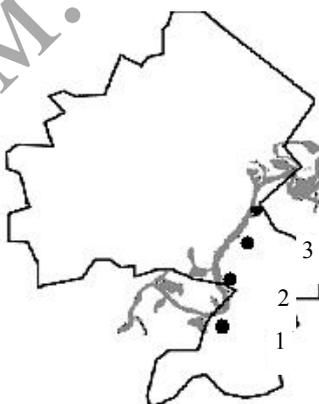
Введение

Городская среда обитания представляет собой особую экосистему, характеристики которой в значительной степени отличаются от характеристик естественных местообитаний: более высокая температура и сухость воздуха, значительное загрязнение выбросами автотранспорта и др. Однако, в отличие от естественных сообществ, фауна городов Беларуси изучена в недостаточной степени. Существует ряд работ, посвященных исследованиям городской фауны парков, газонов, пустырей. В то же время наряду с этими, наиболее распространенными в городе местообитаниями животных, существуют также и прибрежные урбоценозы, которые в меньшей степени интересовали исследователей, несмотря на то что через все крупные города страны протекают реки.

Ранее нами были предприняты первые попытки в некоторой степени ликвидировать эти пробелы [1], [2]. Данная работа призвана дополнить ранее полученные предварительные данные.

Цель исследования – выявление видового состава и характеристика биоразнообразия жесткокрылых, обитающих на берегу р. Сож в пределах города Гомеля.

Материал и методика. Стационарный сбор жесткокрылых проводился с мая по июль 2007 года на трех участках на побережье реки Сож в пределах Гомеля (рисунок).

1 – стационар «Вход в город»; 2 – стационар «Новобелицкий мост»; 3 – стационар «Пляж»

Рисунок – Участки стационарного сбора материала

Стационары представляли собой следующие участки:

1. «Вход в город». Стационар, наименее подверженный рекреационной нагрузке. Расположен на границе города.
2. «Новобелицкий мост». Берега покрыты большим количеством прибрежной растительности. Рекреационная нагрузка незначительная, преимущественно встречаются рыбаки.
3. «Пляж». Характеризуется значительной рекреационной нагрузкой, представляет собой небольшую заводь.

В качестве почвенных ловушек использовались полистироловые стаканчики объемом 0,25 л, на одну треть заполненные фиксатором – 9-процентном раствором уксусной кислоты. Ловушки выставлялись на расстоянии 10 метров от уреза воды из расчета 10 почвенных ловушек на один стационар в течение 7 дней.

Идентификация видов жесткокрылых проводилась с использованием общепринятых определительных таблиц.

Показатели α -разнообразия в сообществах были рассчитаны с использованием программного пакета «BioDiversity Pro». Расчет индекса разнообразия Шеннона проводился с использованием десятичного основания логарифма. Доминирование в сообществе определялось по шкале Ренконена [3], согласно которой виды, доля которых составляет более 5% от общего числа особей, считаются доминантными; 2–5% – субдоминантными; 1–2% – рецедентными; менее 1% – субрецедентными.

Автор выражает глубокую признательность доктору биологических наук, профессору О. Р. Александровичу за помощь в определении некоторых видов, а также студентке биологического факультета Т. Н. Свиридовой за помощь в сборе материала.

Результаты исследования и их обсуждение

Всего за период исследований было обработано 420 ловушко-суток, собрано 2 029 экземпляров жесткокрылых 123 видов, относящихся к 17 семействам (таблица).

Таблица – Видовой состав и степень доминирования (%) жесткокрылых в прибрежных урбоценозах р. Сож

Семейство и вид	Стационар		
	«Вход в город»	«Новобелицкий мост»	«Пляж»
1	2	3	4
ANTHICIDAE LACORDAIRE, 1825			
<i>Anthicus axillaris</i> Schmidt, 1842	0,00	0,96	0,00
<i>Anthicus flavipes</i> (Panzer, 1797)	0,00	0,00	0,14
<i>Notoxus monoceros</i> (Linnaeus, 1761)	0,17	0,82	0,69
BYRRHIDAE LATREILLE, 1806			
<i>Byrrhus fasciatus</i> (Forster, 1771)	0,35	0,00	0,00
<i>Cytilus sericeus</i> (Forster, 1771)	0,00	0,14	0,00
CANTHARIDAE IMHOFF, 1856			
<i>Cantharis lateralis</i> Linnaeus, 1758	0,00	0,00	0,14
CARABIDAE LATREILLE, 1802			
<i>Acupalpus exiguus</i> (Dejean, 1829)	0,00	0,00	0,14
<i>Agonum afrum</i> (Duftschmid, 1812)	0,00	0,28	0,00
<i>Agonum dolens</i> (Sahlberg, 1827)	0,17	0,14	0,00
<i>Agonum impressum</i> (Panzer, 1797)	7,16	5,08	7,43
<i>Agonum muelleri</i> (Herbst, 1784)	0,00	0,14	0,00
<i>Agonum sexpunctatum</i> (Linnaeus, 1758)	0,00	0,00	0,41
<i>Agonum versutum</i> Sturm, 1824	0,17	0,14	0,00
<i>Agonum viduum</i> (Panzer, 1797)	0,00	0,14	0,00
<i>Amara communis</i> (Panzer, 1797)	0,52	0,41	0,00
<i>Amara famelica</i> Zimmermann, 1831	0,00	0,14	0,00
<i>Amara familiaris</i> (Duftschmid, 1812)	0,17	0,14	0,00
<i>Amara spreta</i> Dejean, 1831	0,00	5,35	0,55
<i>Amara tibialis</i> (Paykull, 1798)	0,00	0,00	0,14
<i>Anchomenus dorsalis</i> (Pontoppidan, 1763)	0,00	0,00	0,14
<i>Anisodactylus binotatus</i> (Fabricius, 1787)	0,69	1,23	0,41

Продолжение таблицы

1	2	3	4
<i>Anisodactylus signatus</i> (Panzer, 1797)	0,00	0,00	0,14
<i>Anthracus consputus</i> (Duftschmid, 1812)	0,00	0,27	0,00
<i>Asaphidion flavipes</i> (Linnaeus, 1761)	0,52	0,41	1,1
<i>Badister lacertosus</i> Sturm, 1815	0,00	0,00	0,14
<i>Badister peltatus</i> (Panzer, 1797)	0,17	0,00	0,00
<i>Badister unipustulatus</i> Bonelli, 1813	0,00	0,41	0,00
<i>Bembidion articulatum</i> (Panzer, 1797)	0,17	0,00	0,14
<i>Bembidion assimile</i> Gyllenhal, 1810	0,00	0,41	0,00
<i>Bembidion biguttatum</i> (Fabricius, 1779)	0,52	0,27	0,41
<i>Bembidion deletum</i> Audinet-Serville, 1821	0,00	0,00	0,14
<i>Bembidion dentellum</i> (Thunberg, 1787)	0,17	0,00	0,00
<i>Bembidion gilvipes</i> (Sturm, 1825)	0,00	3,02	0,00
<i>Bembidion guttula</i> (Fabricius, 1792)	0,17	0,00	0,00
<i>Bembidion obliquum</i> Sturm, 1825	0,00	0,14	0,00
<i>Bembidion properans</i> (Stephens, 1828)	9,9	4,8	1,1
<i>Bembidion quadrimaculatum</i> (Linnaeus, 1761)	0,35	1,23	1,79
<i>Bembidion tetracolum</i> Say, 1823	0,00	1,92	1,51
<i>Bembidion varium</i> (Olivier, 1795)	1,75	0,14	2,2
<i>Carabus glabratus</i> Paykull, 1790	0,17	0,00	0,00
<i>Carabus granulatus</i> Linnaeus, 1758	0,17	1,51	0,14
<i>Carabus nemoralis</i> O. F. Müller, 1764	0,00	0,14	0,00
<i>Chlaenius nigricornis</i> (Fabricius, 1787)	0,34	0,00	1,51
<i>Chlaenius nitidulus</i> (Schrank, 1781)	2,79	1,23	3,3
<i>Chlaenius tibialis</i> Dejean, 1826	0,52	0,00	0,41
<i>Chlaenius vestitus</i> (Paykull, 1790)	0,00	0,14	0,00
<i>Clivina fossor</i> (Linnaeus, 1758)	1,22	1,1	0,83
<i>Dyschiriodes aeneus</i> Dejean, 1825	0,52	2,61	0,00
<i>Dyschiriodes globosus</i> Herbst, 1784	0,00	1,92	0,00
<i>Dyschiriodes intermedius</i> (Putzeus, 1846)	0,17	0,00	0,00
<i>Dyschiriodes politus</i> Dejean, 1825	0,00	0,14	0,14
<i>Dyschirius arenosus</i> Stephens, 1827	0,7	0,27	0,55
<i>Elaphrus cupreus</i> Duftschmid, 1812	0,00	0,27	0,00
<i>Europhilus micans</i> (Nicolai, 1822)	0,17	0,14	0,00
<i>Europhilus thoreyi</i> (Dejean, 1828)	0,00	0,14	0,00
<i>Harpalus affinis</i> (Schrank, 1781)	0,00	0,14	0,14
<i>Harpalus autumnalis</i> (Duftschmid, 1812)	0,17	0,00	0,00
<i>Harpalus flavescens</i> (Piller et Mitterpacher, 1783)	0,00	0,00	0,14
<i>Harpalus latus</i> (Linnaeus, 1758)	0,17	0,14	0,00
<i>Harpalus rufipes</i> (Degeer, 1774)	0,00	1,51	0,14
<i>Harpalus solitarius</i> Dejean, 1829	0,00	0,14	0,00
<i>Harpalus tardus</i> (Panzer, 1797)	0,00	0,14	0,00
<i>Loricera pilicornis</i> (Fabricius, 1775)	0,69	1,66	3,03
<i>Microlestes maurus</i> (Sturm, 1827)	0,00	0,00	0,14
<i>Microlestes minutulus</i> (Goeze, 1777)	0,17	0,41	0,69
<i>Notiophilus palustris</i> (Duftschmid, 1812)	0,00	0,14	0,00
<i>Oodes helopioides</i> (Fabricius, 1792)	5,06	3,02	5,32

Продолжение таблицы

1	2	3	4
<i>Oxypselaphus obscurus</i> (Herbst, 1784)	0,00	0,96	0,00
<i>Panagaeus bipustulatus</i> (Fabricius, 1775)	0,00	0,14	0,00
<i>Panagaeus cruxmajor</i> (Linnaeus, 1758)	0,87	0,41	0,41
<i>Patrobus atrorufus</i> (Strom, 1768)	0,00	0,27	0,14
<i>Philorhizus spilotus</i> (Illiger, 1798)	0,00	0,14	0,00
<i>Platynus assimilis</i> (Paykull, 1790)	0,00	3,43	0,14
<i>Poecilus cupreus</i> (Linnaeus, 1758)	8,38	6,31	2,2
<i>Poecilus lepidus</i> (Leske, 1785)	0,35	0,27	0,14
<i>Poecilus versicolor</i> (Sturm, 1824)	18,5	8,09	3,16
<i>Pterostichus anthracinus</i> (Illiger, 1798)	3,32	2,47	0,83
<i>Pterostichus gracilis</i> (Dejean, 1828)	0,17	0,00	0,00
<i>Pterostichus melanarius</i> (Illiger, 1798)	0,35	1,1	0,00
<i>Pterostichus niger</i> (Schaller, 1783)	0,00	0,14	0,00
<i>Pterostichus oblongopunctatus</i> (Fabricius, 1787)	0,00	0,14	0,00
<i>Pterostichus quadriveolatus</i> Letzner, 1852	0,00	0,14	0,00
<i>Pterostichus strenuus</i> (Panzer, 1797)	0,00	0,41	0,14
<i>Pterostichus vernalis</i> (Panzer, 1796)	4,01	2,32	4,4
<i>Stenolophus mixtus</i> (Herbst, 1784)	0,87	0,27	0,14
<i>Stenolophus teutonius</i> (Schrank, 1781)	0,17	0	0
<i>Syntomus truncatellus</i> (Linnaeus, 1761)	0,17	1,37	0
CHRYSOMELIDAE LATREILLE, 1802			
<i>Chrysomela saliceti</i> Weise, 1884	3,32	0,00	0,28
<i>Lema cyanella</i> (Linnaeus, 1758)	0,00	0,00	0,14
<i>Pachnophorus pilosus</i> (Rossi, 1790)	0,00	0,14	0,69
<i>Pachnophorus tessellatus</i> (Duftschmid, 1825)	0,00	0,14	1,38
<i>Phaedon laevigatus</i> (Duftschmid, 1825)	0,00	11,11	0,00
CURCULIONIDAE LATREILLE, 1802			
<i>Lepyryus palustris</i> (Scopoli, 1763)	0,17	0,00	0,14
<i>Ottiorhynchus scaber</i> (Linnaeus, 1758)	0,17	0,14	0,00
<i>Chlorophanus viridis</i> (Linnaeus, 1785)	0,00	0,27	0,00
DERMESTIDAE LATREILLE, 1807			
<i>Dermestes frishi</i> Kugelann, 1792	0,00	0,27	0,00
<i>Dermestes lanarius</i> Illiger, 1801	0,00	0,00	0,14
ELATERIDAE LEACH, 1815			
<i>Agriotes lineatus</i> (Linnaeus, 1767)	0,00	0,82	0,41
<i>Agriotes obscurus</i> (Linnaeus, 1758)	0,00	0,82	0,00
<i>Agriotes sputator</i> (Linnaeus, 1758)	0,00	0,27	0,00
<i>Agrypnus murinus</i> (Linnaeus, 1758)	0,00	0,00	0,14
<i>Ampedus sanguinolentus</i> (Schrank, 1776)	0,00	0,00	0,14
<i>Negastrius pulchellus</i> (Linnaeus, 1761)	0,00	0,14	0
GYRINIDAE LATREILLE, 1810			
<i>Orectochilus villosus</i> (O. F. Müller, 1776)	0,00	0,00	0,14
HISTERIDAE GYLLENHAL, 1808			
<i>Hypocacculus rufipes</i> (Kugelann, 1792)	0,00	0,00	0,14
LIMNICHIDAE ERICHSON, 1846			

Окончание таблицы

1	2	3	4
<i>Limnichus sericeus</i> (Duftschmid, 1825)	0,00	0,14	0,00
NITIDULIDAE LATREILLE, 1802			
<i>Soronia grisea</i> (Linnaeus, 1758)	0,00	0,00	0,14
SCARABAEIDAE LATREILLE, 1802			
<i>Aphodius niger</i> (Panzer, 1797)	2,79	0,82	0,83
<i>Aphodius plagiatus</i> (Linnaeus, 1767)	1,05	0,55	0,41
<i>Hoplia graminicola</i> (Fabricius, 1792)	0,00	0,00	0,55
<i>Ochodaeus chrysoloides</i> (Schränk, 1825)	0,00	0,00	0,14
<i>Odonteus armiger</i> (Scopoli, 1843)	0,00	0,27	0,00
<i>Rhyssalus germanus</i> (Linnaeus, 1767)	13,79	6,99	45,63
SILPHIDAE LATREILLE, 1807			
<i>Silpha carinata</i> Herbst, 1783	1,4	1,23	0,55
<i>Silpha tristis</i> Illiger, 1798	0,17	0,00	0,00
<i>Thanatophilus dispar</i> Herbst, 1793	0,00	0,27	0,14
STAPHYLINIDAE LATREILLE, 1802			
<i>Geostiba circellaris</i> (Gravenhorst, 1806)	0,35	1,37	0,41
<i>Micropeplus tesserula</i> Curtis, 1828	0,17	0,00	0,00
<i>Philonthus sanguinolentus</i> (Gravenhorst, 1802)	3,14	0,27	0,00
<i>Staphylinus erythropterus</i> Linnaeus, 1758	0,00	0,00	0,14
TENEBRIONIDAE LATREILLE, 1802			
<i>Crypticus quisquilius</i> (Linnaeus, 1761)	0,17	0,41	0,14
<i>Opatrum sabulosum</i> (Linnaeus, 1761)	0	0,14	0,00
THROSCIDAE LAPORTE DE CASTELNAU, 1840			
<i>Trixagus dermestoides</i> (Linnaeus, 1767)	0,00	0,00	0,14
Всего особей	573	729	727
Всего видов	55	84	67
Информационное разнообразие, H'	1,28	1,56	1,10
Концентрация доминирования, D	0,08	0,04	0,22
Выравниваемость по Пielу, e	0,32	0,35	0,26

При рассмотрении спектра обнаруженных видов жесткокрылых было выявлено, что 20 видов из обнаруженных нами в береговых урбоценозах р. Сож впервые были зафиксированы для данного региона Беларуси (*A. axillaris*, *A. flavipes*, *A. consputus*, *B. peltatus*, *Ch. tibialis*, *D. intermedius*, *H. solitarius*, *M. maurus*, *P. bipustulatus*, *P. cruxmajor*, *Ph. spilotus*, *P. pilosus*, *O. scaber*, *D. frishi*, *O. villosus*, *S. grisea*, *O. chrysoloides*, *Th. dispar*, *M. tesserula*, *Ph. sanguinolentus*), а 3 вида – впервые для территории Беларуси (*A. afrum*, *B. deletum* и *H. rufipes*) [4], [5].

В целом в прибрежных урбоценозах Гомеля доминировало 4 вида жесткокрылых (*A. impressum*, *P. cupreus*, *P. versicolor* как представители жужелиц и *Rh. germanus* – представитель пластинчатоусых жуков).

Видовое богатство и численность жесткокрылых существенно отличались на разных стационарах. Так, стационар, находящийся на окраине города, характеризовался как самой низкой численностью жесткокрылых, так и наиболее низким видовым богатством (таблица). В то же время на участке, который больше всех был подвержен рекреационной нагрузке, было отмечено как значительное число видов, так и обилие жесткокрылых, уступающее лишь стационару «Новобелицкий мост».

Спектр доминирующих видов на различных стационарах также варьировался. Следует сказать, что общих доминантов, преобладавших на всех исследованных береговых

участках, было всего два – *A. impressum* и *Rh. germanus*. При этом относительное обилие последнего вида значительно превышало численность как *A. impressum*, так и остальных видов. Особенно это отразилось на стационаре «Пляж», где относительное обилие *Rh. germanus* достигло 45,63%. На окраинном стационаре при достаточно высоких показателях информационного разнообразия преобладали, кроме вышеупомянутых *A. impressum* и *Rh. germanus*, 4 вида (*B. properans*, *O. helopioides*, *P. cupreus* и *P. versicolor*). На промежуточном стационаре «Новобелицкий мост», который характеризовался наиболее высокими показателями информационного разнообразия и выравниваемости на фоне самой низкой концентрации доминирования, в числе доминантов были отмечены также *A. spreta*, *P. cupreus*, *P. versicolor*, *Ph. laevigatus*. Причем последний вид был отмечен только на этом участке. На стационаре «Пляж» среди доминантов наряду с *A. impressum* и *Rh. germanus* доминировал лишь *O. helopioides*. Вообще для последнего стационара («Пляж») характерны наименьшие показатели информационного разнообразия и выравниваемости при высокой степени концентрации доминирования, что может свидетельствовать о сформированном в достаточной степени сообществе, в котором обитают виды, хорошо приспособленные к условиям сильной рекреационной нагрузки.

Выводы

1. В береговых урбоценозах р. Сож в пределах г. Гомеля было выявлено 123 вида жесткокрылых из 17 семейств, в которых доминировали представители родов *Amara*, *Agonum*, *Bembidion*, *Oodes*, *Poecilus*, *Rhyssalus*, *Phaedon*.

2. В береговых местообитаниях выявлено 20 видов жесткокрылых, ранее не указанных в литературе для региона исследований, и 3 вида (*Agonum afrum*, *Bembidion deletum* и *Hypocacculus rufipes*) – для территории Беларуси.

3. Увеличение рекреационной нагрузки не приводит к резкому сокращению видового богатства и численности, но в то же время в этих условиях наблюдается перестройка видового состава и структуры сообществ жесткокрылых. Это отражается в изменении как состава доминирующих видов, так и показателей биоразнообразия, свидетельствующих о том, что в центре города при повышении рекреационной нагрузки складываются устойчивые сообщества, сформированные преимущественно из экологически пластичных видов жесткокрылых.

Таким образом, сообщества жесткокрылых, существующие на берегу р. Сож в пределах г. Гомеля, имеют своеобразную структуру, сформированную благодаря специфическим условиям обитания, которые возникают при значительном антропогенном воздействии, представленном рекреационной нагрузкой.

Литература

1. Галиновский, Н. Г. Особенности структуры сообществ жесткокрылых-гидробионтов (Insecta, Coleoptera) ряда водных объектов Минска / Н. Г. Галиновский // Известия Гомел. гос. ун-та. – 2007. – № 1. – С. 105–109.
2. Галиновский, Н. Г. К изучению фауны жулиц (Coleoptera, Carabidae) береговых сообществ р. Сож в пределах г. Гомеля / Н. Г. Галиновский // Известия Гомел. гос. ун-та. – 2008. – № 5. – С. 94–100.
3. Renkonnen, O. Statistish-Okologische Untersuchungen uber die terrestrische Kaferwelt der finnischen Bruchmoore / O. Renkonnen // Ann. Zool. – Bot. Soc. Fennicae. – 1938. – № 6. – P. 1–231.
4. Каталог жесткокрылых (Coleoptera, Insecta) Беларуси / О. Р. Александрович [и др.]; Фонд фундам. исслед. Респ. Беларусь. – Минск : ФФИ РБ, 1996. – 103 с.
5. Кирейчук, А. Г. Дополнение и уточнения к каталогу жесткокрылых (Coleoptera) Беларуси / А. Г. Кирейчук, О. Р. Александрович, В. А. Цинкевич // Вестник БГУ. – Сер. 2. – № 1. – 1998. – С. 39–41.

Summary

The results of preliminary researches of the beetles' coastal communities of the river Sozh flowing within the city of Gomel are considered in the article. The 123 species of coleoptera are revealed, the specific structure of communities is examined. 20 species of coleopteran, earlier in the literature for the region not specified were found out. 3 species were found out on the territory of Belarus for the first time.

It is revealed that the increase of recreational load doesn't lead to sharp reduction of strength and riches of population, but at the same time reorganization of population structure 2 the structure of coleopteran community is observed in there conditions.

Поступила в редакцию 19.02.10.

УДК (1–751.2)(476)

*В. Н. Лукашевич, В. А. Бахарев***ВИДОВОЙ СОСТАВ ГЕРПЕТОФАУНЫ ПОЛЕССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО РАДИАЦИОННО-ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ЗАПОВЕДНИКА**

Авторы проводят анализ герпетофауны особо охраняемых территорий Гомельской области и делают заключение, что именно заповедники и национальные парки способствуют сохранению биоразнообразия фауны, а заказники лишь частично выполняют эти функции. В статье описывается крупнейшая популяция редкого вида рептилий – болотной черепахи.

Введение

Авария на Чернобыльской АЭС привела к радиоактивному загрязнению около 70% территории Беларуси [1, 3]. После аварии на ЧАЭС несколько научных центров республики (Институт экспериментальной ботаники, Институт леса, Институт зоологии НАН Беларуси, Белорусский государственный университет и др.) начали научные исследования последствий катастрофы. В 1988 г. на территории так называемой 30-километровой зоны отчуждения и отселения был создан Полесский государственный радиационно-экологический заповедник (ПГРЭЗ). В настоящее время здесь ведется целенаправленное изучение влияния на биоценозы радиоактивного загрязнения и снятия антропогенной нагрузки.

Изучая проблемы, связанные с экологическими аспектами обитания животных на обширных территориях, загрязненных радионуклидами, необходимо иметь в виду, что на состояние и динамику формирования популяций и сообществ животных оказывает влияние не только прямое воздействие ионизирующей радиации, но и совокупность других факторов окружающей среды, изменяющихся в широких пределах. В 30-километровой зоне аварии на Чернобыльской АЭС такое воздействие чрезвычайно сильно. Здесь в результате практически полного снятия антропогенной нагрузки начали складываться специфические экологические условия, которые существенным образом сказались на структуре фаунистических комплексов и популяций как фоновых, так и редких видов животных. Кроме того, пристальное внимание к ПГРЭЗ способствовало более тщательному изучению фауны этого района, что существенно дополнило имеющиеся ранее сведения о биологическом разнообразии животных этого региона.

Целью нашего исследования явилось изучение специфики видового разнообразия герпетофауны ПГРЭЗ в сравнении с некоторыми охраняемыми природными территориями Гомельщины.

Состояние изученности проблемы. Видовой состав рептилий Полесья сформировался лишь на заключительных этапах плейстоцен-голоценового периода. К отмеченному времени на территории, занимаемой современной Беларусью, практически уже сложился весь видовой состав амфибий и происходило становление границ ареалов. При традиционно сложившихся взглядах на заселение Беларуси животными по мере отступления ледника фактически мы видим парадоксальное расположение границ ареалов – почти долготное (с севера на юг республики) – у камышовой жабы, обыкновенной квакши, краснобрюхой жерлянки. Граница же распространения болотной черепахи располагается в широтном направлении. Последний Валдайский ледник покрывал лишь часть Витебщины, и в этом контексте граница ареала камышовой жабы выглядит парадоксально.

Исследования В. Ю. Ратникова показали, что современный состав амфибий сформировался лишь на позднем плейстоцен-голоценовый этапе, а раньше (среднеплейстоценовый) встречались лишь вымершие формы. Ископаемые остатки *T. cristatus* известны из среднего плейстоцена Башкирии, краснобрюхая жерлянка, комплекс зеленых лягушек, болотная черепаха, живородящая ящерица, обыкновенный уж отмечены в раннеголоценовых отложениях из районов реки Случи и Горыни.

В целом филогенетический возраст современных амфибий Беларуси на основании 52 местонахождений на Русской платформе выглядит следующим образом: поздний плиоцен – *Pelobates fuscus*, *Bufo bufo*, *Rana lessonae*, ранний плейстоцен – *Bombina bombina*, *Pelobates fuscus*, *Bufo bufo*, *Rana ridibunda*, *Rana lessonae*, *Rana ex. gr. temporaria*, *Rana arvalis*, и, наконец, *Bufo calamita* известна лишь из отложений среднего плейстоцена.

Таким образом, северные границы ареалов краснобрюхой жерлянки, обыкновенной квакши и болотной черепахи подтверждают мнение, что формирование герпетокомплекса Беларуси закончилось в голоцене после отступления последнего ледника. Отсюда вытекает вывод, что, вероятно, в позднем голоцене происходило заселение этих видов с юго-запада на северо-восток, что и сформировало современный видовой состав.

Вероятнее всего, древние предки болотной черепахи распространились из Северной Америки по гипотетическому матерiku на территорию, которая находилась между морями Тетис и Паратерис. Последующие геологические процессы внесли свои корректировки в формирование современного вида и его ареала. Конечно, на расселение этого вида повлияли последующие ледники. Таким образом, экспансия вида на территорию современной Беларуси происходила из рифугиума, расположенного севернее Крыма. Данный вид заселил Украину и часть современной территории Беларуси. Находки черепах в северной части рассматриваются рядом исследователей как артефакт. Однако более тщательный анализ последних палеонтологических находок субфоссильных остатков этого вида в Беларуси и особенно своеобразной картины южной границы последнего оледенения позволяет по-новому трактовать имеющиеся данные. По нашим находкам, три с половиной тысячи лет тому назад и сейчас болотная черепаха встречается в северной части Беларуси. Такое постоянство позволяет предположить, что, вероятно, вид начал расселяться с отступлением ледника по двум коридорам:

1) по восточной границе рижского языка ледника в направлении Свирь – Швенченис;

2) между дисненской и полоцкой лопастью в северном направлении Ушачи – Ветрино.

Расселение по коридору между Чудским и Ладожским ледниковыми потоками сомнительно, т. к. последний накрывал всю северо-западную часть современной Беларуси, включая Витебск, Лучесы и часть Могилевщины.

Таким образом, этот вид 20 000–17 000 лет тому назад под влиянием Валдайского ледника был отеснен в южные районы современной территории Беларуси, а 13 000 лет тому назад по мере таяния ледника (около 2 200 лет) началась экспансия вида на север. Вероятно, в тот период черепаха освоила Беларусь до северных регионов. Отмеченное сокращение современной границы ареала является, возможно, следствием колебаний численности вида.

Шесть видов рептилий Беларуси являются менее чувствительными к действию низких температур, о чем свидетельствует более северное расположение границ ареалов. Вероятнее всего, они смогли быстрее черепахи освоить освободившиеся после ледника территории. Таким образом, ядро видового состава амфибий и рептилий Полесья, вероятно, сформировалось уже до наступления Валдайского ледника.

Фауну земноводных и пресмыкающихся 30-километровой зоны отчуждения и отселения в разное время изучали М. М. Пикулик, К. К. Рыжевич, С. М. Дробенков, Р. В. Новицкий. Результаты исследований освещены в сборниках статей «Животный мир в зоне аварии Чернобыльской АЭС», «10 лет Полесскому радиационно-экологическому заповеднику», «20 лет после Чернобыльской катастрофы».

К сожалению, за исключением национального парка «Припятский», видовой состав амфибий и рептилий других охраняемых территорий Гомельщины [2] практически не изучен.

Материал и методы. Видовой состав амфибий и рептилий изучался в Полесском государственном радиационно-экологическом заповеднике с большим радиационным фоном и в заказниках с относительно низким уровнем радиации – «Мозырские овраги», «Лешнянский», «Алес», «Букчанский». Работа в ПГРЭЗ велась с 2008 путем закладки учетных маршрутов и проведения самих учетов на маршрутах, а в заказниках – с 2005 года.

Результаты исследования и их обсуждение*Видовой состав*

Вследствие большой мозаичности на изучаемой территории амфибии и рептилии представлены наиболее полно. В настоящее время наибольшее видовое разнообразие амфибий и рептилий в Гомельской области и в целом по республике отмечено в «Припятском» национальном парке, где обитают все 13 видов земноводных и 7 видов пресмыкающихся (таблица 1), зарегистрированных в Беларуси [3], [4].

Таблица 1 – Видовой состав амфибий и рептилий изученных территорий

№ п/п	Виды	Заповедные территории					
		3	4	5	6	7	8
	<i>Амфибии</i>						
1	<i>L. vulgaris</i>	+	+	+	+		+
2	<i>T. cristatus</i>	+	+	+			+
3	<i>B. bombina</i>	+	+	+	+	+	+
4	<i>P. fuscus</i>	+	+				+
5	<i>B. bufo</i>	+	+	+	+	+	+
6	<i>B. viridis</i>	+	+	+			+
7	<i>H. arborea</i>	+	+	+	+	+	+
8	<i>R. kl. esculenta</i>	+	+	+	+	+	+
9	<i>R. arvalis</i>	+	+	+	+	+	+
10	<i>R. temporaria</i>	+	?	+	+		+
	<i>Рептилии</i>						
1	<i>E. orbicularis</i>	+	+			+	+
2	<i>A. fragilis</i>	+	+		+		+
3	<i>L. agilis</i>	+	+	+	+	+	+
4	<i>L. vivipara</i>	+	+	+	+	+	+
5	<i>N. natrix</i>	+	+	+	+		+
6	<i>C. austriaca</i>	+	+				+
7	<i>V. berus</i>	+	+		+		+

Примечание – заповедные территории – колонка № 3 – НП «Припятский»; ПГРЭЗ (№ 4); заказники – «Мозырские овраги» (№ 5), «Лешнянский» (№ 6), «Алес» (№ 7), «Букчанский» (№ 8).

Значительно меньшее видовое богатство герпетофауны наблюдается в других исследованных ООПТ Гомельщины. Так, в уникальном для республики ландшафтном заказнике «Мозырские овраги», расположенном во втором по величине городе Гомельской области и его окрестностях, отмечено 9 видов амфибий и 3 вида рептилий [2]. В заказниках «Алес» и «Лешнянский», расположенных на относительно большом расстоянии от г. Мозыря, отмечено 5 видов амфибий и 3 вида рептилий, 7 видов амфибий и 5 – рептилий соответственно. В то же время в «Букчанском» заказнике, находящемся в малонаселенном и менее трансформированном регионе (крайний юго-запад Гомельской области), отмечено 10 видов амфибий и 7 рептилий, или 85% видового состава герпетофауны страны. В районе этого заказника было проведено изучение морфометрических показателей болотной черепахи разных возрастов (таблица 2).

Таблица 2 – Морфометрическая характеристика болотной черепахи разных возрастов

Возраст	Пол	Масса (г.)	L. car. (мм.)	Lt. car. (мм.)
0+	ju.	6	30	25
3+	ju.	150	108	52
4+	Самка	300	97	82
5+	Самец	260	128	101
6+	Самка	480	138	119
7+	Самец	560	143	119
8+	Самец	–	169	136
9+	Самка	850	170	143
10+	Самка	950	177	135
12+	Самка	1 400	200	153

Возраст черепах определялся по годовым кольцам (рисунки 1, 2)

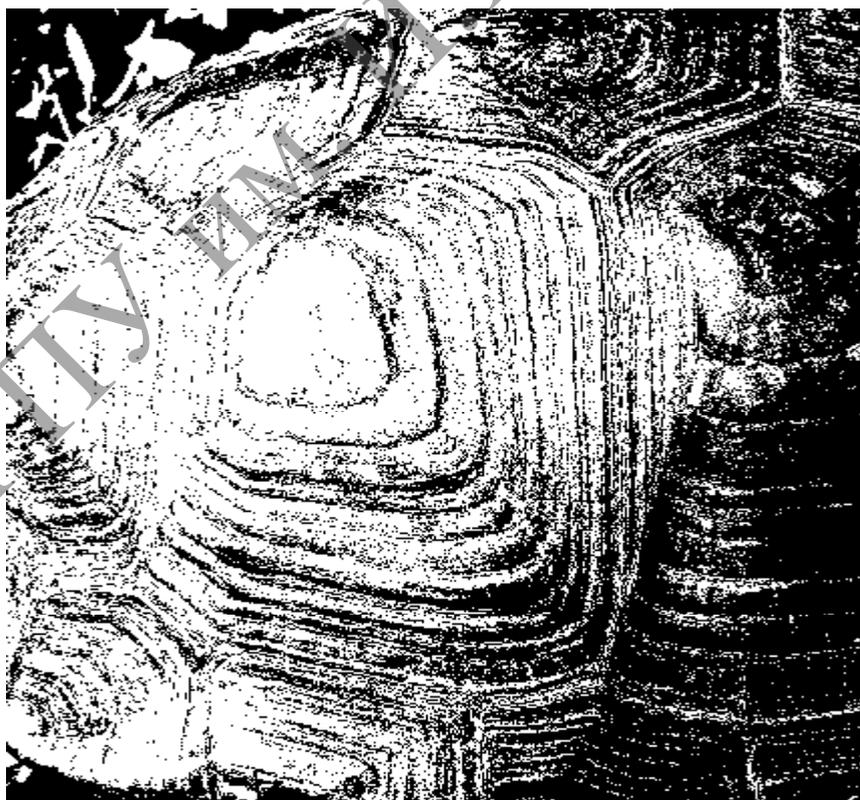

Рисунок 1 – Годовые кольца на карапаксе болотной черепахи

Рисунок 2 – Годовые кольца на пластроне болотной черепахи

Разумеется, данная методика определения возраста не является совершенной. Однако подобными методиками для определения возраста по годовым кольцам пользуются ихтиологи, териологи для животных с сезонным ритмом жизни и диапаузами. Учитывая, что болотная черепаха является редким видом Красной книги Республики Беларусь и классическое определение возраста по спилам костей проблематично, считаем данную методику приемлемой, учитывая, что после 10 лет определение возраста по годовым кольцам крайне сложно.

Как представлено в таблице 1, на территории ПГРЭЗ отмечено 18 видов, или 90% видового состава герпетофауны Беларуси. Из них на территории заповедника 1 вид редкий (K): медянка (*Coronella austriaca*); 2 вида малочисленных (R): гребенчатый тритон (*Triturus cristatus Laur.*), травяная лягушка (?) – включена в список, по литературным данным, [5]; 1 вид многочисленный (N): остромордая лягушка (*Rana arvalis Nil.*), а остальные 10 видов обычные (W): обыкновенный тритон (*Lissotriton vulgaris L.*), обыкновенная жерлянка (*Bombina bombina L.*), обыкновенная чесночница (*Pelobates fuscus Laur.*), серая жаба (*Bufo bufo L.*), зеленая жаба (*Bufo viridis Laur.*), обыкновенная квакша (*Hyla arborea L.*), прудовая лягушка (*Rana lessonae C.*), съедобная лягушка (*Rana kl.esculenta L.*), болотная черепаха (*Emys orbicularis*), веретеница ломкая (*Anguis fragilis*), ящерица прыткая (*Lacerta agilis*), ящерица живородящая (*Lacerta vivipara*), уж обыкновенный (*Natrix natrix*), гадюка обыкновенная (*Vipera berus*). Кроме того, предполагается обитание на территории ПГРЭЗ озерной лягушки, одного из двух видов герпетокомплекса, пока не отмеченных на исследуемой территории. Отсутствие же здесь камышовой жабы объясняется тем, что современная граница ареала распространения этого редкого вида находится несколько западнее ПГРЭЗ.

В результате ряда сложившихся факторов в настоящее время на территории ПГРЭЗ находится крупнейшая в Беларуси популяция номинативного подвида «краснокнижника» болотной черепахи, насчитывающая 70–100 тыс. ос. Кроме того, в последнее время здесь ежегодно отмечаются новые, ранее неизвестные точки находок еще двух видов, занесенных в Красную книгу Республики Беларусь – гребенчатого тритона и медянки. Таким образом, ПГРЭЗ и НП «Припятский» являются наиболее значимыми охраняемыми территориями Беларуси в деле сохранения биоразнообразия герпетофауны страны.

Проведенные исследования показали, что на видовое разнообразие земноводных и пресмыкающихся белорусского Полесья определяющее воздействие оказывает хозяйственная деятельность человека. При устранении данного фактора происходят процессы вторичной сукцессии и, как следствие, значительное восстановление прежнего облика (ПГРЭЗ). Именно с этих позиций ПГРЭЗ явился хорошим примером по ответу экосистем на практически полное снятие антропогенного пресса. Таким образом, даже огромный радиоактивный фон оказывает куда меньшее негативное влияние на видовое разнообразие изучаемой группы животных, чем хозяйственная деятельность человека.

Предварительный анализ показал, что здесь за последние два десятилетия образовалась одна из крупнейших в мире популяций редкого вида – болотной черепахи, в то время как ряд микропопуляций этого вида, находившихся вблизи и на территории населенных пунктов (д. Козловичи Дятловского района, д. Любашево Ганцевичского района и др.), полностью исчезли.

Кроме ПГРЭЗ и НП «Припятский», существенную роль в сохранении видового разнообразия герпетофауны Полесья и республики в целом могут играть заказники, организованные в мало трансформированных районах и не испытывающие такой величины антропогенного пресса, которая могла бы отрицательно повлиять на видовое разнообразие исследуемой группы животных («Букчанский» заказник).

Создаваемые вблизи крупных городов заказники («Мозырские овраги», «Стрельский», «Алес», «Лешнянский») лишь на время приостанавливают сокращение видового разнообразия амфибий и рептилий и являются значительно менее важными ООПТ для амфибий и рептилий.

Выводы

1. На территории ПГРЭЗ встречается 90% видов герпетофауны страны, в результате чего эта территория является одной из важнейших в республике по сохранению видового разнообразия исследуемой группы животных.

2. Территория ПГРЭЗ – главный резерват республики по сохранению «краснокнижного» вида болотной черепахи.

3. Хозяйственная деятельность человека оказывает более негативное влияние на видовое разнообразие герпетофауны, чем высокие уровни радиоактивного загрязнения.

4. На особо охраняемых природных территориях Гомельщины, находящихся вблизи крупных городов и испытывающих значительный антропогенный пресс, видовое разнообразие герпетофауны снизилось по сравнению с таковым на территориях, расположенных в мало трансформированных регионах.

Литература

1. Животный мир в зоне аварии Чернобыльской АЭС / под ред.: Л. М. Суцени, М. М. Пикулика, А. Е. Пленина. – Минск : Наука і тэхніка, 1995.

2. Состояние и тенденции развития природных экосистем государственного ландшафтного заказника «Мозырские овраги» / В. В. Валетов [и др.] ; под общ. ред. В. И. Парфенова. – Мозырь : ООО ИД «Белый ветер», 2008. – С. 158–164.

3. Дробенков, С. М. Структурная организация природных сообществ амфибий и рептилий Нац. парка «Припятский» / С. М. Дробенков // Биологическое разнообразие Нац. парка «Припятский» и других особо охраняемых природных территорий : сб. науч. тр. Нац. парка «Припятский». – Туров–Мозырь : Белый ветер, 1999. – С. 237–240.

4. Земноводные Беларуси: распространение, экология и охрана / С. М. Дробенков [и др.] ; под. общ. ред. С. М. Дробенкова. – Минск : Беларус. наука, 2006. – 215 с.

5. Пикулик, М. М. Амфибии и рептилии / М. М. Пикулик, С. М. Дробенков // Животный мир в зоне аварии Чернобыльской АЭС / под ред.: Л. М. Суцени, М. М. Пикулика, А. Е. Пленина. – Минск : Наука і тэхніка, 1995. – С. 55–58.

Summary

The authors give the analysis of herpetofauna of particularly protected territories of Gomel region. They conclude that namely forest reserves and national parks promote preservation of fauna's biodiversity; but the reserves serve these functions only partially.

Поступила в редакцию 12.02.10.

УДК 597:591.4(476)

*И. И. Обухович, Н. А. Лебедев, В. К. Ризевский***МОРФОМЕТРИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
РОТАНА-ГОЛОВЕШКИ *PERCCOTTUS GLENII* DUBOWSKI, 1877
ИЗ МЕЛИОРАТИВНОГО КАНАЛА БАССЕЙНА р. ПРИПЯТЬ**

Приведена морфометрическая характеристика ротана-головешки *Perccottus glenii*, отловленного в октябре 2009 г. в мелиоративном канале вблизи д. Большие Автюки Калинковичского района Гомельской области. Материал представлен половозрелыми особями – 60 экз., длина тела без хвостового плавника – 67,3–108,5 мм. Проанализировано 27 пластических и 12 меристических признаков. Показаны достоверные различия между самцами и самками по двум пластическим признакам. Проведено сравнение полученных данных с данными других авторов. Выявлены достоверные различия по 8 пластическим признакам у ротана-головешки исследованного водоема и прудов г. Минска.

Введение

Биологические инвазии наряду с загрязнением водоемов и зарегулированием стока рек приводят к существенным изменениям в структуре пресноводной ихтиофауны. Наглядным примером биологической инвазии пресноводных видов рыб является распространение в водоемах Беларуси ротана-головешки *Perccottus glenii* (Perciformes: Odontobutidae). Естественный ареал этого вида включает Дальний Восток России [1], северо-восток Китая [2] и север Северной Кореи [3], нижнее и среднее течение Амура, Сунгари, Уссури и оз. Ханка. В середине XX в. из бассейна р. Амур этот вид был завезен в различные регионы Евразии. Начиная с 90-х гг. XX века в связи с деятельностью человека наблюдается стремительное распространение этого вида в водоемах южно-восточной Европы [4]–[7]. Согласно ряду научных работ, этот вид способен оказать существенное негативное влияние на биотическую составляющую экосистем пресных водоемов приобретенного ареала [8]–[11].

Первые сведения из научных литературных источников о нахождении ротана-головешки в водоемах Беларуси и его морфологических особенностях относятся к 1996 г. [12]. Согласно данным авторов, ротан-головешка появился в водоемах Беларуси (пруды г. Минска, бассейн р. Свислочь) еще в 1970-х гг. Однако комплексное его изучение в Беларуси началось только в 2008 г., когда нами были проведены исследования, посвященные распространению и биологическим особенностям этого чужеродного вида в водоемах республики [13].

Цель настоящей работы – выявление морфометрических особенностей ротана-головешки из мелиоративного канала вблизи д. Большие Автюки Калинковичского района Гомельской области.

Материал и методика исследования. Отлов рыб проведен в октябре 2009 г. в мелиоративном канале вблизи д. Большие Автюки Калинковичского района (рисунок 1). Данный водоток связан с р. Дымарка (левый приток р. Закованка, бассейн р. Припять).

**Рисунок 1 – Мелиоративный канал
вблизи д. Большие Автюки (Калинковичский район)**

Берега канала естественные, грунт илисто-песчаный (местами заиленность достигает 30 см и выше), хорошо развита водная растительность. Из-за высокой заиленности и небольшого уклона (рисунок 1) проточность в канале слабая.

Сбор материала проведен на участке канала протяженностью 250–300 м на глубине от 30 см до 1 м. В качестве орудия лова использовали сачок с металлической рамой размером 40 x 50 см. Размер ячеи – 8 мм.

Отловленных рыб фиксировали замораживанием. Определяли массу, пол и возраст особей. Возраст определялся по чешуе рыб [14]. Морфометрические измерения проводили в лабораторных условиях по общепринятой методике [15]. Результаты обрабатывали статистически [16]: проводили вычисление средней арифметической (M), ее ошибки (m), границ вариации признаков (Lim) и коэффициента вариации (CV). При оценке различий признаков у самцов и самок исследованной выборки, а также при сравнении пластических признаков ротана-головешки Калинковичского района и прудов г. Минска использовали двухвыборочный t -критерий для независимых выборок (t_{st}). Половые различия считали достоверными при уровне значимости $p < 0,05$. При сравнении пластических признаков ротана-головешки из исследованного водотока с аналогичными показателями ротана-головешки из прудов г. Минска считали статистически достоверными различия при $p < 0,000001$, так как особи из прудов г. Минска были зафиксированы 4-процентным формалином. В данном случае мы основывались на материалах статьи С. А. Мандрица [17].

Было проведено измерение следующих морфометрических признаков: D_1 – количество неветвистых лучей в первом спинном плавнике; $D_2 \text{ an gam.}$ и $D_2 \text{ gam.}$ – количество неветвистых и ветвистых лучей во втором спинном плавнике соответственно; $A \text{ an gam.}$ и $A \text{ gam.}$ – количество неветвистых и ветвистых лучей в анальном плавнике; $V \text{ an gam.}$ и $V \text{ gam.}$ – количество неветвистых и ветвистых лучей в брюшном плавнике; $P \text{ an gam.}$ и $P \text{ gam.}$ – количество неветвистых и ветвистых лучей в грудном плавнике; $sp. br.$ – количество тычинок на первой жаберной дуге; $sq.$ – количество чешуй в продольном ряду; vt – количество позвонков без уростиля; ab – длина всей рыбы; ad – длина рыбы без хвостового плавника (без C); pd – длина туловища; ap – длина головы; an – длина рыла; po – диаметр глаза; op – заглазничная длина; ll' – высота головы у затылка; Dh – наибольшая высота тела; kk' – наименьшая высота тела; s' – ширина лба; fd – длина хвостового стебля; aD – антедорсальное расстояние; gd – постдорсальное расстояние от первого спинного плавника; aV – антевентральное расстояние; aA – антеанальное расстояние; VA – вентроанальное расстояние; Dj – длина основания первого спинного плавника; xD' – длина основания второго спинного плавника; jx – расстояние между первым и вторым спинными плавниками; ee' – высота первого спинного плавника; zz' – высота второго спинного плавника; Pp' – длина грудного плавника; Pi – ширина основания грудного плавника; Vv' – длина брюшного плавника; Af' – длина основания анального плавника; mm' – высота анального плавника. Всего было проанализировано 27 пластических и 12 меристических признаков. Значения всех пластических признаков приведены в % по отношению к длине тела особей без хвостового плавника.

Результаты исследования и их обсуждение

Морфометрическому анализу подвергли 60 экземпляров ротана-головешки. Абсолютная длина тела отловленных особей варьируется от 82,2 до 131,0 мм, длина без хвостового плавника – 67,3–108,5 мм, масса рыб с внутренностями – 6,92–33,6 г.

Согласно проведенным морфометрическим измерениям, для исследованных особей ротана-головешки характерны следующие меристические признаки: в первом спинном плавнике (I D) насчитывается VI–IX неветвистых лучей; во втором спинном (II D) – I–II неветвистых и 9–13 ветвистых; в анальном (A) – I–II и 6–11; в брюшном (V) – I и 4–6; в грудном (P) – I–II и 14–17 лучей соответственно; количество тычинок на первой жаберной дуге – 9–13; чешуй в продольном ряду – 36–41; позвонков (без уростиля) – 28–30 (таблица 1). Достоверных различий между самцами и самками по меристическим признакам нами не обнаружено, и они не были отмечены другими авторами (см. [1], [12], [18], [19]), в связи с чем эти данные анализировались без разделения материала по половому признаку.

Таблица 1 – Значения меристических показателей ротана-головешки Калинковичского района (бассейн р. Припять) (n = 60 экз.)

Признак	Lim	M ± m	CV
D ₁	6–9	7,70 ± 0,09	0,45
D ₂ an ram.	1–2	1,25 ± 0,06	0,19
D ₂ ram.	9–13	11,38 ± 0,12	0,88
A an ram.	1–2	1,22 ± 0,05	0,17
A ram.	6–11	9,63 ± 0,14	1,16
V an ram.	1	1,00 ± 0,00	0,00
V ram.	4–6	5,05 ± 0,05	0,15
P an ram.	1–2	1,35 ± 0,06	0,23
P ram.	14–17	15,22 ± 0,10	0,58
sp. br.	9–13	10,30 ± 0,12	0,86
squ.	36–41	37,92 ± 0,15	1,87
vt	28–30	29,35 ± 0,08	0,40

Сравнение полученных данных с данными других авторов (см. [1], [12], [18], [19]) показало, что абсолютные значения меристических признаков ротана-головешки исследованного водотока наиболее близки к таковым у ротана-головешки из прудов г. Минска (таблица 2). В таблице отмечено полное совпадение по 4 признакам из 10, используемым для сравнения, и еще 2 показателя оказались наиболее близкими по значениям. Следует отметить относительно высокое число неветвистых лучей в первом спинном плавнике. Такая же вариация данного признака была показана А. Г. Скрябиным при анализе двух выборок, взятых из дельты р. Селенга и Посольского сора оз. Байкал [19].

Количество ветвистых лучей в анальном плавнике ротана-головешки исследованного водотока меньше, нежели указывается всеми остальными авторами. Впервые для него нами отмечено 6 ветвистых лучей в анальном плавнике. У других авторов показано меньшее абсолютное значение числа чешуй в продольном ряду. Нами впервые была выявлена вариация по количеству ветвистых лучей в брюшном плавнике и отмечены такие абсолютные значения этого признака, как 4 и 6. Ранее, согласно известным нам литературным источникам, в брюшном плавнике отмечалось наличие только 5 ветвистых лучей.

Таблица 2 – Меристические признаки ротана-головешки, по данным разных авторов

Автор	I D	II D	A	P	V	sp. br	squ.
Берг Л. С. [1]	VI–VIII	I–II 9–11	I–III 7–10	–	I 5	–	36–43
Кирпичников В. С. [18]	VI–VII	I–II 9–11	I–III 7–10	–	–	–	37–41
Скрябин А. Г. [19]	VI–IX	... 9–13	... 8–12	13–18	–	9–13	36–46
Ризевский В. К. и др. [12]	VI–VIII	I–II 9–13	I–II 8–12	15–19	I 5	9–12	36–42
Наши данные	VI–IX	I–II 9–13	I–II 6–11	15–18*	I 4–6	9–13	36–41

* Примечание – ветвистые и неветвистые лучи в грудных плавниках объединены для удобства сравнения.

При характеристике пластических признаков ротана-головешки нами отдельно рассматривались самцы и самки (таблица 3), так как ряд авторов ([1], [19], [20]) указывают на половой диморфизм по данным показателям.

Таблица 3 – Значения пластических показателей ротана-головешки Калинковичского района (бассейн р. Припять)

Признак	Самцы (n = 35)			Самки (n = 25)			t _{st}
	Lim	M ± m	CV	Lim	M ± m	CV	
ad (мм)	67,30–108,50	81,17 ± 1,51	79,45	69,00–97,90	82,05 ± 1,39	48,09	-0,41*
B % от ad							
pd	60,98–69,59	64,36 ± 0,31	3,37	61,83–69,79	64,82 ± 0,33	2,67	-0,99
ap	34,91–41,89	38,61 ± 0,29	2,89	35,80–42,12	38,54 ± 0,23	1,31	0,17
s'	6,58–10,04	7,98 ± 0,14	0,71	6,44–10,28	8,07 ± 0,17	0,69	-0,43
ll'	18,52–23,96	21,34 ± 0,27	2,61	18,35–24,48	21,66 ± 0,33	2,71	-0,74
an	8,92–12,79	10,58 ± 0,14	0,70	9,55–13,24	10,90 ± 0,18	0,81	-1,42
no	5,97–8,85	6,75 ± 0,12	0,55	5,78–8,70	7,04 ± 0,18	0,78	-1,37
op	20,38–25,00	22,77 ± 0,19	1,24	20,68–23,58	22,15 ± 0,18	0,81	2,32
Dh	25,03–32,21	27,74 ± 0,30	3,25	25,37–30,69	27,64 ± 0,28	1,90	0,22
kk'	10,74–13,38	12,06 ± 0,12	0,50	10,95–13,72	12,05 ± 0,14	0,50	0,03
fd	24,46–30,63	27,36 ± 0,27	2,62	24,73–29,59	27,04 ± 0,24	1,40	0,82
aD	40,74–57,30	44,32 ± 0,46	7,25	40,43–48,13	43,46 ± 0,35	3,01	1,39
rd	43,56–52,11	47,83 ± 0,35	4,34	43,64–51,58	48,04 ± 0,43	4,61	-0,39
aV	34,26–44,58	37,70 ± 0,40	5,52	32,84–40,91	36,13 ± 0,38	3,64	2,74
aA	55,68–62,80	59,06 ± 0,35	4,27	53,13–62,68	59,48 ± 0,41	4,13	-0,78
VA	22,12–26,87	24,14 ± 0,20	1,38	21,15–29,79	25,03 ± 0,40	3,98	-2,16
Dj	10,55–16,15	13,03 ± 0,22	1,75	10,76–15,01	12,92 ± 0,23	1,27	0,35
xD'	13,67–19,53	16,42 ± 0,21	1,54	14,03–20,31	16,55 ± 0,32	2,51	-0,36
jx	1,23–9,34	2,80 ± 0,23	1,79	0,72–4,05	2,59 ± 0,16	0,62	0,71
ee'	12,68–16,35	14,43 ± 0,15	0,75	12,48–15,95	14,40 ± 0,18	0,81	0,11
zz'	11,87–21,69	17,76 ± 0,30	3,11	13,87–20,48	17,59 ± 0,29	2,09	0,39
Pp'	21,96–27,53	24,45 ± 0,21	1,56	21,89–26,40	24,51 ± 0,28	1,96	-0,18
Pi	8,93–13,13	10,59 ± 0,14	0,70	8,20–12,40	10,11 ± 0,20	0,99	2,02
Vv'	13,74–18,88	16,11 ± 0,22	1,76	9,91–19,25	16,45 ± 0,46	5,28	-0,72
Af'	11,71–15,44	13,37 ± 0,17	1,00	9,62–16,85	13,01 ± 0,29	2,17	1,12
mm'	12,96–19,17	15,96 ± 0,22	1,67	13,67–18,44	16,10 ± 0,22	1,17	-0,44

* Примечание – знак «-» перед значением критерия указывает на меньшее значение сравниваемого признака у самцов; полужирным шрифтом обозначены значения t_{st}, достоверные при p < 0,05 и p < 0,06.

Выявлены достоверные отличия самцов от самок по двум пластическим признакам: антевентральное расстояние – у самцов оно больше, чем у самок (t_{st} = 2,43 при p < 0,05), и заглазничная длина – у самцов больше, чем у самок (t_{st} = 2,32 при p < 0,05). Помимо этого, значительные различия обнаружены между самцами и самками по следующим пластическим признакам: вентроанальное расстояние у самцов меньше, чем у самок (t_{st} = -2,16 при p < 0,06); ширина основания грудного плавника у самцов больше, чем у самок (t_{st} = 2,02 при p < 0,06). Среди перечисленных признаков лишь вентроанальное расстояние ранее указывалось В. Н. Еловенко [20] как морфометрический показатель, статистически достоверно различающийся у самцов и самок ротана-головешки. Другие указаны нами впервые.

В целом нами отмечена низкая изменчивость морфометрических признаков ротана-головешки. Средняя величина коэффициента вариации (ср. CV) для меристических признаков составила 0,58%, а для пластических признаков – 2,21%. При этом морфометрическая изменчивость у самцов выше, чем у самок (ср.: CV = 2,27 и 2,07% соответственно). Значительно различаются значения CV у самцов и самок по следующим пластическим признакам (значения коэффициента расставлены соответственно самцы и самки; указывается отношение CV – самцов к CV – самкам): расстояние между спинными плавниками (1,79 и 0,62%; 2,89), антедорсальное расстояние (7,25 и 3,01%; 2,41), длина головы (2,89 и 1,31%; 2,21), длина хвостового стебля (2,62 и 1,4%; 1,87), наибольшая высота тела (3,25 и 1,90%; 1,71), заглазничное расстояние (1,24 и 0,81%; 1,53) и антевентральное расстояние (5,52 и 3,64%; 1,52) – вариабельность всех данных признаков выше у самцов (рисунок 2).

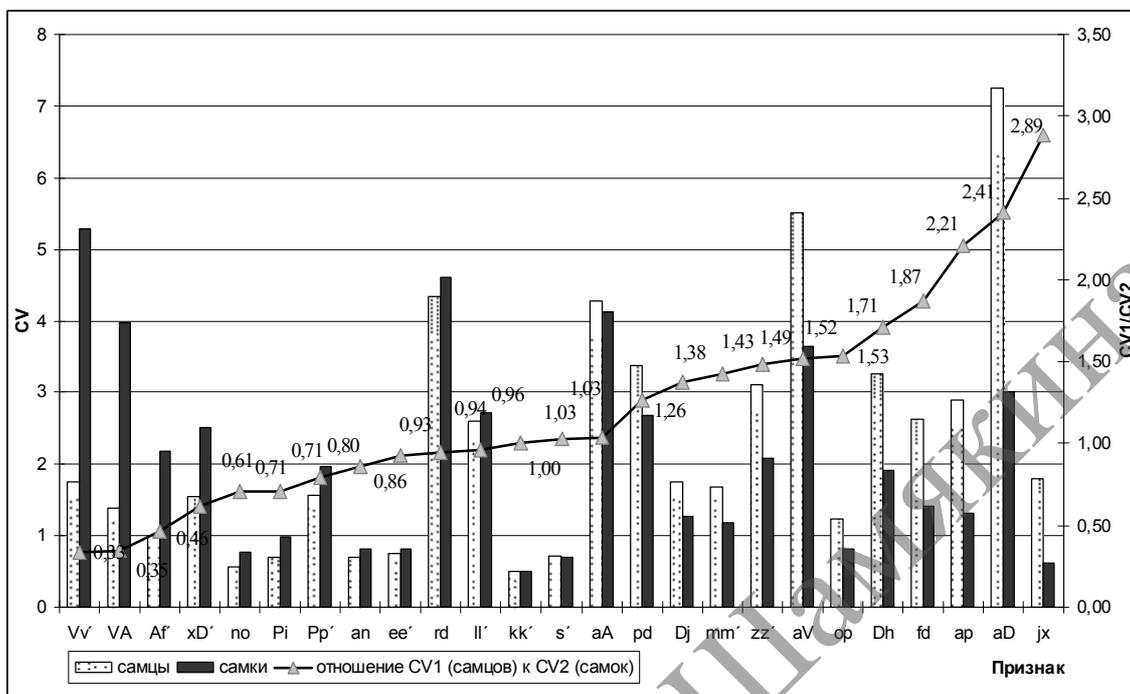

Рисунок 2 – Коэффициент вариации (CV) пластических признаков самцов и самок ротана-головешки Калиновичского района (бассейн р. Припять)

Наибольшей изменчивостью характеризуются следующие пластические признаки (рисунок 2): у самцов – антедорсальное расстояние ($CV = 7,25\%$), антевентральное расстояние ($5,52\%$), постдорсальное расстояние ($4,34\%$) и антеанальное расстояние ($4,27\%$); у самок – длина брюшных плавников ($5,28\%$), постдорсальное расстояние ($4,61\%$), антеанальное расстояние ($4,13\%$) и вентроанальное расстояние ($CV = 3,98\%$).

Нами было проведено сравнение пластических признаков ротана-головешки из исследованного водотока с аналогичными показателями ротана-головешки из прудов г. Минска [12]. В связи с тем что морфометрические данные по ротану-головешке из прудов г. Минска не были разделены по половому признаку, для сравнения мы также использовали данные по смешанной выборке. При этом учитывались показатели лишь тех особей, чья длина тела без хвостового плавника лежала в пределах от 66 до 82 мм включительно (всего 34 экз.), что соответствует границам вариации данного признака у ротана-головешки из водоемов г. Минска (таблица 4).

Таблица 4 – Сравнительная характеристика пластических признаков ротана-головешки (в % от длины тела без С) из мелиоративного канала Калиновичского района (бассейн р. Припять) и прудов г. Минска (бассейн р. Свислочь)

Признак	Канал (наши данные) (n = 34)			Пруды г. Минска (n = 25)			t_{st}
	Lim	$M \pm m$	CV	Lim	$M \pm m$	CV	
l	2	3	4	5	6	7	8
pd	60,98–69,59	64,93 ± 0,31	3,21	59,3–68,4	64,91 ± 0,47	3,59	0,03
ap	34,91–41,89	38,41 ± 0,28	2,57	35,5–40,0	38,10 ± 0,21	2,70	2,00
s'	6,44–10,04	8,00 ± 0,13	0,57	4,2–6,3	5,43 ± 0,13	11,79	14,03
ll'	18,35–24,48	21,51 ± 0,28	2,64	17,5–20,6	19,06 ± 0,15	3,88	7,75
an	8,92–12,20	10,59 ± 0,15	0,73	9,9–12,3	10,90 ± 0,12	5,50	-1,64*
no	6,13–8,85	7,07 ± 0,15	0,77	6,5–9,7	7,34 ± 0,14	9,26	-1,29
op	20,38–25,00	22,34 ± 0,20	1,41	19,9–22,8	21,47 ± 0,14	3,31	3,50
Dh	25,03–32,21	27,68 ± 0,28	2,63	25,7–31,1	28,76 ± 0,28	4,83	-2,75
kk'	10,95–13,72	12,07 ± 0,12	0,51	12,5–14,7	13,26 ± 0,11	4,00	-7,21

Продолжение таблицы 4

1	2	3	4	5	6	7	8
fd	24,69–30,63	27,49 ± 0,26	2,39	21,5–25,2	23,28 ± 0,20	4,25	12,68
aD	40,74–57,30	44,05 ± 0,47	7,43	43,1–47,6	45,25 ± 0,21	2,32	-2,35
rd	44,60–51,58	48,14 ± 0,33	3,62	41,8–50,4	45,67 ± 0,39	4,27	4,85
aV	32,84–44,58	37,41 ± 0,43	6,39	35,8–39,3	37,33 ± 0,17	2,28	0,16
aA	55,68–62,50	59,11 ± 0,33	3,67	59,2–63,5	61,39 ± 0,23	1,87	-5,70
VA	22,12–29,79	24,59 ± 0,27	2,48	23,7–28,4	26,06 ± 0,24	4,53	-4,07
Dj	10,55–16,15	13,10 ± 0,22	1,64	10,6–15,7	12,80 ± 0,27	10,39	0,87
xD'	13,67–19,53	16,43 ± 0,22	1,67	16,2–24,3	19,03 ± 0,34	8,72	-6,41
jx	0,72–9,34	2,71 ± 0,25	2,08	0,0–5,3	2,94 ± 0,30	51,36	-0,58
ee'	12,48–16,35	14,49 ± 0,17	0,97	12,7–16,9	14,71 ± 0,23	7,75	-0,76
zz'	11,87–21,69	17,62 ± 0,28	2,71	15,6–22,1	18,39 ± 0,32	8,59	-1,80
Pp'	21,96–27,53	24,43 ± 0,25	2,08	20,0–25,5	23,08 ± 0,29	6,20	3,55
Pi	8,93–12,08	10,48 ± 0,15	0,75	7,9–11,0	9,72 ± 0,14	7,00	3,73
Vv'	9,91–19,13	16,37 ± 0,33	3,76	12,9–18,7	16,20 ± 0,26	7,96	0,41
Af'	9,62–15,44	13,07 ± 0,19	1,29	12,8–16,2	14,18 ± 0,17	5,92	-4,27
mm'	12,96–18,44	16,02 ± 0,20	1,41	14,5–18,8	16,60 ± 0,22	6,51	-1,93

* Примечание – знак «-» перед значением критерия указывает на меньшее значение сравниваемого признака у особей из канала; полужирным шрифтом обозначены значения t_{st} , достоверные при $p < 0,000001$.

Произведенные нами расчеты показали статистически достоверные различия между сравниваемыми выборками по 8 пластическим признакам: ширина лба ($t_{st} = 14,03$); длина хвостового стебля (12,68); высота головы у затылка (7,75); наименьшая высота тела (-7,21); длина основания второго спинного плавника (-6,41), антеанальное расстояние (-5,7) и длина основания анального плавника ($t_{st} = -4,27$).

Следует отметить, что изменчивость морфометрических признаков ротана-головешки из исследованного водоема более чем в три раза меньше, чем таковая у ротана-головешки из прудов г. Минска (ср.: CV = 2,21 и 7,55% соответственно). Высокой вариабельности такого показателя, как расстояние между спинными плавниками (CV = 51,36%), на которую указывали авторы для ротана-головешки прудов г. Минска [12], у нас отмечено не было (CV = 1,29%). Также значительно ниже у ротана-головешки Калинковичского района показатель изменчивости по таким признакам, как ширина лба (CV = 0,69 и 11,79% соответственно) и длина глаза (CV = 0,65 и 9,26% соответственно), и по ряду других признаков.

Выявленные различия между пластическими признаками ротана-головешки сравниваемых водоемов могут быть обусловлены как разнородностью сравниваемого материала, так и внутривидовой изменчивостью и различием условий обитания. Меньшие значения коэффициента вариабельности могут указывать на более позднее время появления ротана-головешки в исследованном водотоке Калинковичского района в сравнении с ротаном-головешкой из водоемов г. Минска.

Выводы

Таким образом, на основании проведенного морфометрического анализа можно заключить, что популяция ротана-головешки из мелиоративного канала возле д. Большие Автуки Калинковичского района Гомельской области характеризуется относительно высокой изменчивостью пластических признаков и наличием по некоторым из них полового диморфизма.

Значения рассмотренных меристических показателей соответствуют видовым, при этом отмечено меньшее количество ветвистых лучей в анальном плавнике, по сравнению с известным ранее, и впервые указано для этого признака значение 6.

Впервые выявлена вариация по количеству ветвистых лучей в брюшном плавнике и отмечены такие абсолютные значения этого признака, как 4 и 6. Ранее в брюшном плавнике отмечалось наличие только 5 ветвистых лучей.

При сравнении пластических признаков ротана-головешки из Калинковичского района с аналогичными показателями у ротана-головешки из прудов г. Минска выявлены статистически достоверные различия по 8 показателям.

Благодарности. Авторы выражают признательность директору ГУО «Большеавтуковская базовая школа-сад» Калинковичского района А. В. Лютенко за информацию о находке ротана-головешки на территории Калинковичского района.

Літэратура

1. Берг, Л. С. Рыбы пресных вод СССР и сопредельных стран : в 3 ч. / Л. С. Берг ; гл. ред. акад. Е. Н. Павловский. – 4-е изд. – М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1949. – Ч. 3. – С. 1056–1059.
2. Zhu, S. Q. Synopsis of Freshwater Fishes in China / S. Q. Zhu // Jiangsu Science and Technology Publishing House. – Nanjing, 1995. – 548 p.
3. Mori, T. Studies on the Geographical Distribution of Freshwater Fishes in Eastern Asia / T. Mori. – Tokyo : Chosen, 1936. – 88 p.
4. A First Record of *Perccottus glenii* (Perciformes: Odontobutidae) in the Danube River in Bulgaria / P. Jurajda [et al.] // Acta Zoologica Bulgarica. – 2006. – № 58(2). – P. 279–282.
5. The expansion and occurrence of the Amur sleeper (*Perccottus glenii*) in eastern Slovakia / J. Koščo [et al.] // Folia Zoologica. – 2003. – № 52(3). – P. 329–336.
6. Nowak, M. Range expansion of an invasive alien species, Chinese sleeper, *Perccottus glenii* Dybowski, 1877 (Teleostei: Odontobutidae) in the Vistula river drainage / M. Nowak, W. Popek, P. Epler // Acta ichthyologica et piscatoria. – 2008. – № 38(1). – P. 37–40.
7. Reshetnikov, A. N. The fish *Perccottus glenii*: history of introduction to western regions of Eurasia / A. N. Reshetnikov // Hydrobiologia. – 2004. – P. 349–350.
8. Еловенко, В. Н. Борьба с ротаном в биотехнике прудового хозяйства / В. Н. Еловенко // Сб. науч. тр. ВНИИ прудов. рыб. хоз-ва. – 1979. – Вып. 26. – С. 97–104.
9. Еловенко, В. Н. Пищевые взаимоотношения ротана с гидробионтами рыбоводных прудов / В. Н. Еловенко, С. Е. Климова // Первый Всесоюз. Симп. «Теоретические основы аквакультуры» : тез. докл. – М., 1983. – С. 110–111.
10. Reshetnikov, A. N. The introduced fish, rotan (*Perccottus glenii*), depresses populations of aquatic animals (macroinvertebrates, amphibians, and a fish) / A. N. Reshetnikov // Hydrobiologia. – 2003. – V. 510. – № 1–3. – P. 83–90.
11. Поляков, А. Д. Биология ротана в водоемах Кузбасса / А. Д. Поляков, Г. Т. Бузмаков // Современные наукоемкие технологии. – 2008. – № 5. – С. 78–80.
12. Ризевский, В. К. Морфологическая характеристика ротана-головешки (*Perccottus glenii* Dybowski) из водоемов водной системы Минска / В. К. Ризевский, М. В. Плюта, В. В. Ермолаев // Вес. Нац. акад. наук Беларусі. Сер. біял. навук. – 1999. – № 3. – С. 119–121.
13. Обухович, И. И. О местах обитания ротана-головешки *Perccottus glenii* Dybowski, 1877 в водоемах и водотоках Беларуси / И. И. Обухович // Diversitate, valorificarea rationala si protectia lumii animale : simpoz. intern. consacrat din ziua nastrii prof. univ. Andrei Munteanu / resp. ed.: Mihai Papuc. – Chişinău. : I. E.–P. «Stiinta», 2009 (Tipogr. «Elena–V. I.» SRL). – P. 269–271.
14. Чугунова, Н. И. Руководство по изучению возраста и роста рыб : метод. пособие по ихтиологии / Н. И. Чугунова – М. : Изд. АН СССР, 1959. – 163 с.
15. Правдин, И. Ф. Руководство по изучению рыб / И. Ф. Правдин ; под ред. К. М. Дерюгина. – 3-е изд. – Л. : Изд. Ленингр. гос. ун-та, 1939. – 246 с.
16. Рокицкий, П. Ф. Основы вариационной статистики для биологов / П. Ф. Рокицкий. – Минск : Изд. БГУ, 1961. – 224 с.
17. Оценка деформации формы тела рыб в результате фиксации в формалине методами геометрической морфометрии / С. А. Мандрица // Биология и экология Прикамья : межвуз. сб. науч. тр. / Перм. ун-т ; Е. А. Зиновьев [и др.]. – Вып. 2. – Пермь, 2008. – С. 41–56.
18. Кирпичников, В. С. Биология *Perccottus glehni* Dyb. (Eleotridae) и перспективы его использования в борьбе против японского энцефалита и малярии / В. С. Кирпичников // Бюл. МОИП. – 1945. – № 50(5–6). – С. 14–27.
19. Скрябин, А. Г. Морфологическая характеристика ротана *Perccottus glenii* (Eliotridae) бассейна озера Байкал / А. Г. Скрябин // Вопросы ихтиологии. – 1997. – Т. 37. – № 3. – С. 421–423.
20. Еловенко, В. Н. Морфоэкологическая характеристика ротана *Perccottus glehni* Dyb. в границах естественного ареала и за его пределами : автореф. дис. ... канд. биол. наук : 03.00.10 / В. Н. Еловенко ; ВНИИПРХ. – М., 1985. – 24 с.

Summary

The article is devoted to the morphometric description of *Perccottus Glenii*, which was caught in October 2009 in the land-reclamation canal near the village Bolshye Avtuki, Kalinkovichi district, Gomel region. The material is presented by pubertal even-aged species – 60 specimens with the length of the body without caudal fin – 67,3–108,5 mm. 27 plastic and 12 meristic signs are analysed. Reliable distinctions between he-fish and she-fish on two plastic signs are shown. The comparison of the data obtained with the data of other researchers is conducted. Authentic distinctions on 8 plastic signs of the *Perccottus Glenii* of the researched reservoir and of the *Perccottus Glenii* of the ponds of Minsk are revealed.

Поступила в редакцию 17.02.10.

УДК 597.8(474.3)

*А. Пупина, М. Пупиньш***ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ ЖЕРЛЯНКИ КРАСНОБРЮХОЙ
(*BOMBINA BOMBINA L., 1761*) НА СЕВЕРНОЙ ГРАНИЦЕ АРЕАЛА В ЛАТВИИ**

Авторы проводят анализ находок поселений жерлянок с 1922 года в Латвии и показывают экспансию вида на север, вероятно, исторически из Витебской области Беларуси и из Литвы. Возраст отдельных молодых локализаций составляет 1–3 года. Наиболее часто в Латвии встречаются небольшие локализации с числом вокализирующих самцов не более 10. Эти данные совпадают с данными для других локализаций северной части ареала краснобрюхой жерлянки в Европе. На численность локализаций *B. bombina* в Латвии влияет присутствие в водоемах инвазивного вида рыб *Perccottus glenii*.

Введение

Популяции краснобрюхой жерлянки в Латвии определяют северную границу ареала вида в странах Евросоюза [1], [2] и располагаются рядом с границей Литвы и Беларуси. Краснобрюхая жерлянка включена во Второе Приложение к Бернской Конвенции «Особо охраняемые виды животных» и в Латвии с 1997 г. охраняется законом «О Бернской Конвенции 1979 года об охране живой природы и биотопов в Европе». Она включена также в «Список особо охраняемых и ограниченно используемых особо охраняемых животных Латвии» [3]. Крайняя малочисленность жерлянки послужила основанием для включения ее в Красную Книгу Латвии [4], где ей присвоена I категория (вымирающий вид).

Для сохранения краснобрюхой жерлянки в 2007 г. разработан и утвержден Министерством среды «План охраны краснобрюхой жерлянки в Латвии» [5], который в числе прочих мер (оптимизация биотопов, миграционных коридоров, усиление популяций методами ex-situ и др.) предусматривает исследование численности вида.

Это делает актуальной **цель наших исследований** – изучение численности и ее динамики для популяций и локалитетов краснобрюхой жерлянки в Латвии. Такое исследование может дать дополнительную информацию для понимания закономерностей распространения вида на север, реагирования популяции на изменения в экосистемах (зарастание водоемов, хищничество, конкуренция и т. д.), изменения климата и др.

Материалы и методы

Территория и время исследования. Мониторинг численности *Bombina bombina* и ее динамики с 2004 года проводился по всей территории Латвии, главным образом, в Даугавпилском районе, где обитает более 90% краснобрюхих жерлянок Латвии, а также в районах Баускас и Айзкрауклес.

Количественный учет по голосам. Этот метод является главным и наиболее часто используемым в мировой практике учета *Anura* [6]. Число вокализирующих самцов указывает на относительную величину популяции, использование биотопа или микробиотопа в репродукции вида дает дополнительную информацию для широких исследований вида (особенности фенологии, этологии репродуктивного поведения и т. д.). Для мониторинга численности мы использовали стандартную методику учета вокализирующих самцов по голосам [6] на ленточных транссектах, проходящих по берегам водоемов, в которых ранее или в момент учета регистрировали жерлянок. В зависимости от силы и направления ветра ширина ленты удовлетворительного качества прослушивания транссекты составляла 200–300 м, длина транссекты была равна периметру водоема для крупных прудов; в небольших прудах и узких водоемах (мелиоративные каналы) шириной менее 10 м транссекта прокладывалась только по одному берегу. В связи с небольшой площадью водоемов, в которых обитает краснобрюхая жерлянка в Латвии, это позволяло учитывать всех вокализирующих самцов данного водоема и локалитета. Учет проводился аудиально, без использования дополнительной аппаратуры,

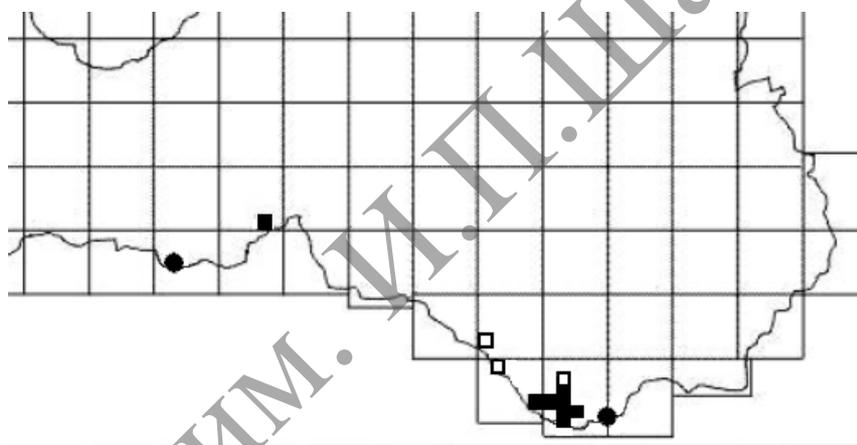
одними и теми же специалистами, время обследования одного водоема не менее 12 человеко-часов. Обследование водоемов производилось в период репродуктивной активности жерлянок в солнечную маловетренную и безветренную погоду с 10:00 до 22:00.

Опрос населения. Для получения первичных данных об обитании жерлянок и примерном возрасте локализаций использовался метод опроса населения. При этом проводилась широкая кампания информирования населения с использованием масс-медиа: демонстрировалась вентральная окраска жерлянок, транслировалась вокализация самцов. Все позитивные сообщения проверялись в ходе полевых экспедиций.

Получение данных GIS и картирование. Определение географических координат проводилось с помощью *GPS Magellan ExPlorist100*. Для картирования использовалась стандартная карта Латвии в проекции Меркатора с масштабом 1:50 000, опубликованная Государственной земельной службой Латвии в 1999–2000 гг. В Балтийской системе координат карта Латвии разделена на квадраты со стороной 25 км, каждый из которых состоит из 25 квадратов со стороной 5 км. Во время картирования популяций отмечались квадраты со стороной 5 км, в границах которых были отмечены находки краснобрюхих жерлянок.

Результаты исследования и их обсуждение

В результате данного исследования в период с 2004 по 2008 годы были документированы 5 новых субпопуляций в Латвии (рисунок 1).

- Открытые в 2004–2008 годах находки *B. bombina* возрастом до 5 лет.
- Открытые в 2004–2008 годах находки *B. bombina*, возраст которых неизвестен.
- Места обитания *B. bombina*, исторически известные до 2004 г.

Рисунок 1 – Расположение и возраст известных субпопуляций *B. bombina* в юго-восточной части Латвии (отмечены квадраты 5 x 5 км) (данные на 2008 г.)

Как видно из данных рисунка 1, до 2004 года были известны лишь два локалитета: на границе с Беларусью (севернее Браслава) и, соответственно, с Литвой (восточнее Купишкис). В последующие годы отмечался рост количества локалитетов, соответственно – субпопуляций. Часть этих субпопуляций была молодой, т. е. имела возраст до 5 лет. С 2004 года по 2008 годы в Латвии в этих 5 новых субпопуляциях констатированы 66 локализаций, в которых отмечена выраженная динамика численности. Из них в Даугавпилсском районе: 1 локализация в Калкунес пагасте, 45 локализаций – в Деменес пагасте, 14 локализаций – в Медуму пагасте, 4 локализации – в Эглайнес пагасте; в Айзкрауклес районе: 2 локализации – в Курменес пагасте. Все новые констатированные субпопуляции и локализации располагаются в южной части Латвии, вблизи границ с Литвой и Беларусью. Анализ пятилетних наблюдений показал, что к 2008 году количество вокализирующих самцов в изучаемых локалитетах Латвии составляет более 300 особей (рисунок 2).

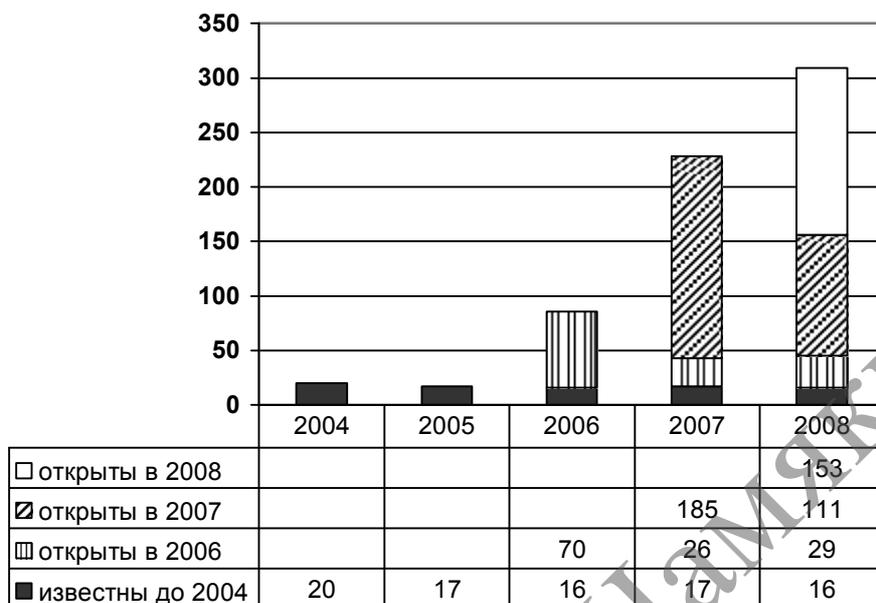

Рисунок 2 – Относительная динамика общей численности вокализирующих самцов *B. bombina* в локализациях Латвии в период с 2004 по 2008 гг. с учетом новых локализаций, зарегистрированных в 2006–2008 годах

В большинстве (83%) локализаций Латвии количество вокализирующих самцов менее или равно 10 (рисунок 3).

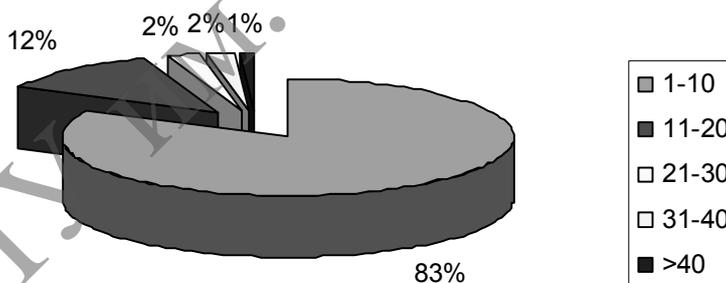

Рисунок 3 – Соотношение локализаций *B. bombina* с различным количеством вокализирующих самцов в Латвии

Дискуссия. Первая популяция краснобрюхой жерлянки известна в Латвии с 1922 года, она находится в районе Баускас, Ислицес пагасте [7], [8]. Г. Каспарсон в 1966 году констатировал вторую популяцию в Даугавпилском районе, Скрудалиенас пагасте, где они затем постоянно регистрировались [9], [10]. Эти две небольшие популяции (по 7–10 вокализирующих самцов в каждой) в течение десятилетий являлись единственными подтвержденными находками краснобрюхой жерлянки в Латвии.

Констатированные в наших исследованиях локализации жерлянок находятся в южной части Латвии, не далее 13 км от границ Литвы и Беларуси. Найдены сравнительно молодые новые локализации с возрастом примерно 7–10 лет – Кочергина, Катриниски;

5 лет – Айनावас; 3 года – Межмали; 1 год – Озолкални. Все эти молодые локализации находятся на северной границе распространения жерлянок в Латвии и могут свидетельствовать об экспансии вида на север с 1922 г. Наиболее сильно менялась численность локализаций в популяции Demenes.

На численность локализаций *B. bombina* в Латвии влияет присутствие в водоемах инвазивного вида рыб *Percottus glenii* [11], который успешно акклиматизировался в Латвии [12]. Этот хищник негативно влияет на популяции земноводных и в других регионах [13]. Так, в Латвии в колонизированном ротаном водоеме Апалайс дикис локализации жерлянок Pgas, который являлся основным водоемом обитания стабильной в течение десятилетий популяции жерлянок, не удалось обнаружить ни одной особи жерлянок, в том числе личинок или ювенильных. Исчезли также жерлянки в колонизированном ротаном водоеме локализации Ozolaine – 3 (обе локализации располагаются в Даугавпилском районе).

Наиболее часто в Латвии встречаются небольшие локализации с числом вокализирующих самцов не более 10. Эти данные совпадают с данными для других локализаций северной части ареала краснобрюхой жерлянки в Европе. Так, в Германии, в земле Schleswig-Holstein, также наиболее часты малочисленные локализации; большие локализации ($n > 10$) встречаются реже; ~100 вокализирующих самцов зарегистрировано только в 4 водоемах из 673, населенных жерлянками [14]. В Латвии такие многочисленные локализации не были зарегистрированы. Флуктуации численности жерлянок в локализациях отражают пространственную динамику популяций. О таких флуктуациях сообщается из Мордовии [15] и Германии [14]. Исчезновение или реколонизация локализаций указывает на существование метапопуляций (Ливин 1970, цитировано из: [16]). Д. М. Марш и С. Петер [17] указывают, что исчезновение локализаций является детерминированным, а не случайным процессом. Шмид и Пеллет [18] уточняют, что пространственную структуру вида более определяют популяционные процессы, а не особенности среды. В закрытых популяциях число взрослых особей со временем остается близким, чего нельзя утверждать об открытых популяциях (Хелперн и др. 2005, цитировано из: [19]). Это подтверждается в нашем исследовании тем, что численность субпопуляций Турайдас и Илгас, которые могут считаться закрытыми, менялась в течение времени исследования незначительно. Наиболее сильно менялась численность открытой субпопуляции Demenes, которая занимает значительную территорию и населяет многочисленные водоемы с разнообразными условиями, которые меняются в разные годы.

Выводы

- Проведенный анализ находок поселений жерлянок с 1922 года в Латвии показывает экспансию вида на север, вероятно, исторически из Витебской области Беларуси и из Литвы. Возраст отдельных молодых локализаций составляет 1–3 года.
- Наиболее часто в Латвии встречаются небольшие локализации с числом вокализирующих самцов не более 10. Эти данные совпадают с данными для других локализаций северной части ареала краснобрюхой жерлянки в Европе.
- На численность локализаций *B. bombina* в Латвии влияет присутствие в водоемах инвазивного вида рыб *Percottus glenii*, который успешно акклиматизировался на юго-востоке Латвии.
- Численность субпопуляций Turaidas и Pgas менялась в течение времени исследования незначительно, т. е. их можно считать закрытыми, а субпопуляция Demenes относится к категории открытых, где численность подвержена большим колебаниям.

Благодарности. Мы благодарим Даугавпилсский Университет и Латгальский зоосад за поддержку исследований. Мы благодарим за консультации и сотрудничество Arvids Barsevskis, Andris Ceirans, Martins Kalnins, Arturs Skute (Латвия); Viktor Baharev, Ruslan Novitsky (Беларусь); Hauke Drews (Германия); Lars Briggs (Дания); Giedrius Trakimas (Литва) и всех жителей Латвии, принимавших участие в опросах.

Літаратура

1. Atlas of amphibians and reptiles in Europe / J. P. Gasc [et al.]. – Collection Patrimoines Naturels, 29, Societas Europaea Herpetologica, Mus. National d'Histoire Naturelle, Service du Patrimoine Naturel, 1997. – 496 p.
2. Northern border of the distribution of the red-bellied toad *Bombina orientalis* / S. L. Kuzmin [et al.] // Zeitschrift für Feldherpetologie. – 2008. – № 15(2). – P. 215–228.
3. Ministru kabineta 2000. gada 14. novembra noteikumi Nr. 396 «Par ipasi aizsargājamo sugu un ierobežoti izmantojamo ipasi aizsargājamo sugu sarakstu» ar grozījumiem, kas izdarīti līdz 27.07.2004. – Vestnesis. – 2000. – Nr. 413/417.
4. Berzins, A. Sarkanvedera ugunskrupis / A. Berzins // Latvijas sarkana gramata / red. G. Andrusaitis. – LU Bioloģijas institūts, 2003. – P. 82–83.
5. Pupins, M. Sarkanvedera ugunskrupja *Bombina orientalis* (Linnaeus, 1761) sugas aizsardzības plans Latvija / M. Pupins, A. Pupina. – Dabas aizsardzības parvalde, Rīga, 2006. – 82 p.
6. Циммерман, Б. Учеты по голосам на ленточных трансектах / Б. Циммерман // Измерение и мониторинг биологического разнообразия: стандартные методы для амфибий / под ред. В. П. Хейер [и др.] – пер. с англ.; под ред. С. Л. Кузьмина. – КМК, 2003. – С. 98–104.
7. Grosse, A. Austrumbaltijas mugurkaulaino saraksts / A. Grosse, N. Transehe // Rīgas Dabaspētnieku Biedrības darbi. – 1929. – 18. burtnīca. – P. 14–16.
8. Sloka, J. Abinieki – Amphibia / J. Sloka // Latvijas dzīvnieku pasaule / Z. Spuris (red.). – Rīga, Liesma, 1974. – P. 84–86.
9. Kasparsons, G. Dabas un vestures kalendārs 1973 / G. Kasparsons. – Rīga, Zinatne, 1972. – P. 148–149.
10. Fauna, flora and vegetation of Silene Nature Park / A. Barsevskis [et al.]. – Baltic Institute of Coleopterology, 2002. – 107 p.
11. Pupina, A. The new data on distribution, biotopes and situation of populations of *Bombina orientalis* in the south-east part of Latvia / A. Pupina, M. Pupins // Acta Biologica Universitatis Daugavpiliensis. – Vol. 8(1). – 2008. – P. 67–73.
12. Plikss, M. Zivis / M. Plikss, E. Aleksejevs. – Gandrs, Rīga, 1998. – 304 p.
13. Manteifel, Y. B. Avoidance of noxious tadpole prey by fish and invertebrate predators: adaptivity of a chemical defence may depend on predator feeding habits / Y. B. Manteifel, A. N. Reshetnikov // Arch. Hydrobiol. 153, 4. – 2002. – P. 657–668.
14. Voß, K. Rotbauchunke *Bombina orientalis* (Linnaeus, 1761) / K. Voß // Atlas der Amphibien und Reptilien Schleswig-Holsteins. – Landesamt für Natur und Umwelt des Landes Schleswig-Holstein, 2005. – P. 58–65.
15. Ручин, А. Б. Амфибии и рептилии Мордовии: эколого-фаунистический обзор / А. Б. Ручин, М. К. Рыжов // Поволжский экологический журнал. – № 2. – 2003. – С. 195–201.
16. Edenhann, P. Metapopulation dynamics in an amphibian perspective / P. Edenhann // Ecology and Conservation of the European Tree Frog. Proceedings of the 1st Int. Workshop on Hyla arborea, 13–14.02.1992, Potsdam, Germany / A. H. P. Stumpel, U. Tester (eds.). – 1993. – P. 65–70.
17. Marsh, D. Metapopulation Dynamics and Amphibian Conservation / D. Marsh, C. Peter // Conservation Biology. – Vol. 15(1). – 2001. – P. 40–49.
18. Schmidt, B. R. Relative importance of population processes and habitat characteristics in determining site occupancy of two anurans / B. R. Schmidt, J. Pellet // Wildlife Management. – № 69(3). – 2005. – P. 884–893.
19. About a closed hybrid population between *Bombina orientalis* and *Bombina variegata* from Oradea (Bihor county, Romania) / I. Sas [et al.] // North-Western Journal of Zoology. – Vol. 1. – 2005. – P. 41–60.

Summary

The authors carry out the analysis of finds of settlements of *Bombina orientalis* since 1922 in Latvia and show the expansion of the population to the North, possibly, historically from the Vitebsk Region of Belarus and from Lithuania. The age of some young localizations makes up 1–3 years. Not great localizations with the number of vocalizing males of no more than 10 are more often found in Latvia. These data coincide with the data for the often localizations of the natural habitat of *B. orientalis* in Europe. The presence of invasive species of fish *Perccottus glenii* in reservoirs influence the numbers of *B. orientalis* in localizations in Latvia.

Поступила в редакцию 12.02.10.

УДК 598.132.8 (476 + 474.3)

М. Пупиньш, А. Пупиня, В. А. Бахарев

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ БОЛОТНОЙ ЧЕРЕПАХИ (*EMYS ORBICULARIS* L., 1758) В ЛАТВИИ И НА ТЕРРИТОРИЯХ, ГРАНИЧАЩИХ С БЕЛАРУСЬЮ

Авторы на основании проведенных исследований в Латвии выделяют три локалитета повторных находок, где черепахи регистрируются неоднократно, в том числе в двух административных районах, примыкающих к Беларуси. В одном из этих локалитетов болотная черепаха поймана в водоеме, общем для Латвии и Беларуси (озеро Ричу). В самой Беларуси также есть повторные подтверждения прошлых находок черепах в Сморгонском, Молодечненском районах. Находка двух ювенильных болотных черепах на территории Беларуси (Браславский район) свидетельствует об успешном размножении черепах на севере Беларуси в приграничном с Латвией районе. Находки ювенильных черепах зарегистрированы и в Краславском районе Латвии.

Введение

Две расположенные рядом страны – Беларусь и Латвия – имеют сходные характеристики биоты. Европейская болотная черепаха *Emys orbicularis* (Linnaeus, 1758) является наиболее распространенным на севере видом черепах Европы [1]. Латвия находится на северной границе распространения вида в Европе [2], [3], в течение длительного периода вопрос о постоянном существовании болотных черепах в Латвии был невыясненным [4].

До 1920 года *Emys orbicularis* были зарегистрированы в Латвии в 10 местах, все они располагались южнее реки Даугава: Pelci; Kuldiga; 1847 озеро Puze lake, 1920 и др. В дальнейшем появляются данные о находках болотной черепахи севернее Даугавы: Ungi, 1914; Priekuli, 1925. Silins и Lamsters [5], анализируя встречаемость болотной черепахи в Латвии с 1820 по 1934 годы, указывали 38 случаев находок этого вида. В 1949 году юго-восточная часть Латвии была отмечена как территория распространения вида [6]. Тем не менее в 1977 году на карте ареала вида для Латвии отмечен только один пункт находки болотной черепахи, причем он уже обозначен знаком вопроса [7].

В 2000 г. болотная черепаха *Emys orbicularis* была официально зарегистрирована в документе № 396 кабинета Министров Латвии [8]. В 2003 г. *Emys orbicularis* была занесена в Красную Книгу Латвии уже как вымерший вид 0 категории; большинство находок на приложенной карте указаны как исчезнувшие, в то же самое время одна находка в Добельском районе указана как существующая [9].

Исследование встречаемости болотной черепахи в областях Латвии, граничащих с Беларусью, особенно актуально для сохранения вида в граничащих странах; так, в 2004 году С. М. Дробенков [10] приводит сведения о распространении болотной черепахи в Беларуси, которые существенно отличаются от более ранних данных [11]. Несомненно, результаты таких исследований могут быть использованы для организации совместных трансграничных проектов двух стран по охране и исследованию болотной черепахи.

Материалы и методы. Данное исследование проводилось по территориям Беларуси и Латвии, охватывая период с 1982 по 2008 годы. Результаты исследования встречаемости и состояния болотной черепахи в Латвии частично публиковались в европейских изданиях [12]–[14].

Основными этапами исследования были: 1) опрос жителей Латвии; 2) оценка достоверности полученных позитивных сообщений; 3) картирование точек находок; 4) обследование точек находок в ходе полевых экспедиций.

1. Опрос жителей Латвии. В ходе опроса проводилась многолетняя, специально организованная информационно-образовательная кампания с использованием возможностей Латгальского зоопарка, Даугавпилсского университета и Латвийских масс-медиа. Формы опроса: 1) устное интервьюирование; 2) устный опрос в ходе теле- и радиопередач; 3) устный опрос посетителей зоопарков (школьники, учителя биологии, родители и т. д.); 4) письменный опрос в статьях о целевых видах; 5) с 2005 г. письменный опрос при помощи специально изданного буклета-опросника [15]; 6) с 2007 г. письменный опрос при помощи анкеты в специально изданных и бесплатно распространяемых книгах [16].

2. Оценка достоверности полученных позитивных сообщений. Достоверность сообщений оценивалась по шкале от 1 (наименьшая достоверность) до 4 (наивысшая достоверность): 1 – респондент не наблюдал животное, он получил информацию от другого человека; 2 – респондент-небиолог наблюдал животное; 3 – респондент-биолог наблюдал животное; 4 – авторы данного исследования наблюдали животное или имеется фотография животного.

3. Картирование точек находок проводилось в ходе полевых экспедиций с помощью *GPS eXplorist 100 Magellan*, в некоторых случаях (приблизительное указание респондентом места находки) использовалась программа *Google Earth*. Для картирования использовалась стандартная карта Латвии с масштабом 1:50 000.

4. Обследование точек находок в ходе полевых экспедиций, сбор дополнительных данных о популяциях и мониторинг.

Результаты исследования и их обсуждение

Распространение болотной черепахи в Латвии на территориях, граничащих с Беларусью.

В результате проведенного исследования мы получили новые данные о распространении в Латвии Европейской болотной черепахи, в том числе в районах, непосредственно граничащих с Беларусью. Всего с 1982 по 2008 г. нами зарегистрировано 85 сообщений респондентов о находках болотных черепах с 1930 по 2008 годы в различных районах Латвии, из них в 15 квадратах карты отмечены повторные находки (без учета времени находок). Такие квадраты повторных находок образуют три более или менее выраженных докритиета, один из которых находится на границе Латвии с Беларусью. 17 квадратов зарегистрированных находок болотной черепахи в Латвии расположены на расстоянии не более 25–30 км от границы с Беларусью. Следует отметить, что 7 из них являются квадратами повторных находок. Это составляет почти половину (47%) от общего числа квадратов ($n = 15$) повторных находок болотных черепах в Латвии.

Из административных районов Латвии с наибольшим количеством ($n > 5$) находок болотных черепах с территорией Беларуси граничат 2 (Даугавпилский район, Краславский район); с территорией Литвы – 3 (в том числе тот же Даугавпилский район); с побережьем Рижского залива Балтийского моря граничит один район (рисунок 1). Следует отметить, что районы Латвии, граничащие с Беларусью (Даугавпилский район, Краславский район), занимают первое ($n = 22$) и третье место ($n = 9$) среди районов Латвии по количеству находок болотных черепах.

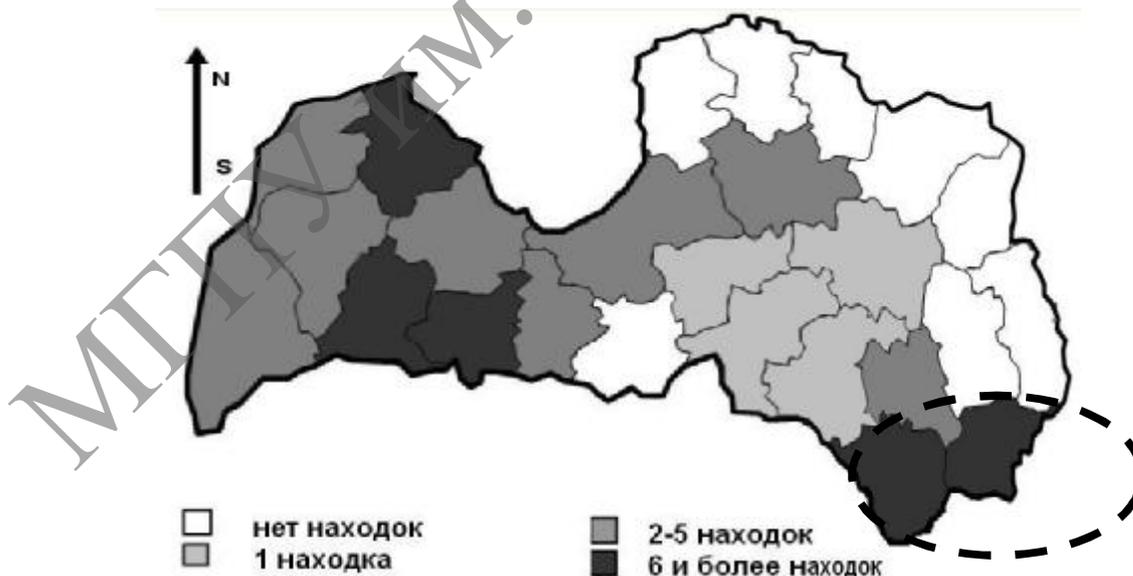

Рисунок 1 – Пространственно-количественное распределение находок болотных черепах ($n = 85$; 2008 г.) в административных районах Латвии (пунктирной линией обозначены районы, граничащие с Беларусью)

Находка болотной черепахи на территории Латвии в водоеме, являющемся общим для Латвии и Беларуси. Одна находка болотной черепахи (Рег. № 0004; 4-ая степень достоверности, координаты 55°41' N, 26°45' E) в Латвии была зарегистрирована в Даугавпилском районе, Скрудалиенском пагасте, на территории природного парка Силенес неподалеку от базы отдыха Приедайне в озере Ричу, которое находится на территории двух целевых стран. Взрослая самка черепахи с длиной карапакса 16,5 см была поймана 20 июля 1995 года ныряльщиками в заливе на глубине около полутора метров.

Северная находка ювенильных болотных черепах в Беларуси. В ходе данного исследования мы получили также одно сообщение (Рег. № B0001) от жителя Латвии, квалифицированного натуралиста (приравнено к 3-й степени достоверности), о наблюдении им в 1984 году ювенильных болотных черепах на территории Беларуси на расстоянии 2–4 км от границы с Латвией, в Витебской области, в Браславском районе, примерно в 3 км от населенного пункта Дубина (координаты 55°45' N; 26°57' E). Две ювенильные болотные черепахи, окраска которых была описана как черная или бурая, длиной примерно 6–7 и 10 см были встречены респондентом в августе на берегу медленно текущего через болото ручья (К. Vsesvjatskis, личн. сообщ.).

Дискуссия. По данным проведенного исследования, на настоящий момент в Латвии можно выделить три локалитета повторных находок, где черепаха регистрируется неоднократно, в том числе в двух административных районах (Даугавпилский район, Краславский район), примыкающих к Беларуси, в одном из этих локалитетов болотная черепаха поймана в водоеме, общем для Латвии и Беларуси (озеро Ричу). В самой Беларуси также есть повторные подтверждения прошлых находок черепах в Сморгонском, Молодеченском районах. По данным проведенного нами исследования, зарегистрирована находка двух ювенильных болотных черепах на территории Беларуси (Браславский район), что свидетельствует об успешном размножении черепах на севере Беларуси в приграничном с Латвией районе. Находки ювенильных черепах регистрируются нами и в Краславском районе Латвии. Таким образом, болотная черепаха регистрируется как в Латвии, так и в Беларуси, включая ее северную часть. Для оценки автохтонности или аллохтонности болотных черепах, найденных в Латвии, в настоящее время проводятся генетические исследования собранных авторами образцов. Результаты их будут иметь значение для оценки причин и закономерностей распространения болотной черепахи в Латвии. Вместе с тем для понимания этих закономерностей представляет значительный интерес информация о палеонтологических находках в Европе на севере современного ареала вида. Палеонтологи Польши [17] регистрировали этот вид (плиоценовые отложения) в Варме и Мазурии (граница с Калининградской областью), Куйяви, Мазовше (центральная Польша). Находки ископаемых черепах конца каменного – начала бронзового века [18] в Беларуси в Любанском районе Минской области и в Бешенковичском районе Витебской области [19] позволяют предположить, что в далеком прошлом, 4330 ± 190 лет назад, ареал вида был намного шире современного. Наконец, в статье по мезолиту Н. Н. Кривальцевича, А. А. Разлуцкой, В. А. Бахарева [20] говорится о находках болотной черепахи под Звейниеками в Латвии. В 1999 году С. Бердниковым [21] опубликована работа о находках субфоссильных остатков черепах мезолита Прибалтики, где он дает анализ 13 точкам находок черепах в Латвии. Здесь описаны особи 2–3 лет с длиной карапакса 4–5 см и взрослые 6–8 лет с длиной 9–12 см. Для Литвы описываются 30 местонахождений.

Выводы

Современные находки болотной черепахи на территории Латвии и севере Беларуси могут быть связаны с сохранением или восстановлением исторически сложившихся северных границ ареала в Европе. Близость зарегистрированных в данном исследовании точек находок черепах в Латвии к аналогичным находкам в Беларуси указывает на вероятное существование трансграничных групп или популяций, что планируется исследовать в последующие годы. Результаты такого исследования могут быть использованы при организации совместных трансграничных проектов двух стран по охране и исследованию болотной черепахи.

Благодарности. Это исследование было реализовано благодаря поддержке Даугавпилского Университета, Латвийского фонда охраны среды, муниципалитета г. Даугавпилса, Латгальского зоосада. Мы благодарим С. Aires (Испания); А. С. М. Meeske, К. Rybczynski и N. Schneeweiss (Германия); А. Skute, А. Ceirans, I. Lidaka и V. Vahrusevs (Латвия); R. Novitsky (Беларусь); G. Trakimas и Nerius Zableckis (Литва) за консультации и помощь в исследовании; всех участников опроса и К. Vsesvjatskis (Латвия) за сообщения о находках черепах.

Літаратура

1. Uetz, P. *Emys orbicularis* LINNAEUS, 1758 / P. Uetz, J. Hallermann // The Reptile Database [Электронный ресурс]. – 1995. – Режим доступа : <http://www.jcvi.org/reptiles/species.php?genus=Emys&species=orbicularis>. – Дата доступа : 02.01.2010.
2. Fritz, U. Die Europaishe Sumpfschildkrote (*Emys orbicularis*) / U. Fritz. – Bielefeld : Laurenti Verlag, 2003. – 224 s.
3. Meeske, A. C. M. Die Europaishe Sumpfschildkrote am nordlichen Rand ihrer Verbreitung in Litauen / A. C. M. Meeske. – Bielefeld : Laurenti Verlag, 2006. – 160 s.
4. Caune, I. Latvijas abinieki un rapuli / I. Caune. – Riga : Gandrs, 1992. – 66 p.
5. Silins, J. Latvijas rapuli un abinieki / J. Silins, V. Lamsters. – Riga : Rapa, 1934. – 96 s.
6. Терентьев, П. В. Определитель пресмыкающихся и земноводных / П. В. Терентьев, С. А. Чернов. – М. : Наука, 1949. – 340 с.
7. Определитель земноводных и пресмыкающихся фауны СССР / А. Г. Банников [и др.]. – М. : Просвещение, 1977. – С. 347.
8. Ministru kabineta 2000. gada 14. novembra noteikumi Nr.396 «Par ipasi aizsargajamo sugu un ierobezoti izmantojamo ipasi aizsargajamo sugu sarakstu» ar grozījumiem, kas izdariti līdz 27.07.2004. – Vestnesis. – 2000. – Nr. 413/417.
9. Berzins, A. Purva brunurupcis / A. Berzins // Latvijas sarkana gramata / g. red. G. Andrusaitis. – LU Biologijas instituts, 2003. – S. 96–97.
10. Дробенков, С. М. Географическое распространение и динамика численности болотной черепахи в Беларуси / С. М. Дробенков // Красная книга Республики Беларусь; состояние, проблемы, перспективы : материалы респ. науч. конф., Витебск, 12–13 дек. 2002 г. / УО «ВГУ имени П. М. Машерова»; отв. ред. В. Я. Кузьменко. – Витебск, 2002. – С. 90–92.
11. Пикулик, М. М. Пресмыкающиеся Белоруссии / М. М. Пикулик, В. А. Бахарев, С. В. Косов. – Минск : Наука и техника, 1988. – С. 18.
12. Meeske, A. C. M. Erste Ergebnisse zur Verbreitung und zum Status der Europäischen Sumpfschildkröte (*Emys orbicularis*) am nördlichen Rand ihrer Verbreitung in Litauen und Lettland / A. C. M. Meeske, M. Pupins, K. Rybczynski // Zeitschrift für Feldherpetologie. – 2006 – № 13(1). – P. 71–99.
13. Pupins, M. Distribution of European pond turtle *Emys orbicularis* (Linnaeus, 1758) on the northern edge of its area in Latvia / M. Pupins, A. Pupina // Revista Espanola de Herpetologia. – 2008. – № 22. – P. 149–157.
14. Pupins, M. The data on the observations of the European pond turtle (*Emys orbicularis* L.) at the northern edge of its area in Latvia / M. Pupins, A. Pupina // Acta Biologica Universitatis Daugavpiliensis. – 2008. – Vol. 8(1). – P. 35–46.
15. Lidaka, I. Mekljam purva brunurupci Latvija / I. Lidaka, M. Pupins, D. Leimane. – Riga, 2005. – 4 p.
16. Pupins, M. Eiropas purva brunurupcis *Emys orbicularis* (Linnaeus, 1758) un ta aizsardziba Latvija / M. Pupins, A. Pupina. – Daugavpils : Latgales Ekologiska Biedriba, 2007. – 162 p.
17. Mlynarski, M. Plazy i Gady / M. Mlynarski, Z. Szyndlar // Folia Quaternaria. Historia i Evolucje ladowej Fauny Polsky. – Krakow : Ossolinskich – Wydawnictwo, 1989. – S. 76.
18. Кривальцевич, Н. Н. Палеоэкологический мониторинг последствий активной эксплуатации зооты наземных и околотовных экосистем / Н. Н. Кривальцевич, В. А. Бахарев // Экологические проблемы западного региона Беларуси : сб. науч. ст. / ГрГУ ; под общ. ред. проф. Е. П. Кремлева. – Гродно, 2007. – С. 187–190.
19. Бахарев, В. А. Характеристика болотной черепахи временных поселений человека среднего голоцена / В. А. Бахарев // Современные экологические проблемы устойчивого развития Полесского региона и сопредельных территорий: наука, образование, культура : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. : в 3 ч. / редкол.: В. В. Валетов (гл. ред.) [и др.]. – Мозырь : УО «МГПУ имени И. П. Шамякина», 2007. – Ч. 1. – С. 34–39.
20. Кривальцевич, Н. Н. Некоторые результаты археозоологических исследований на неолитическом поселении Кузьмичи 1 (Предполесье Беларуси) / Н. Н. Кривальцевич, А. А. Разлуцкая, В. А. Бахарев // Человек, адаптация, культура : сб. науч. ст. / отв. ред. А. Н. Сорокин. – М. : Ин-т археологии РАН, 2008. – С. 147–161.
21. Berdnikovs, S. The holocene history of the european pond tortoise (*Emys orbicularis* L.) in the east Baltic Area / S. Berdnikovs // Proceeding of the Latvian Academy of Sciences, section B: Natural, exact and applied Sciences. – 1999. – Vol. 53, № 2. – P. 87–92.

Summary

The distribution of the *Emys orbicularis* (placed in 0 category of Red Book of Latvia) in Latvia near Belarus was practically investigated. All the repeat findings are united in 3 localities, 2 of them are located in south part of Latvia, one near the border with Belarus. The number of communications about *E. orbicularis* observations in Latvia near Belarus is: Daugavpils district (n = 22); Kraslava district (n = 9). 17 squares (5 x 5 km) of findings are placed not more than 25–30 km to border with Belarus. In one case adult turtle is founded in Latvian – Belorussian lake Ricu. The finding of 2 juveniles *E. orbicularis* in 1984 in Belarus, Braslaw district was registered.

Поступила в редакцию 12.02.10.

ПЕДАГОГІКА

УДК 37.01

*Е. А. Колесниченко***СОВРЕМЕННАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА
КАК ПРЕДМЕТ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА**

В статье рассматривается проблема развития современной образовательной среды. Проанализировано содержательное наполнение категории «среда», выделены ее основные свойства, обозначена программа действий по модернизации профессионально-ориентированной образовательной среды учебного заведения.

Введение

Решение задачи формирования открытого образовательного пространства неразрывно связано с созданием специально организованных образовательных сред, обладающих множеством внешних связей, с многообразием и неоднородностью компонентного состава, с широтой охвата образовательных ресурсов. Актуальность поставленных вопросов подтверждается тем фактом, что образовательные среды в последнее время стали объектом интенсивного научно-педагогического осмысления. Данная научная проблематика активно обсуждается в рамках конференций и семинаров. Публикуются статьи и монографии, посвященные проблемам формирования образовательных сред и оценки их качества. Однако в исследуемых работах зачастую отмечается отсутствие единого мнения как по поводу определения самого понятия «образовательная среда», так и по поводу природы обозначаемых им явлений. Все вышеизложенное определило необходимость теоретического исследования категории «образовательная среда» и выявления ее основных свойств (атрибутов).

Результаты исследования и их обсуждение

Теоретическое исследование конструкта «образовательная среда» предполагает, в первую очередь, анализ системообразующей мегакатегории «среда». Рассмотрим её содержание с точки зрения различных наук.

В древнегреческой философии среда предстала как «физис» – единое целое, включающее в себя мир и человека в их взаимосвязях. В современном философском понимании «среда» рассматривается как пространство и материал для развития. В теории систем «среда» есть совокупность всех объектов, изменение свойств которых влияет на саму систему, а также тех объектов, чьи свойства меняются в результате поведения этой системы. В естественных науках «среду» рассматривают как менее организованную и развитую по сравнению с исследуемым объектом совокупность объектов, являющуюся внешним его окружением. В экологии «среда» – это множество параметров окружающего пространства, определяющих общие условия жизнедеятельности или функционирования тех или иных организмов. В биологии «среда» является интегральной характеристикой окружающего организм пространства и представляет собой совокупность условий и средств целесообразной жизнедеятельности организма.

В психологии под «средой» понимают субъективно переживаемую человеком объективную реальность как множество внешних возможностей для реализации внутренних потребностей личности, как совокупность индивидуально избираемых средств реализации внутреннего содержания личности через внешние формы её поведения и деятельности. Особо подчёркивается, что к среде человека следует относить лишь те из окружающих условий,

которые он способен переживать. И. Ф. Харламов описывает среду личности как «текст жизни человека, объединяющий мельчайшие детали повседневности, общения и, благодаря средствам массовой коммуникации, события, важные для всего мира, человечества в целом – условия жизнедеятельности индивида, обуславливающие иерархическую структуру многообразных взаимодействий в системе «человек–среда» [1].

Итак, содержательное наполнение понятия «среда» в современном науковедении раскрывается, как правило, на пересечении следующих категорий: «мир», «пространство», «окружение», «условие», «фактор» и «место». Кратко рассмотрим содержание каждой из них.

Еще в XVII столетии великий чешский педагог Я. А. Коменский, обращаясь к категории «мир», отмечал такие его свойства, как отсутствие фиксированных границ, изменчивость, многообразие и упорядоченность. «Мир имеет пределы (ибо он не может быть бесконечным), однако нельзя ответить на вопрос, где находится мир: он – нигде, ибо полон собой и вне себя не имеет ничто, даже пространства. Он полон действий и претерпеваний, находящихся в вечном круговороте. Он прекрасен благодаря своему упорядоченному разнообразию. Он обладает цветом, звуком, запахом, вкусом, осязаемостью...» [2, 265]. Из приведённого выше описания категории «мир» следует, что он обладает множеством свойств – разнообразие, изменчивость, наличие границ и т. д. И часть из них он делегирует категории «среда» как своей подкатегории.

В. В. Рубцов также описывает среду через категорию «мир», выделяя её посредством взаимодействия: «Мы пребываем в человеческой среде, но для человека среда – это не только окружающий его мир. Для человека это тот мир, который существует в общении, взаимодействии, взаимосвязи, коммуникации и других процессах» [3, 10]. Исследователь выделяет в категории «мир» ту его часть, которая взаимодействует с человеком, и называет её «человеческой средой». С психологической точки зрения, мир отождествляется с понятием объективная реальность. При этом часть мира, как субъективно пережитая человеком, является средой, формирующей личность. Это то, во имя чего, как и с чем человек вступает во взаимодействие в своей жизни: всё то, к чему или к кому человек как-то относится.

Итак, категория «мир» даёт представление о среде как о некоторой части объективной реальности, отнесённой к человеку. Среда – это часть мира, описываемая в отношении определённого человека, соприкасающаяся с ним, влияющая и подверженная влиянию. При этом категория «среда» вырезается из категории «мир» с помощью деятельностного начала: человек осваивает часть окружающего мира, и эта часть, с которой он взаимодействует и которая взаимодействует с ним, и есть среда. Отсюда следует, что первое атрибутивное свойство среды заключается в том, что она является частью объективной реальности, отнесённой к человеку, и как часть окружающего мира обладает свойствами множественности, целостности и неповторимости.

Следующая категория, посредством которой описывается содержательное наполнение понятия «среда», – это категория «пространство». В Большом советском энциклопедическом словаре пространство определяется как «форма сосуществования материальных объектов и процессов, характеризующая структурность и протяжённость материальных систем» [4]. Следуя философской трактовке категории пространство, подходим к пониманию того, что среда как пространство является формой бытия и как форма бытия среда ориентирует личность на предметно-практическое взаимодействие. Основными характеристиками категории «пространство» являются материально-процессуальная природа, структурность, организованность, протяжённость. Среда соответственно тоже обладает подобными характеристиками.

«Окружение» – третья из выделенных нами категорий, используемых для толкования семантики слова «среда». Под средой понимают окружающие социально-бытовые условия, обстановку, а также совокупность людей, связанных общностью этих условий. В широком смысле окружение означает близкое расположение, что подтверждает сделанный ранее вывод о «конечности» (ограниченности) среды. Окружение субъекта как «совокупность всяких значений – физических объектов, людей, цветов, эмоций, образов, действий» – описывает Т. Шибутани [5, 86]. Однако социолог Ю. В. Сычёв подчёркивает, что значения окружающих объектов определяются не только объективными факторами, но и такими субъективными свойствами человека, как индивидуальные ценности, нравственные нормы и пр. Он отмечает, что

нельзя рассматривать среду «безотносительно», а только в отношении какого-нибудь субъекта [6]. Отсюда анализ категории «окружение» позволяет сделать следующие выводы: во-первых, среда может рассматриваться только в отношении некоторого организма; во-вторых, к среде можно отнести лишь те объекты и условия, которые могут непосредственно восприниматься человеком через органы чувств либо воздействуют на него иным образом.

Еще одна категория, подлежащая рассмотрению в нашем исследовании, – «место». Это понятие включает не только и не столько описание пространственно-временных границ, сколько характеристику структурно-функциональных параметров окружающего объект пространства. В. Л. Глазычев, основоположник средового подхода в градостроительстве, «место» считает «молекулой среды». Он определяет его как нечто особенное, неповторимое, индивидуальное. «Место обладает именем собственным... Место – это люди! Это ситуация взаимодействия людей в определённой предметно-пространственной среде» [7, 164]. Из этого следует, что понятие «место», используемое для описания среды, позволяет выделить еще одну ее характеристику – конкретность. Кроме того, представление о «месте» зачастую сопряжено с понятием «ситуация», что говорит о ситуативном, изменчивом характере среды. Следовательно, в описание среды мы можем добавить следующие её атрибуты: конкретность и ситуативность.

Одной из наиболее значимых категорий, характеризующих понятие среда, является понятие «условия». Исследователи отмечают, что чаще всего под окружающей человека средой так или иначе подразумевается совокупность условий и влияний, окружающих человека. Так, А. Г. Пырин, проводя социально-философский анализ понятия «среда», пишет: «К среде человека как социального субъекта необходимо отнести всё то, что в окружающей его действительности является детерминирующим условием, воздействует на совокупность многообразных социальных проявлений данного субъекта» [8, 15].

В то же время не следует забывать, что человек, относительно которого рассматривается среда, сам является важнейшим из условий её существования и развития. Понимание субъекта как особого условия существования среды порождает свойство «неповторимости». У каждого человека среда своя. Характеристики среды при этом зависят от человека, от уровня его психического и эмоционального развития, от уровня образованности, активности, социального статуса и т. д. Таким образом, не только условия окружающего мира составляют основу среды, но и сам человек является неотъемлемым условием существования именно этой, конкретной среды.

Анализ основных категорий, употребляемых при описании понятия «среда», позволил сделать следующие выводы: категория «мир» даёт нам представление о среде как о некоторой части объективной реальности; категория «пространство» наделяет среду такими свойствами, как материально-процессуальная природа, структура и наличие границ; категория «окружение» говорит о том, что среда может рассматриваться только в отношении некоторого субъекта; категория «место» позволяет утверждать, что среда всегда конкретна и существует только «здесь и сейчас» (в этом месте и в это время); категория «условия» предполагает взаимообусловленность существования субъекта и среды. При этом среда в любой из этих категорий выделяется посредством «взаимодействия».

Таким образом, приведённые выше утверждения позволили выделить основные атрибуты среды, а именно: множественность, целостность, материально-процессуальную природу, обусловленность, конкретность и конфигуративность (наличие изменчивых границ).

Теперь приступим к анализу более узкого понятия нашего исследования – «образовательная среда». Данная категория возникла в 90-х годах XX века в результате соединения категории «среда» с категорией «образование». В этот период развивается идея конвенциональной среды как результат согласования всех элементов деятельности субъектов образовательного процесса, как механизм реализации требований личностно-ориентированного обучения, как условие функционирования гуманистически ориентированной педагогической системы, как средство образования и развития человека и т. д.

В глобальном смысле понятие «образовательная среда» относится ко всей системе образования в целом как единство культурных традиций общества, экономических

и политических условий, социально-демографических и исторических факторов. Согласно исследованиям Б. А. Куган, А. П. Лиферова, З. И. Равкина, В. В. Рубцова, Г. Н. Серикова, А. Н. Шевелёва, образовательная среда представляет собой сумму условий, в которых существуют, функционируют и развиваются образовательные институты различного уровня – государственные, региональные, районные. Так, В. В. Рубцов понимает под образовательной средой совокупность исторически сложившихся педагогических факторов, обстоятельств, ситуаций [3]. На наш взгляд, образовательная среда представляет собой единство организованных в образовательном или ином учреждении условий, специально создаваемых обществом для развития личности обучающегося. Опорой нам будет служить положение, гласящее, что взаимоотношения, складывающиеся между субъектом и социумом в рамках образовательных систем, являются одним из факторов развития личности. А субъект, занимающий внутреннюю позицию, является одновременно главным, системообразующим фактором и структурным компонентом образовательной среды. Однако в процессе обучения взаимодействуют не только субъекты, но и их индивидуальные среды. Именно это явление порождает особую субстанцию – образовательную среду учебного заведения. Общность целей обучения, условий протекания, характеристик образовательного пространства учебного заведения позволяет говорить о существовании определенной целостности, обладающей внутренней организацией, структурой и границами.

Образовательную среду, возникающую в рамках учебного заведения, нельзя описать как множество индивидуальных образовательных сред, объединённых по пространственно-временному признаку. Наличие связей и взаимодействий между компонентами порождают новые свойства и характеристики. Рассмотрим некоторые из них. Так, одним из свойств образовательной среды учебного заведения является самоорганизация. Согласно синергетике – теории открытых систем, это важнейшее свойство сложных социальных открытых систем. Так как возможности отдельного организма ограничены доступными ему видами деятельности, ресурсами и т. п., многие социальные организмы склонны кооперировать деятельность. Кооперация – неотъемлемая черта самоорганизующихся систем. Вступая в кооперацию, социальные организмы всегда идут на компромисс, сознательно уступают часть своих возможностей другим организмам, что обеспечивает в конечном счёте более полное удовлетворение потребностей и развитие каждого организма. Таким образом, в учебном заведении в результате процессов кооперации индивидуальные образовательные среды субъектов обучения сливаются, образуя новый «живой организм» – образовательную среду учебного заведения, качество жизнедеятельности которого зависит от близости индивидуальных векторов развития каждого индивидуума.

Другое важное свойство, присущее субъектной модели среды, – это наличие процессов внутренней дифференциации. Согласно выводам Р. Баркера, поведение людей в социуме в большей степени зависит от места, нежели от их индивидуальных и психоэмоциональных различий [9]. Следовательно, в условиях учебного заведения поведение людей характеризуется сходством. Общность условий, существующих в рамках конкретного учебного заведения, приводит к схожести характеристик индивидуальных образовательных сред. При этом наиболее существенным дифференцирующим фактором является статус субъекта (учащийся – студент – аспирант – преподаватель). Следовательно, в рамках образовательного процесса мы имеем дело с несколькими основными типами индивидуальных образовательных сред: с образовательной средой преподавателя, с образовательной средой обучающегося и т. п.

Таким образом, под образовательной средой учебного заведения следует понимать целостность, порождаемую организованностью образовательных сред всех субъектов, участвующих в образовательном процессе. Тогда формирование образовательной среды с заданными свойствами является двунаправленной задачей: а) формирование образовательной среды студента; б) формирование образовательной среды преподавателя. И решаться каждая из них должна особыми специфическими средствами.

Так, например, программа формирования образовательной среды преподавателя может включать в себя: сохранение традиций кафедры (факультета, вуза), обеспечение преемственности поколений профессорско-преподавательского состава, передача опыта преподавания данной

дисциплины, обеспечение возможности освоения новых педагогических технологий, повышение квалификации, формирование ресурсно-методического поля образовательной среды (восполнение ресурсов техническими средствами, наглядными пособиями и методическими материалами), внедрение в учебный процесс современных информационно-образовательных технологий и т. д. А программа формирования образовательной среды студента предусматривает наполнение учебно-познавательной деятельности элементами инновационного обучения, обеспечение многообразия методов, приёмов и средств подготовки, полноценный охват ресурсов образовательного пространства, интенсификацию процесса обучения, использование методов активного обучения, обеспечение максимальной открытости образовательной среды, предоставление субъекту академической свободы, обеспечение условий для саморазвития, самооценки, самосовершенствования и т. д.

Выводы

В заключение следует отметить, что сегодня проблема организации современной образовательной среды стала объектом интенсивного научно-педагогического осмысления. Но, несмотря на определенную изученность данного явления, в психолого-педагогической литературе отмечается отсутствие единого мнения относительно как самого понятия «образовательная среда», так и ее структуры, критериев оценки качества. В исследовании выявлено, что содержательное наполнение понятия «среда» в современном науковедении раскрывается на пересечении таких категорий, как «мир», «пространство», «окружение», «условие», «фактор» и «место». Основными свойствами среды являются множественность, целостность, материально-процессуальная природа, обусловленность, конкретность, конфигуративность (наличие изменчивых границ) и др. Образовательная среда представляет собой единство организованных в образовательном или ином учреждении условий, специально создаваемых обществом для развития личности обучающегося. В вузах страны ведется активная теоретико-методологическая и практическая работа по модернизации и совершенствованию современной профессионально-ориентированной образовательной среды. Разрабатывается научно-методическое обеспечение по реализации программы инновационной, профессионально-ориентированной образовательной среды студента и преподавателя, последовательно и системно исследуются вопросы оценки качества высшего педагогического образования.

Литература

1. Харламов, И. Ф. Педагогика / И. Ф. Харламов. – 5-е изд. – Минск : Университэцкае, 1998. – 560 с.
2. Коменский, Я. А. Педпедия (искусство обучения мудрости) / Я. А. Коменский ; отв. ред. Э. Д. Днепров, Г. Б. Корнетов. – М. : Изд-во УРАО, 2003. – 320 с.
3. Рубцов, В. В. Проектирование развивающей образовательной среды школы : моногр. / В. В. Рубцов, Т. Г. Ивошина. – М. : МГППУ, 2002. – 272 с.
4. Большой советский энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова. – 4-е изд. – М. : Советская энциклопедия, 1988. – 1600 с.
5. Шибутани, Т. Социальная психология / Т. Шибутани. – М. : Просвещение, 1969. – 289 с.
6. Сычёв, Ю. В. Бытие человека: проблемы детерминации : моногр. / Ю. В. Сычёв. – М. : Изд-во Рос. акад. управления, 1992. – 200 с.
7. Глазычев, В. Л. Социально-экологическая интерпретация городской среды / В. Л. Глазычев. – М. : Наука, 1984. – 180 с.
8. Пырин, А. Г. Природная среда (социально-философский анализ) / А. Г. Пырин. – М. : Универсум, 2004. – 64 с.
9. Barker, Rodger G. Ecological psychology: Concepts and methods for studying the environment of human behavior / Rodger Barker. – Stanford : Stanford univ. press, 1968. – 237 p.

Summary

The problem of modern educational environment is examined in the article. The contents of the category «environment» were analyzed; the main qualities were picked out, the program in modernization of professionally oriented educational sphere of an educational establishment was specified.

Поступила в редакцию 09.02.10.

УДК 796.15

*В. С. Лемешков***К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕОРИИ РЕКОРДНЫХ ДОСТИЖЕНИЙ
В СПОРТИВНОЙ ХОДЬБЕ**

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся динамики мировых рекордов в спортивной ходьбе. Стремление людей к достижению наилучших двигательных результатов можно рассматривать как одно из многообразных проявлений человеческой активности, базирующейся на отношении состязательности и соперничества.

Успех или неуспех в соревнованиях являлся важнейшей побудительной причиной поиска путей совершенствования мастерства скороходов.

Введение

В связи с постоянным ростом рекордов (мировых, олимпийских), высокой плотностью лучших результатов на крупнейших соревнованиях, коммерциализацией, профессионализацией большого спорта и значительным повышением конкуренции на международной спортивной арене ощущается острая необходимость во всестороннем и глубоком познании сущности и значимости спортивных рекордных и высших достижений, факторов, влияющих на уровень максимальных результатов, механизмов и закономерностей их развития и проявления в процессе спортивной деятельности. Однако, как это не парадоксально, именно высшие спортивные результаты, к достижению которых стремятся и ради которых тренируются спортсмены, создается вся инфраструктура спорта в обществе, оказываются наименее изученной областью науки о спорте высших достижений. Накопленные к настоящему времени знания о высших спортивных результатах носят разрозненный, фрагментарный, неопределенный и порой логически противоречивый характер. Поэтому в теории спорта и спортивной ходьбы на сегодняшний день фактически отсутствует раздел, посвященный учению о рекордных спортивных достижениях. Сложившаяся ситуация является следствием слабой разработанности методологических подходов, специально организованных для интегративного познания наивысших достижений человека в различных видах спорта, предпосылок, факторов, и условий их обеспечивающих [1]–[5].

Цель исследования – формирование системы научно-прикладных знаний о достижениях высшего уровня, позволяющей выявить и концептуально обосновать содержание и специфику достижения абсолютных спортивных результатов, характерные черты и тенденции в подготовке сильнейших скороходов мира. С помощью выявленных системных критериев можно судить не только об успешности выступления спортсмена в длительной серии соревнований, но и об особенностях становления, сохранения и утраты спортивной формы в годичном цикле подготовки, на что одним из первых обратил внимание Л. П. Матвеев [1].

Попытки научного познания закономерностей проявления высших спортивных достижений относятся к концу XIX – началу XX столетия [6], [7]. Они были ответом на потребности бурного развития современного спорта, международного и олимпийского спортивного движения. Отправной точкой научного познания, проблематики высших (абсолютных) спортивных достижений следует признать время появления публикаций, посвященных различным аспектам теории рекордных спортивных достижений. В их основе лежала методология элементарного подхода, для которого характерен эмпирико-аналитический способ познания рекордных спортивных достижений. С каждым годом накапливалось огромное количество научных данных, однако в силу их разрозненности и односторонности не удалось создать целостное представление о рекордных достижениях как специфической сфере теории спорта, хотя первые шаги в разработке такой комплексной научной дисциплины предпринимались еще в конце 80-х гг. [6].

Как известно, задачи изучения объектов их взаимосвязи и целостности осознаются в контексте системного подхода. На его основе возможно осуществить интеграцию множества частных сведений о рекордных достижениях и целостное учение о них. Важную роль в установлении предметно-содержательной области знаний о спортивных рекордах играет выбор аспектов системного описания объекта исследования, которые помогают упорядочивать многие частичные представления и сводить их воедино.

Результаты исследования и их обсуждение

Спортивные достижения, показанные скороходами в условиях часто повторяющихся соревнований, могут быть описаны множеством параметров, отражающих эффективность тренировочной и соревновательной деятельности.

При планировании подготовки скороходов тренеры и сами спортсмены должны заранее знать, в какой мере они достигнут заданного результата по каждому параметру, т. е. параметры результата формируются в этом случае в виде определённой модели раньше, чем будут сами результаты. Совершенно ясно, что без установления количественных и качественных значений тех или иных параметров предполагаемых спортивных достижений вряд ли можно сформулировать полное и точное представление о цели спортивной деятельности [3].

Поэтому возникает необходимость в систематизации имеющихся в литературе и практике спорта данных для целей измерения и количественной оценки различных сторон спортивных достижений. Эта работа осуществлялась нами на основании принципов системного изучения, принятого и успешно развиваемого в спортивной метрологии [8]. В конечном счете метрологический аспект изучения спортивных достижений должен привести к разработке принципов и технологии измерения и оценки спортивных результатов применительно к требованиям соревновательной деятельности в отдельных спортивных дисциплинах. Как справедливо отмечает Л. П. Матвеев [3], несмотря на массу накопленных эмпирических данных по теории и технике измерений в спорте, сейчас нет еще действительно спортивной научной метрологии. В ней заинтересованы в одинаковой мере большинство разделов теории спорта и в не меньшей – спортивная практика.

Как указывает М. А. Годик [8], метрологическая обоснованность абсолютного уровня спортивных достижений разрядных норм и требований ЕВСК гарантирует справедливость оценок достижений в разных видах спорта. Отсутствие научно обоснованной методики оценки эквивалентности достижений в спорте может сдерживать развитие так называемых трудоемких видов спорта, где сложнее установить мировой рекорд, выполнить разряд, и создает благоприятные условия для выводов, в которых эти результаты достигаются меньшими затратами труда и средств [8].

Важнейшей составной частью проблематики рекордных достижений являются вопросы, связанные с выявлением закономерностей динамики роста высших спортивных достижений на различных этапах развития того или иного вида спорта. При изучении временной динамики спортивных достижений обычно используют следующие подходы:

1. Анализ динамики роста мировых (национальных) европейских и олимпийских достижений в соответствующем виде спорта за определенный промежуток времени или за всю историю спорта.
2. Анализ динамики спортивных достижений победителей и призеров Олимпийских игр, чемпионатов мира, Европы и страны.
3. Анализ динамики достижений мирового спорта и отдельных стран на основе изучения списков 10, 25, 50, 100 сильнейших скороходов [9].

Попытки раскрыть исторические тенденции динамики спортивных высших достижений предпринимались и в других странах [10]–[12].

Одним из существенных недостатков многих из этих исследований является то, что в них, как правило, применяются разные методы анализа временных рядов, не вскрываются причины роста рекордов в тот или иной момент времени, не показана количественная сторона развития того или иного вида спорта, его материально-техническая база, рост тренерских кадров, развитие науки о спорте и т. д. В большинстве работ отсутствует детальный анализ подготовки разрядников и спортсменов высокого класса, не отражена взаимосвязь и зависимость в подготовке спортсменов высших и массовых разрядов [13].

По мнению Г. И. Рузавина [14], чтобы создать теорию, которая могла бы активно служить практике, надо не только знать, что и как происходит в настоящем, но и предвидеть ход будущих событий, выявить их тенденции и закономерности. Вот почему прогнозирование спортивных результатов, возможного их уровня в будущем и составляет важнейшую функцию учения о спортивных высших достижениях.

Повышенный интерес к проблеме прогнозирования спортивных достижений в этот период обусловлен несколькими причинами:

1. В связи с неуклонным ростом спортивных результатов, высокой конкуренцией и плотностью результатов на крупнейших состязаниях увеличивается неопределенность исходов спортивных поединков во многих видах спорта. Для успешного выступления на Олимпийских играх, первенствах мира, Европы, различных международных соревнованиях скороходам и тренерам необходимо иметь данные о предполагаемом уровне спортивных достижений в ближнем или отдаленном будущем.

2. Научно обоснованное суждение о возможных высших олимпийских достижениях, мировых рекордах на дистанции 20 км спортивной ходьбы (у мужчин и женщин), на дистанции 50 км (у мужчин) в будущем, возможных результатах победителей и призеров крупнейших соревнований в определенный период времени как раз и возможно сделать на основе разработки эффективных методов прогнозирования.

3. Прогнозирование спортивных результатов дает возможность создать модель будущего скорохода экстра-класса, способного достичь их в заданный момент времени.

4. Информация о вероятном уровне спортивных достижений и «модели скорохода» в какой-то момент времени позволит в дальнейшем разработать технологию отбора и подготовки будущих претендентов на мировые и олимпийские медали.

В начале 1980-х годов выходит несколько работ, в которых затрагиваются важные теоретические и методологические аспекты проблемы прогнозирования спортивных достижений: классификация прогнозов по времени упреждения; поиск наиболее эффективных методов для повышения точности и надежности прогноза результатов, ускорение внедрения ЭВМ и автоматизированных систем управления в систему прогнозирования в спорте [15].

Наряду с разработкой теоретико-методологических основ прогнозирования в эти и последующие годы внимание ученых и специалистов было направлено на прогнозирование рекордов, лучших достижений.

Несмотря на то, что работа в области прогнозирования в спорте интенсифицируется, особенно в период подготовки к Олимпийским играм, сама проблема прогнозирования продолжает в настоящее время оставаться чрезвычайно сложной и наименее разработанной. Она требует решения ряда теоретических и практических вопросов. До сих пор существуют разные взгляды на то, как следует классифицировать прогнозы.

В начале XX века были предприняты первые попытки изучения зависимостей между длиной дистанции, скоростью ее прохождения и рекордным временем, показанным на каждой дистанции спортивной ходьбы. В научно-практическом плане интересны, прежде всего, зависимости «скорость – время», «дистанция – время», которые в циклических видах спорта удобно анализировать на материале мировых рекордов [6].

Термин «кривая рекордов» обязан своим появлением американскому исследователю А. Kenelly [15], который всего лишь десять лет спустя после проведения I Олимпийских игр современности попытался проанализировать графическое изображение рекордов мира в различных беговых дисциплинах (в интерпретации «скорость – время»).

Для математического описания «кривой рекордов» используются разные математические выражения (экспонента, гипербола и др.). А. Hill [17] впервые при анализе «кривой рекордов» предложил представлять зависимость «скорость – время» в логарифмическом виде.

В. С. Фарфель [18], обработав данные не только мировых рекордсменов, но и 10, 25 и 50 сильнейших спортсменов мира, обнаружил, что логарифмическая зависимость «скорость – время» распадается на 4 прямолинейных участка, каждый из которых соответствует определенной группе дистанции. Привлекая для объяснения этого факта богатый физиологический материал, он предложил разделить упражнения циклического характера на 4 зоны относительной мощности: максимальную, субмаксимальную, большую и умеренную. При таком подходе «кривая рекордов» может быть описана выражением:

$$\lg V = \lg a - c \lg t,$$

где значения a и c различны для 4 зон относительной мощности.

Отдавая должное научной прозорливости В. С. Фарфеля, хотелось бы заметить, что более поздними исследованиями в беговых видах легкой атлетики было обнаружено не 4, а 6 и более зон относительной мощности [19]. В частности, М. Р. Смирнов [19] установил, что зависимость, известная под названием «кривая рекордов» (в логарифмической интерпретации $\lg t = f(\lg S)$), может быть подразделена не на 4 зоны относительной мощности, как предполагал В. С. Фарфель, и не на 5–8, как считали более поздние исследователи, а на 20 зон. По мнению М. Р. Смирнова, обнаруженное деление зависимости «дистанция – время» на 20 участков (зон) наглядно объясняет неудачи многочисленных исследователей, пытавшихся в течение всего XX века подобрать единую формулу для аппроксимации «кривой рекордов».

Начиная с 1954 г. в целом ряде работ предпринимаются попытки связать «кривую рекордов» со спецификой энергообеспечения деятельности при передвижении с рекордной скоростью по дистанции. Наиболее глубокий анализ этой кривой проведен Ф. М. Henry [20], использовавшим пятичленное экспоненциальное выражение. Один член этого выражения соответствует затратам энергии на стартовое ускорение, а четыре других – четырем различным источникам энергии при мышечной деятельности – двум анаэробным: 1) распаду макроэнергетических фосфорных соединений (КрФ и АТФ); 2) гликолизу – и двум аэробным; 3) аэробному окислению углеводов; 4) аэробному окислению жиров.

Автор показал, что «кривую рекордов» можно разложить на четыре суммирующиеся экспоненциальные составляющие, константы «половинного времени» которых совпадают с соответствующими значениями, полученными для четырех упомянутых источников энергии. Отсюда сделан вывод, что «кривая рекордов» отражает уменьшение поставки энергии от соответствующих метаболических источников.

С самого начала возникновения спорта тренеры задумывались о том, какие причины лежат в основе успехов и неудач их учеников. Рост достижений в мировом спорте еще острее поставил перед педагогами и учеными следующие важные вопросы: Почему одни спортсмены демонстрируют рекордные достижения, а другие нет? Чего им не хватает? Какие факторы и в какой степени определяют уровень спортивных достижений в спортивной ходьбе? Каким должен быть скороход, чтобы стать победителем на крупнейших состязаниях (Олимпийских играх, чемпионатах мира)?

Следует отметить, что спортивное достижение определяется суммарным действием многих факторов, имеющих разную природу и степень важности. К числу основных факторов, прямо или косвенно влияющих на уровень спортивных достижений, относятся индивидуальная спортивная одаренность, пол, возраст, состояние здоровья, тип телосложения, степень физической, технической, тактической и психологической подготовленности, размах спортивного движения и социально-экономические условия его развития в обществе, экзогенные и биологические ритмы, масштаб и условия проведения состязаний и многое другое.

Л. П. Матвеев [1]–[3] справедливо отмечает, что в отличие от массового (ординарного) спорта спорт высших достижений ориентирован на спортивные абсолютные результаты и неуклонное повышение их уровня. Эта сфера спорта – удел сравнительно немногих, действительно обладающих выдающимися спортивными способностями.

Л. П. Матвеев по этому поводу пишет следующее: «... спортсмены одного и того же возраста, специализирующиеся в одном и том же виде спорта, имеющие одинаковый спортивный стаж и достигшие равных спортивных результатов, могут значительно отличаться друг от друга своими функциональными и иными личными свойствами, от которых зависят перспективы их прогресса в спорте» [1, 175].

Предметом особого внимания при формировании системы знаний о рекордных достижениях должно стать изучение и обобщение данных об особенностях подготовки скороходов высокого класса при установлении спортивных высших достижений. Это связано, прежде всего, с тем, что одним из основных факторов, влияющих на уровень спортивных достижений, является эффективность методики подготовки скороходов [21].

Существует мнение, что методика тренировки высшего класса периодически изменяется. Приблизительно каждые 15–20 лет в нее вносятся принципиально новые, революционные изменения, которые приводят к очередному взлету результатов [7].

Большой интерес при анализе и обобщении опыта подготовки спортсменов представляют, прежде всего, данные о построении микро-, мезо- и макроциклов тренировки и особенно система соревновательной и предсоревновательной подготовки, обеспечивающая достижение наивысших результатов; результативности и надежности выступлений спортсменов в условиях насыщенного и длительного соревновательного периода; а также данные о структуре, величине и динамике нагрузок в годичном цикле; применение нетрадиционных средств и методов подготовки и др.

В. Н. Платонов [22] указывает на то, что стремление сохранить пик спортивной формы в течение значительной части года или во время нескольких крупнейших соревнований приводит к преждевременной узко специализированной подготовке, формированию результатов, их демонстрации в соревнованиях, проводимых в начале и середине сезона, и к утрате спортивной формы к моменту главных соревнований. Спортсмены, добивающиеся выдающихся результатов в зимних и весенних соревнованиях, обычно снижают их в главных соревнованиях года, проводимых летом. Напротив, те из ведущих скороходов, которые сумели подчинить свою подготовку участию в главных соревнованиях, выступают зимой и весной на относительно невысоком уровне, однако добиваются убедительных побед летом на чемпионатах мира, Европы, Олимпийских играх.

Растущая популярность многих видов спорта и их коммерциализация, особенно характерная для последних лет, привела к небывалому ранее количеству самых разнообразных соревнований, к участию в которых организаторы пытаются привлечь сильнейших спортсменов.

Л. П. Матвеев [3] справедливо отмечает, что в условиях круглогодичного участия в соревнованиях перед теми спортсменами, которые пытаются выступать параллельно в соревнованиях в коммерческом и некоммерческом спорте высших достижений, возникает проблема «состыковки» систем соревнований, принятых в профессионально-достиженческом и профессионально-коммерческом спорте. Часто такие попытки оказываются крайне безуспешными, если оценивать их по уровню результативности, демонстрируемой этими спортсменами в некоммерческих соревнованиях. Отсюда автор делает вывод, что «профессионально-коммерческий спорт не может служить постоянным поставщиком подлинно рекордных достижений. В его рамках спортсмен так или иначе неизбежно попадает в условия, сдерживающие развертывание тренировочного процесса с возрастающей эффективностью и мешающие планомерно управлять развитием спортивной формы. Хотя это и не исключает возможности многократно повторять ранее достигнутые спортсменом внешне впечатляющие спортивно-технические показатели».

Весьма спорным и интересным является вопрос о том, какие именно главные факторы обуславливают продолжительность и структуру тренировочного года (макроциклов): только ли календарь спортивных соревнований или же в основе планирования годичного цикла тренировки скороходов должны лежать биологические закономерности становления спортивной формы.

Многочисленные результаты экспериментальных исследований, проведенных нами показывают, что длительность фазы становления, стабилизации и временной утраты спортивной формы у сильнейших скороходов мира носит индивидуальный характер.

Таким образом, спортивный максимальный результат, спортивный рекорд – это главный и неизбежный продукт большого спорта, без которого он просто не может существовать.

Важно подчеркнуть, что спортивный рекорд – это не просто высшее абсолютное достижение скорохода. Он выступает в качестве объективной оценки совместной деятельности многих людей (тренера, спортсмена, врача, научного работника и т. д.) в сфере спорта и обладает целым рядом ценностных характеристик.

Именно в этом качестве спортивный рекорд содержит в себе тот общественный и личный смысл, ради которого он создается, а значит, для обеспечения которого и функционирует вся система большого спорта [6].

Ведь если бы рекорды не обладали такими ценностями, то вряд ли бы общество или отдельный спортсмен были заинтересованы в достижении высших результатов в спорте.

В этой связи уместно привести слова Г. Д. Горбунова: «Спорт высших достижений – это остров особой жизни. Он сродни религии: здесь свои храмы, гимны, одежды, ритуалы, посты, символы, правила и т. д. Молятся здесь на спортивные результаты... Достигая успеха, скороход, тренер, видят, чувствуют себя в центре событий, происходящих вокруг них. И для многих типажей личности, представленных в спорте, в системе ценностных ориентаций это бывает превыше всего» [23, 15]. Это исследование практики для скороходов и установлений рекордных результатов, т. е. всего того, из чего складывается деятельность спортсмена, обеспечивающая формирование готовности к достижению наивысших спортивных результатов и благодаря которой они были достигнуты. В этом случае практическая деятельность по подготовке скороходов рассматривается не как хаотическое, а как целостное образование. Естественно возникает вопрос: какие же основные компоненты здесь можно выделить в педагогическом аспекте. К их числу прежде всего можно отнести: тренировочную деятельность спортсмена, ее содержание, построение, в структуре макро-, мезо- и микроциклов, величину направленности, тренировочных нагрузок и др.; стратегию, тактику и технику соревновательной деятельности, суммарное количество состязаний и стартов и их концентрацию во времени, различные виды внутрине тренировочной и внесоревновательной деятельности [16].

Изложенный выше подход к формированию и содержательной разработке данной сферы научных знаний позволит в дальнейшем уточнить границы, специфику, объект, предмет, структуру теории спортивных рекордных достижений и ее место в общей теории спорта. В результате обобщения имеющегося массива информации можно сформулировать:

Выводы

1. Стремление к достижению наиболее высоких спортивных результатов является специфической чертой спорта как уникального и многогранного социального феномена. Сопоставление спортивных результатов в отдельных видах спорта по шкале «лучше-хуже» свидетельствует о возможностях человека в данном виде спортивной деятельности, о качестве подготовки спортсменов в стране, об уровне развития спортивной культуры и степени прогресса в ней других видов культуры общества.

2. Изменения, наблюдаемые в динамике рекордов, отражают процесс развития технологий подготовки спортсменов, периодически сменяющих друг друга на отдельных этапах истории. На рост спортивных достижений также накладывают свой отпечаток социальные, климатические, географические и другие факторы. Тем не менее ведущая роль принадлежит изменениям в методике подготовки спортсменов.

3. До настоящего времени в теории спорта фактически отсутствует раздел, посвященный рекордным спортивным достижениям. Это обусловлено слабой теоретической и методической разработанностью изучаемой проблемы. Создание теории рекордных достижений требует применения системного подхода, благодаря которому можно было бы объединить разрозненные и односторонние представления об отдельных сторонах спортивных достижений в единое целое.

Внедрение в практику спорта новых методических установок в различные периоды времени отражается на амплитуде и скорости прироста мировых рекордов и достижений.

4. Чтобы создать теорию спорта, которая могла бы активно служить практике, надо не только знать что и как происходит в спорте в настоящее время, но и предвидеть ход будущих спортивных событий, выявлять их тенденции и закономерности. Вот почему прогнозирование спортивных результатов и составляет важнейшую функцию учения о высших спортивных достижениях.

5. Фундаментальные теоретико-методические положения построения тренировочного года (четкая периодизация, вариативность нагрузок, разнообразие средств, нацеленность на достижения наивысших результатов в главных соревнованиях), внедрение в практику спорта новых методических установок в различные периоды времени отражались на амплитуде и скорости прироста мировых результатов и достижений. С момента зарождения теоретической идеи до ее апогея обычно проходит 10–15 лет (в некоторых случаях до 25 лет): таков период «жизни» новых методических концепций. Это зависит прежде всего от образовательной базы тренеров, наличия соответствующего контингента спортсменов и возможностей широкого внедрения в программу большого спорта передовых концепций тренировки.

Літэратура

1. Матвеев, Л. П. Основы спортивной тренировки : учеб. пособие для ин-тов физ. культуры / Л. П. Матвеев. – М. : Физкультура и спорт, 1977. – 270 с.
2. Матвеев, Л. П. Теория и методика физической культуры, общие основы теории и методики физического воспитания / Л. П. Матвеев // Теоретико-методические аспекты спорта и профессионально-прикладных форм физической культуры : учеб. для ин-тов физ. культуры / Л. П. Матвеев. – М. : Физкультура и спорт, 1991. – 543 с.
3. Матвеев, Л. П. Общая теория спорта / Л. П. Матвеев. – М. : 4-й филиал Воениздата, 1997. – 304 с.
4. Годик, М. А. Контроль тренировочных и соревновательных нагрузок / М. А. Годик. – М. : Физкультура и спорт, 1988. – 136 с.
5. Платонов, В. Н. Система подготовки спортсменов в Олимпийском спорте. Общая теория и её практические приложения / В. Н. Платонов. – Киев : Олимпийская литература, 2004. – 808 с.
6. Годик, М. А. Спортивная метрология : учеб. для ин-тов физ. культуры / М. А. Годик. – М. : Физкультура и спорт, 1989. – 192 с.
7. Верхошанский, Ю. В. Актуальные проблемы современной теории и методики спортивной тренировки / Ю. В. Верхошанский // Теория и практика физической культуры. – 1993. – № 8. – С. 21–28.
8. Wazny, Z. Tendencje rozwojowe wynikow sportowch. Lekka atletyka i podnoszenie ciezarow / Z. Wazny // Vych. Fis. Sport. – 1975. – № 4. – S. 93–115.
9. Tilinger, P. Prognozy vykonu na OH 1988 a 2000 v atletike / P. Tilinger // Teor. Praxe tel. vych. – 1985. – № 5. – S. 284–291.
10. Radullscu, A. Progresul recordurilor mondiale in Atletism si perspectivele lor / A. Radullscu // Educatil fizica si sport. – 1985. – № 6. – P. 51–62.
11. Платонов, В. Н. Современная стратегия многолетней спортивной подготовки / В. Н. Платонов, К. П. Сахновский, М. Озимек // Наука в Олимпийском спорте. – 2003. – № 1. – С. 3–31.
12. Рузавин, Г. И. Научная теория. Логико-методологический анализ / Г. И. Рузавин. – М. : Мысль, 1978. – 224 с.
13. Баландин, В. И. Прогнозирование в спорте / В. И. Баландин, Ю. М. Блудов, В. А. Плахтиенко. – М. : Физкультура и спорт, 1986. – 192 с.
14. Лемешков, В. С. Количественный анализ динамики мировых рекордов в спортивной ходьбе у мужчин / В. С. Лемешков // Уч. записки : сб. науч. тр. / ред. кол.: М. Е. Кобринский (гл. ред.) [и др.] ; Белорус. гос. ун-т физ. культуры. – Минск : БГУФК, 2007. – Вып. 10. – С. 161–170.
15. Kenelly, A. Enhancing Recovery / A. Kenelly // Preventing underperformance in Athletes. – Human Kinetics, 1906. – P. 25–45.
16. Hill, A. The air resistance to a runner / A. Hill // Proc. Roy Soc. B. – 1929. – P. 102–380.
17. Фарфель, В. С. Исследование по физиологии выносливости / В. С. Фарфель. – М. : Физкультура и спорт, 1949. – 271 с.
18. Смирнов, М. Р. Теоретические основы беговой нагрузки : учеб. пособие для ин-тов физ. культуры и факультетов физ. воспитания педвузов / М. Р. Смирнов. – Новосибирск : Изд-во НГПУ, 1996. – 217 с.
19. Henry, F. M. Effects of methandienone on the performance and body composition of men undergoing athletic training / F. M. Henry // Clinical Sci. – 1955. – № 30. – P. 457–461.
20. Бондаренко, С. К. Спортивная ходьба: техника, методика тренировки / С. К. Бондаренко. – СПб. : СПбНИИФКис, 1992. – 93 с.
21. Курамшин, Ю. Ф. Интеграция знаний о рекордных спортивных достижениях: методология, основные тенденции / Ю. Ф. Курамшин // Теория и практика физической культуры. – 2006. – № 10. – С. 39–41.
22. Платонов, В. Н. Общая теория подготовки спортсменов в олимпийском спорте / В. Н. Платонов. – Киев : Олимпийская литература, 1997. – 583 с.
23. Горбунов, Г. Д. Психология спорта / Г. Д. Горбунов // Теория и практика физической культуры. – 1996. – № 12. – С. 15–17.

Summary

The article reflects the actual problems of the formation of the theory of highest sportive record achievements in walking.

Поступила в редакцию 21.01.10.

УДК 78.072

О. П. Морозова

**ЦЕРКОВНОЕ ПЕНИЕ КАК СРЕДСТВО ДУХОВНОГО ВОСПИТАНИЯ
В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ БЕЛАРУСИ
в конце XIX – начале XX веков**

Статья содержит сведения о преподавании православного церковного пения в учебных заведениях всех типов на территории Беларуси в XIX – начале XX веков. Характеризуются принципы преподавания предмета в светских и церковно-приходских школах, учебные программы, формы обучения учителей пения и регентов. Освещается значение церковного пения в деле духовного и нравственного воспитания детей и юношества.

Введение

Обучение хоровому пению православной церкви являлось неотъемлемой частью воспитания и образования во всех типах общеобразовательных учебных заведений Российской империи.

Значительную роль духовной музыки в образовании определяло несколько факторов. Первый из них – обучение музыке только в духовных заведениях вплоть до второй половины XVIII века. Эта система обучения складывалась веками, и когда в екатерининское время в российских учебных заведениях начали обучать светской музыке, то в сознании людей не искоренилось понимание сущности музыкального образования как обучения музыке духовной. Кроме того, в условиях укрепления государственности в России и русификации присоединенных ею земель обучение музыке православной церкви имело чрезвычайно важное значение в проведении национальной политики. Эти внешние факторы дополнялись фактором внутренним – глубокой религиозностью народа. Церковная музыка, как компонент духовных переживаний, оставалась для всех слоев общества насущной потребностью, даже когда распространялась музыка светская. Поэтому именно посредством церковного пения, принимаемого естественным образом, наиболее доступного простому человеку, можно было развить в нем умение слышать музыку и воспитать чувство прекрасного. Через пение в хоре происходило приобщение к музыкальному искусству православной церкви, постигалась красота и духовная глубина этой музыки. Обучение церковному пению играло огромную роль в художественном и нравственном воспитании человека.

Изучение архивных документов и материалов периодической печати Могилёва-на-Днепре и других городов Северо-Западного края России XIX – начала XX веков позволило сделать выводы об исключительной важности церковного пения как средства духовного воспитания на всей территории Беларуси дореволюционного периода.

Результаты исследования и их обсуждение

В 20-е годы XIX века в программы всех учебных заведений Российской империи вводится предмет «церковное пение». В каждой гимназии создавался свой церковный хор, руководимый высококвалифицированным регентом. Многие гимназии имели свои церкви. Так, например, в 1878 году в здании Могилёвской мужской гимназии была открыта домовая православная церковь, где гимназический церковный хор вел все богослужения. Иногда во время праздничных богослужений гимназические хоры присоединялись к храмовому хору. В заметке о посещении Могилёвской частной женской гимназии Залеской Гомельским епископом Варлаамом сообщалось: «При входе в зал Преосвященства хор учениц пропел тропарь «Вознесению» и «Исполла». После экзамена епископ в своей речи высказал похвалу по поводу слышанных ответов и похвалу за участие в духовном хоре в храме малого братства» [1, 4].

Большое значение придавалось обучению церковному пению в народной школе. Во второй половине XIX века оно преподавалось почти во всех народных училищах белорусского края наряду с законом Божьим, чтением, письмом и арифметикой. О важности церковного пения как средства нравственного, художественного и музыкального воспитания народа много писали в те годы [2]–[4]. Писали не только о значимости церковного пения в начальных школах, но и о том, что требования к нему должны предъявляться большие, поскольку церковное пение способствует развитию в детях эстетического чувства [2, 23]. Отмечали, что церковное пение

усиливает симпатию к начальной школе, к ее интересам и нуждам: «Нет больше радости для поселянина пред односельчанами, как видеть дитя свое поющим на клиросе и читающим Часы и Апостол. <...> И мы видим, что цена школы во мнении крестьян почти всецело зависит от того, хорошо ли поют школьники в церкви и хорошо ли читают на церковных службах. И те учителя школ, которые создавали в школах хоры, надолго остаются памятны в крестьянской среде, как лица, выдающиеся среди своих предшественников и преемников <...>. Часто приходится слышать от крестьян: у нас такой-то хороший был учитель – пели при нем в церкви хорошо, потому и учеников при нем было много в школе» [2, 27]. Участие в церковной службе являлось также показателем грамотности ученика школы: «неграмотный крестьянин не имеет решительно никакой возможности проверить успехи своего сына в школе; сделать же это он может только в церкви, если его сын будет там петь и читать» [3, 207].

Имея в виду также практические цели, церковное пение предлагали считать одним из главных предметов начальной школы, поскольку «только одна школа может украсить храм своим пением, так как ни одна наша сельская церковь не располагает средствами содержать специальный хор» [4, 167]. Инспектор народных училищ Минской губернии сообщал, что почти в каждой сельской школе есть ученики, которые могут петь в церкви целую обедню, и это приводило крестьян в умиление до слез и производило на них самое благотворное влияние [5, л. 204]. К школьному хору присоединялись молящиеся прихожане. В таких ученических хорах обычно принимали участие и взрослые крестьяне, преимущественно бывшие ученики школы. В Отчетах о состоянии Могилёвской губернии (они издавались с 1879 года по 1915) можно найти сведения об ученических церковных хорах. В Отчете за 1890 год сообщалось, что во всех городских, уездных и начальных училищах Дирекции народных училищ существовали хорошо устроенные хоры, в которых принимали также участие и взрослые – городские и сельские жители. Хоры эти занимались пением при городских училищах в свободные от занятий часы, а в сельских – преимущественно во время воскресных и праздничных чтений [6, 62–63]. В отчетах последующих лет встречаются следующие сведения: «Церковные хоры устроены при 179 народных училищах, из них при 104 училищах в хорах участвовали и взрослые крестьяне» [7, 42]; «Церковные хоры организованы при 198 училищах из всего числа 208, при 112 из них в хорах участвовали и взрослые крестьяне» [8, 89]; «В отчетном году хоры существовали при 191 сельском училище; при 112 из этих училищ в хорах принимали участие и взрослые крестьяне» [9, 89].

Церковное пение как обязательный учебный предмет преподавали во всех церковно-приходских школах, открываемых православным духовенством. Обучали церковному пению в одних школах учителя и учительницы, а в других – члены местного причта, преимущественно псаломщики. В церковно-приходских школах были тоже такие ученические хоры, которые могли полностью обслужить литургию, были способны исполнять сложные духовные произведения русских композиторов. Газета «Могилёвский вестник» сообщала о таком хоре в Кричевской женской второклассной школе. Хором управляла учительница истории, пения и музыки К. И. Косицкая, которая была ученицей известного церковного композитора, редактора журнала «Народное образование» С. Мироносицкого. 1 февраля 1915 года в дворянском собрании г. Черикова церковно-приходская школа г. Кричева дала концерт. Программа концерта состояла из двух отделений. В первое вошли песнопения литургии и концерты Архангельского, Турчанинова и Мироносицкого, во второе – произведения Анцева, Направника, Архангельского, Бранского и Контского [10, 4].

Организация обучения церковному пению и методика его преподавания в учебных заведениях совершенствовалась, создавались программы для школ всех трех ступеней, издавалась учебная литература. Записи в учебном журнале по предмету церковное пение в I–IV классах Могилёвской мужской гимназии за 1896/97 учебный год дают возможность представить содержание гимназической программы по этому предмету [11, л. 1–8]. Обучение велось по учебнику А. Рязского, из которого пели упражнения на каждом уроке. Двигались от простого к сложному. Сначала – изучение каждой ноты и ее «начертание»; пение попевок, тетрахордов, гамм с каждой ноты. Затем – пение канонов, стихир, догматиков и антифонов из гласов. В IV классе – пение церковных песнопений преимущественно наизусть.

В народных училищах преподавание церковного пения велось иначе. Опытные преподаватели не советовали сразу обучать детей по нотам. Иван Романовский рекомендовал следующее: «Начинать всего лучше обучение детей с голоса по слуху, оставив в стороне всякое

знакомство с нотным построением гамм. Гаммы в начальной школе пользы, особенно на первых порах, принести не могут. Знакомство же по голосу, помимо развития слуха в детях, сразу врезывается в их душу» [2, 28]. Он советовал также не торопиться изучать партесное пение и готовить учеников к изучению многоголосия терпеливо и постепенно, сначала хорошо изучив обиходное (одноголосное) пение. Объяснял он это тем, что мотивы обиходного пения простые и мелодичные, очень легко даются детскому слуху. Поэтому, при старательной учебе, к концу учебного года дети могут петь всеобщую и обедню стройно, хорошо и почти наизусть. Кроме того, преподавание одноголосного пения дается легко любому учителю, сколько-нибудь владеющему голосом и музыкальным инструментом. Привыкнув петь с голоса, дети на третьем и четвертом году своего обучения могут свободно по слуху разучивать даже многоголосные партесные песнопения. Из практики известно, что дети начальных школ пели наизусть, не зная нот, даже «Херувимскую Симоновскую», выполнение которой, по своим переходам тонов, требует и знания нотной грамоты, и тонкого слуха [2, 27–28].

В церковно-приходских школах обучали церковному пению не только «с голоса», но и по нотам. Им занимались по два часовых урока в неделю и четыре получасовых – по окончании уроков. При Могилёвской духовной семинарии действовала образцовая одноклассная церковно-приходская школа, где урок церковного пения был ежедневным. Учебные программы для церковно-приходских школ [12, 172–175], [13, 3–12] свидетельствуют о том, что окончившие их дети владели нотной грамотой, практическими навыками церковного пения – одноголосного и многоголосного, знали песнопения как обиходные, так и праздничные.

Для обучения церковному пению в народных школах необходимо было большое количество хорошо подготовленных преподавателей. Их готовили не только в духовных, но и в учительских семинариях. Для учителей церковного пения открывались также специальные школы, а начиная с 80-х годов XIX века во многих городах России, в том числе и Северо-Западного края, в летние месяцы, свободные от занятий в школе, проводились курсы по подготовке учителей церковного пения в народных училищах и регентов церковных и светских хоров. «Епархиальные ведомости» регулярно сообщали о таких курсах, а также публиковали отчеты об их деятельности. Работа на курсах была чрезвычайно насыщенной. Так, например, из отчета о певческих курсах в Гродно, проходивших в течение шести недель (июль – август 1904 г.), становится известным, что занятия там проводились ежедневно с 9 часов утра и до 8 часов вечера [14, 22]. В числе предметов программы курсов значились теория пения и методика церковного пения, обучение регентству и другие. Выдержавшим экзамены выдавали свидетельства первого разряда, удостоверявшие умение организовать хор и управлять им, и второго разряда, удостоверявшие лишь знание одноголосного церковного пения.

В отчете о курсах церковного и светского пения, учрежденных в Минске в 1903 году, помещен список учебных пособий, с которыми знакомились слушатели курсов: сборники духовных и светских хоров, методические труды, учебники гармонии, специальные школьные хрестоматии. Среди них – «Руководство к чтению духовно-музыкальных сочинений» П. Чайковского, «Курс хорового пения» С. Смоленского. «Учебник гармонии» Н. Римского-Корсакова и «Руководство к практическому обучению гармонии» П. Чайковского, «Сборник духовно-музыкальных пьес в три голоса» А. Рожнова, «Переложения» священника М. Георгиевского, «Сборник церковных песнопений» Н. Потулова [15, 9–10].

Курсы вели как местные, так и приезжие музыкальные деятели. Особую значимость приобрели регентские курсы приехавшего из Москвы в Могилёв А. Н. Карасёва, известного деятеля церковно-певческого искусства и музыкальной педагогики. Курсы проходили с 20 июня по 1 августа 1911 года. На эти курсы съехалось около 200 учителей и псаломщиков. Занятия проходили в Могилёвском женском епархиальном училище. По приглашению Карасёва с ним сотрудничали регент местного архиерейского хора дьякон К. Алексеев и священник А. Лобковский. А. Карасёву помогал и его сын, П. Карасёв, который читал лекции по теории звука и гармонии. Работа курсов подробно освещалась в «Могилёвских епархиальных ведомостях» [16, 365–374], [17, 552–555].

Всё вышесказанное свидетельствует об исключительной значимости церковного пения в образовании и воспитании детей в отечественной педагогике XIX–XX веков. Школа, которую проходили участники церковных хоров, поднимала их до исполнительской причастности к богатствам православной музыки и через музыку формировала души.

Выводы

Музыка православной церкви является важной составной частью мировой музыкальной культуры. Церковное хоровое пение, выражающее стремление человека к духовной гармонии и красоте, высоким помыслам, рассматривалось в отечественной педагогике как действенное средство нравственного воспитания детей и юношества. Особенностью развития культуры нашей республики в последние годы стало возвращение к лучшим духовным и художественным традициям, в том числе и религиозным. Изучение опыта педагогов прошлого, занимавшихся обучением церковному пению, их методов преподавания, способов организации учебного процесса, приводивших к лучшим результатам, могло помочь бы в настоящее время работе учителей пения, хоровых дирижеров и регентов в деле возрождения православной музыкальной культуры как носителя духовности.

Литература

1. Могилёвский вестник. – 1915. – 3 (16) января.
2. Романовский, Иван. Значение церковного пения в народной школе / Иван Романовский // Народное образование в Виленском учебном округе. – 1910. – № 9.
3. Поляков, Ст. Пение в народной школе / Ст. Поляков // Народное образование в Виленском учебном округе. – 1908. – № 5–6.
4. А. Б. О пении в народных школах Северо-Западного края (Из письма учителя) / Б. А. // Народное образование в Виленском учебном округе. – 1909. – № 4.
5. Н. Гр. О народных училищах в Минской губернии / Гр. Н. // Виленский вестник. – 1865. – 24 апреля: НИАБ. – Ф. 147. – Оп. 3. – Ед. хр. 22846а.
6. Отчет о состоянии Могилёвской губернии за 1890 год: приложение к всеподданнейшему рапорту Могилёвского Губернатора. – Могилёв : тип. Губернского Правления. – 1891.
7. Отчет о состоянии Могилёвской губернии за 1893 год: приложение к всеподданнейшему рапорту Могилёвского Губернатора. – Могилёв : тип. Губернского Правления. – 1894.
8. Отчет о состоянии Могилёвской губернии за 1896 год: приложение к всеподданнейшему рапорту Могилёвского Губернатора. – Могилёв : тип. Губернского Правления. – 1897.
9. Отчет о состоянии Могилёвской губернии за 1898 год: приложение к всеподданнейшему рапорту Могилёвского Губернатора. – Могилёв : тип. Губернского Правления. – 1899.
10. Могилёвский вестник. – 1915. – 20 февраля (5 марта).
11. Журнал по предмету церковное пение Могилёвской мужской гимназии за 1896/97 уч. год (I–IV кл.) // НИАБ. – Ф. 2261. – Оп. 1. – Ед. хр. 10.
12. Программа по церковному пению в одноклассной школе. Программа двухклассной школы // Могилёвские епархиальные ведомости. – 1886. – № 25–26.
13. Сборник правил и программ для церковно-приходских школ с относящимися к ним определениями Св. Синода / сост. преп. Могилёвской духовной семинарии Д. Тихомиров. – Могилёв-на-Днепре, 1887.
14. Народное образование в Виленском учебном округе. – 1904. – № 6.
15. Народное образование в Виленском учебном округе. – 1904. – № 1.
16. Могилёвские епархиальные ведомости. – 1911. – № 11, ч. неофиц.
17. Могилёвские епархиальные ведомости. – 1911. – № 16, ч. неофиц.

Summary

The article contains information on teaching of Orthodox liturgical singing at all types of educational institutions in the territory of Belarus at the end of the 19th-beginning of the 20th centuries. It characterizes teaching principles of liturgical singing at secular and parochial schools, educational programs and forms of training of singing masters and precentors as well as the meaning of liturgical singing in the sphere of spiritual and moral upbringing of children and young people.

Поступила в редакцию 14.12.09.

УДК 371.111

*П. А. Рябцев***ПЛАНИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОЙ ШКОЛЫ-КОМПЛЕКСА**

Движение за качественное обновление сельской школы приобретает все больший размах в связи с принятием программы возрождения и развития села на период 2005–2010 годы. Десятки школ республики делают шаги к проектированию своего желаемого будущего, разрабатывают программы движения к нему с максимально возможным полезным эффектом, решая проблему нового наполнения содержания и организации образовательного процесса сельской школы, совершенствования его на основе учета интересов учащихся и их родителей, а также общественности и государства.

Статья представляет собой освещение опыта работы сельских школ по проблемам развития управления. Автором предложена концепция планирования развития сельской школы, основанная на идее организации экспериментальной, научно-исследовательской, инновационной деятельности и программного управления.

Введение

В государственной программе возрождения и развития села на 2005–2010 годы говорится о необходимости повышения качества образовательного процесса в сельских школах, приведения его в соответствие с современными требованиями сельскохозяйственного производства [1]. В этой связи успех реформ в сельской школе сегодня связывается с такими понятиями, как «развитие», «инновация», «эксперимент». Следует заметить, что слова «развитие» и «инновация» впервые появились в науке в конце XIX века в трудах экономистов и культурологов. В первой половине XX века на Западе возникла специальная отрасль исследования нововведений – инноватика. Предметом ее изучения были экологические и социальные закономерности создания и распространения научно-технических новинок. Однако интересы новой научной отрасли расширились, инновация стала сферой исследования в философии, социологии, теории управления, психологии, экономики, культурологии.

Исследования по проблематике инновационной школы появились в США и Западной Европе уже в середине 60-х годов. В работах английских и американских ученых (Н. Arendt, R. Callahan, L. Cremin, M. Greene и т. д.) прежде всего анализируются проблемы управления инновационными процессами.

К этому времени в СССР педагогические развивающие процессы стали предметом специального изучения в теории воспитания (Т. И. Ильина, Н. В. Кухарев, М. А. Кремьен, В. А. Сластенин, И. Т. Огородников, В. В. Чет, Г. И. Шукин и др.), дидактике (Ю. К. Бабанский, М. К. Енисеев, В. К. Кириллов, А. А. Кирсанов, И. Я. Лернер, М. М. Махмутов, М. Н. Скаткин и др.), этнопедагогике (В. Ф. Афанасьев, Г. Н. Волчков, и др.). К 70-м годам новая наука стала сложной, разветвленной отраслью.

В БССР школы, активно занимавшиеся нововведениями в образовательном процессе, появились в конце 70-х годов. В это же время становятся известными сельские школы, которые на выставке ВДНХ СССР в 1987 году демонстрируют лучший опыт совместной работы школы продленного дня и базового предприятия по воспитанию гармонически развитой личности (Ровенско-Слободская СШ Речицкого района) [2]. В результате тесного сотрудничества школы, колхоза и всех социальных учреждений села создаются необходимые условия для получения среднего образования, воспитания, подготовки школьников к труду, к работе в сфере материального производства. Вся воспитательная работа в микрорайоне строится по единому перспективному плану развития микрорайона школы, который курируется сельским советом, правлением колхоза, советом школы. В основу плана положены следующие направления: обеспечение экспериментальной и научно-исследовательской деятельности, единства идейно-политического, нравственного и трудового воспитания на уроках и во внеурочное время, единства деятельности общеобразовательной школы и внешкольных учреждений по всестороннему воспитанию и развитию детей и подростков; создание материально-технической базы для обучения и трудового воспитания подростков (строительство и оснащение базы для подготовки хозяина и хозяйки сельской усадьбы, закупка техники и оборудования, проектирование и строительство новой школы и сельского дома культуры под единым руководством, выделение собственной земли для производственной бригады и т. д.).

Такое объединение позволяет школе удачно решать главную задачу воспитания гармонически развитых, преданных своей республике, своему селу молодых людей. Объединение усилий школы и социума позволяет наполнить интересными делами жизнь всех учащихся и тружеников села. Исчезают правонарушения, растет число поступающих в вузы и средние учебные заведения, формируется гражданская зрелость, появляется активная жизненная позиция, патриотизм. Школа завоевывает первое место на ВДНХ СССР по теме «Опыт совместной работы школы продленного дня и базового предприятия по воспитанию гармонически развитой личности» [2].

В это же время в республике становится известен опыт работы по патриотическому и правовому воспитанию учащихся других школ Гомельской области, в их числе Караватичская СШ Речицкого района. Школа объединила усилия колхоза, сельского совета, всего социума микрорайона по созданию базы для обучения и воспитания учащихся, появляются первые в республике советы профилактики при исполкоме, на предприятиях и в учреждениях. На селе исчезает пьянство, правонарушения, меняется облик этого села, появляется музей, хорошие спортивные сооружения и многое другое [3].

В этот период отмечается многообразие направлений работы сельских школ республики по коренному изменению образовательного процесса и освоению новшеств, тесно связанных со специфическими функциями сельской школы, сельскохозяйственным укладом жизнедеятельности в регионе: Озеранская СШ Рогачевского района, Стреличская СШ Хойникского района – самоуправление школьников строят на основе идей совместного взаимодействия общественных организаций села и всего социума в целом; Малевичская СШ Жлобинского района, Грановская СШ Кормянского района – патриотическое воспитание на уроках и во внеклассной работе осуществляют на основе изучения истории своего района, создаются первые в республике общественно-политических клубы, клубы интернациональной дружбы, открываются музеи и комнат боевой и трудовой славы земляков; Хуторская СШ Светлогорского района, Криничанская СШ Мозырского района, Ленинская СШ Житковичского района – для эстетического воспитания учащихся создают музыкальные отделения, агитбригады, клубы молодежи, проводят встречи со знаменитыми работниками искусств, создают школьные театры, проводят недели и декады литературы и искусства, литературные утренники, вечера, кинолектории; Скороднянская СШ Ельского района, Букчанская СШ Лельчицкого района – работают по ориентации учащихся на педагогические и сельскохозяйственные профессии и многое другое. Изучение опыта их работы позволяет выделить общее для всех: желание создать условия для успешного обучения, воспитания и укрепления здоровья учащихся; наличие долгосрочного перспективного планирования развития школы, опирающегося на специфические функции сельской школы; прочные связи со всеми социальными организациями села, позволяющие расширить возможности обучения и воспитания за счет дополнительных образовательных услуг на базе СДК, библиотек, классов производственного обучения при сельских мастерских; создание общей спортивной базы (оборудование спортивных залов, стадионов при школах и их продуманное использование всеми жителями села и др.); высокий уровень успеваемости и воспитанности учащихся; результативность профориентационной работы; большое количество выпускников остается в сельском хозяйстве, что позволило со временем в этих селах создать процветающие агрогородки. Данные школы заложили научно-практический фундамент под дальнейшее развитие сельских школ республики, благодаря их работе появились первые школы-комплексы и многое другое.

Появившаяся в ходе обновления и реформирования сельского хозяйства проблема планирования развития сельской школы в условиях создающихся агрогородков требует всестороннего изучения планирования педагогических инновационных процессов в сельском агрогородке РБ. Задача изучения вытекает из объективного развития общества и сводится к тому, чтобы на этапе происходящей реформы села и сельской школы в связи с появлением агрогородков найти приемлемые формы и методы работы, которые имеют будущее. Целью нашей статьи является изучение литературы, касаемой темы работы, и мнений практиков по проблеме управления.

Результаты исследования и их обсуждение

В настоящее время идет поиск и организация новых подходов к управлению развитием сельских школ в условиях создающихся агрогородков. Объединяющим началом этих школ становится: а) учет специфических функций сельской школы при организации образовательного процесса;

б) организация учебно-воспитательного процесса с опорой на сельскохозяйственный уклад жизнедеятельности учащихся; в) профессиональная ориентация учащихся на сельскохозяйственные профессии и народные промыслы; г) воспитание учащихся на традициях народной культуры региона; д) обеспечение благоприятных условий через гуманное педагогическое сотрудничество учителей и учащихся; е) создание для каждого школьника условий для полноценного расцвета имеющихся задатков и способностей; ж) организация экспериментальной и научно-исследовательской работы коллектива и т. д.

Движение за качественное обновление сельской школы приобретает все больший размах в связи с принятием программы возрождения и развития села на период 2005–2010 годы. Десятки школ республики предпринимают шаги для проектирования своего желаемого будущего, разработки программ движения к нему с максимально возможным полезным эффектом. Таким образом, встает проблема решения вопроса о новом наполнении содержания и организации образовательного процесса в сельской школе, совершенствования его на основе учета интересов учащихся и их родителей, а также общественности и государства. Родители, оценивая содержание образовательного процесса в сельской школе, отвечая на вопрос «Чему должна учить сельская школа?», отметили следующие ценности: дать знания, необходимые для поступления в вуз; учить умениям выстраивать отношения с другими людьми, воспитывать моральные и нравственные качества, готовить к самостоятельной жизни. Эти данные говорят о том, что всё вышесказанное является резервом, использование которого позволило бы поднять роль образовательного процесса в сельской школе на ещё больший уровень. Отсюда вытекает вопрос об отношении учителей к новым формам и методам учебного процесса, профильному обучению учащихся. Большинство опрошенных педагогов (93%) положительно оценивают профильное обучение, а также необходимость новых форм и методов обучения учащихся.

В этом плане большой интерес представляет отношение учителей к созданным школам нового типа на селе (школам-комплексам, гимназиям, лицеям). Установлено, что 88% опрошенных учителей положительно относятся к созданию таких школ. Однако они считают, что сегодня существуют следующие причины, по которым этот процесс усложняется: отсутствие высококвалифицированных кадров, их отток в город (70%), слабая материальная база сельских школ (73%), малокомплектность (83%), отсутствие методической базы и многопрофильность работы учителя: чтобы иметь нагрузку, необходимо вести несколько разных предметов (65%), консерватизм вышестоящих органов (43%), органы образования не всегда поддерживают нововведения в школах (17%).

Большинство респондентов (68%) считают наиболее приемлемой организацию в крупных населённых пунктах школ III ступени обучения и школ-комплексов I и II ступени на селе. По их мнению, единое образовательное пространство на селе, куда ребёнок попадает с момента своего рождения, имеет большое будущее. Резервом, который даст новое качество образованию на селе, является объединение усилий всех учреждений села (клубы, дома культуры, библиотеки и др.), финансовая и кадровая самостоятельность школ и др.

Важную роль играют социально-демографические характеристики сельских педагогов. Среди опрошенных 89% – женщины, 11% – мужчины. Из них 52% составляют педагоги в возрасте до 35 лет, коренными жителями этого региона являются 72% опрошенных. В целом коллективы считают, что в большинстве крупных сельских школ есть условия для создания школ-комплексов, однако для этого отсутствует нормативно-правовая база. Большинство созданных школ-комплексов держатся на инициативе их руководства, благодаря поддержке районных органов образования.

Изменить ситуацию с проектированием образовательного процесса в сельской школе возможно только путем создания и поддержки инновационных школ, организации дистанционного образования и самообразования педагогов, создания региональных информационных центров, странички в Интернете и др.

Необходимость создания региональных образовательных комплексов очевидна. В связи с демографическими и экономическими переменами сельской школе даже при наличии солидной учебной базы не обеспечить самодостаточности образовательного процесса. В районных городах, городских посёлках следует выделять школы III ступени, на селе школы I и II ступени (как правило, комплексы школа-сад).

Очень важным становится изменение стиля мышления и психологии управленческих кадров, наличие программного управления образовательным процессом. Замысел программного управления в сельской школе-комплексе (СШК) состоит в том, чтобы подходить к планированию будущего как к разработке целостной системы действий с четко определенными, понятными для всех результатами, сбалансированными по ресурсному обеспечению. Наличие программы дает руководителю уверенность в том, что он знает, какой конечный результат должен быть получен

к определенному моменту, кто, когда и какие действия для этого должен совершить и что этих действий будет достаточно для достижения желаемого результата. Другое важное достоинство программы состоит в том, что она позволяет своевременно выявлять и предупреждать возможные «пожары», а не тушить их, когда они уже разгорелись [4].

Анализ показывает, что существует три основных стратегии развития школ. Первая стратегия, которую мы назовем стратегией локальных изменений, предусматривает параллельное улучшение, рационализацию, обновление деятельности каких-то отдельных участков жизни школы. Вторая стратегия, названная нами стратегией модульных изменений, предполагает осуществление нескольких комплексных нововведений, которые, однако, не связываются между собой, хотя внутри модуля могут предполагать необходимость координации действий многих исполнителей. Третья стратегия – стратегия системных изменений – предполагает полную реконструкцию школы как образовательного учреждения, затрагивающую все компоненты деятельности (цели, содержание, организацию, технологии и т. д.), все структуры, связи, звенья, участки. Рациональность выбора стратегии развития зависит от многих условий: существующего уровня развития школы, уровня подготовленности педагогических кадров, финансовых и других возможностей школы и т. д. [5]. Если школа уже имеет высокий уровень развития, то кардинальных изменений в ней может не требоваться и вполне достаточно будет осуществить какие-то частные улучшения. Но при грамотном планировании выбор и реализация локальных и модульных изменений все равно должны вестись с точки зрения их возможного эффекта, способствующего улучшению результатов работы школы в целом. Использование технологии программного управления позволяет не только выбрать адекватную имеющимся возможностям стратегию развития, но и увязать различные изменения, чтобы получить максимальный для этих возможностей результат в обучении и воспитании учащихся. Чтобы отвечать своему назначению, целевая программа должна обладать определенными качествами. Мы выделяем семь таких качеств: актуальность, прогностичность, рациональность, реалистичность, целостность, контролируемость, чувствительность к сбоям. Планирование будущего школы представляет собой поиск ответов на основные вопросы: Что представляет собой сегодня школа? Каковы ее сильные и слабые стороны? Какой мы хотим видеть школу в будущем? Какие возможности существуют для реализации цели и что нам может мешать? Какие действия и в какой последовательности мы должны совершить, чтобы достичь цели? Технологии поиска ответов на эти вопросы могут быть различными. В конечном итоге важно, позволяет ли данная технология получить программу, способную стать более эффективным средством управления, чем традиционные планы [6].

В процессе разработки программы развития школы мы выделяем шесть стадий: 1) проблемный анализ состояния школы; 2) формирование концепции будущего школы; 3) разработка стратегии, основных направлений и задач перехода к новой школе; 4) формирование целей первого этапа построения новой школы; 5) формирование плана действий; 6) экспертиза программы.

Основными условиями для планирования развития СШК являются: широкое распространение и принятие в коллективе ценностей развития, убежденность в его необходимости и возможности; наличие обоснованных и согласованных ценностей и целей развития школы; соответствие провозглашенных «официальных» ценностей (или школьной философии) реальным, неформальным ценностям, бытующим в коллективе (или школьной культуре); наличие согласованных представлений о приоритетных проблемах школы и стратегии их решения; готовность педагогов и учащихся к осуществлению инновационной деятельности (мотивационно-психологическая, интеллектуальная, информационная, технологическая и др.); скоординированность усилий отдельных инноваторов и групп, а также общая направленность отдельных идей инновационных проектов; создание в школе благоприятной инновационной обстановки; стимулирование участия в инновационной деятельности; наличие обратной связи, информирование участников работы о достигаемых результатах и их оценке; наличие целевой программы развития школы.

Если деятельность реально приближает к созданию подобных условий эффективного развития школы, она может быть признана результативной, и именно этот подход может быть положен в основу определения целей планирования развития СШК.

При определении целей деятельности следует помнить, что в типовом положении об общеобразовательном учреждении указано: содержание общего образования в конкретном учреждении определяется программами, разрабатываемыми, принимаемыми и реализуемыми общеобразовательным учреждением самостоятельно на основе государственных общеобразовательных стандартов.

Образовательная программа сельских учебных заведений должна определять: цели и приоритетные направления образования в конкретной сельской школе; конкретные задачи на определенном этапе деятельности школы; набор обязательных учебных программ, соответствующих республиканским стандартам и целям развития региона; перечень учебных программ, составляющих вариативную часть целостной образовательной программы; набор программ внеклассной и внешкольной деятельности (дополнительного образования), взаимосвязанных с обязательными инвариантными учебными программами. В основу проектирования структуры образовательной программы положен принцип модульности [7].

Организация инновационной деятельности СШК невозможна без базы развития, создание которой требует долгосрочного планирования и больших средств. Например, Залесская СШК Сморгонского района вынуждена была перейти на создание своей бухгалтерии, выйти из состава бухгалтерии РОО и перейти на прямое подчинение райфинотделу. Всё это позволило создать: библиотеку, книжный фонд которой насчитывает более 50 тысяч экземпляров; читальный зал на 30 мест; альтернативные учебники; компьютерную базу данных; множительную технику; современную материальную базу: кабинет информатики с новейшим программным обеспечением, изучением информатики со второго класса; современной мебелью; условия для досуга по запросам учащихся: театральную комнату, комнаты индивидуальной музыки с аудиовидеотехникой, разнообразными музыкальными инструментами, пресс-центр, клубы по интересам, театр-студию «Батлейка», театр школьных миниатюр «Театральный подмосток», ансамбли (танцевальный, вокальный и др.), хор учителей; питание в собственной столовой.

СШК располагает блоком дополнительного образования. Основу системы дополнительного образования составляют: спецкурсы – 12, факультативы – 9, творческие коллективы и кружки – 36, спортивные секции – 8, кабинеты-лаборатории – 12, группы индивидуальной музыки – 6, экологический центр – 1. Ансамбль «Батлейка» – лауреат и дипломант районного, областного, республиканского и международного конкурсов.

Детский сад: это обучение по программам «Пролеска» и технологии М. Монтессори; логопедическое и психологическое сопровождение; школа будущего первоклассника; это собственный бассейн; это детский театр «Бусянка»; занятие с психологом по программе интеллектуального развития. Начальная школа: обучение по программам развивающего обучения; психолого-логопедические консультации; методика оздоровления на уроках и во внеурочной деятельности; уроки творчества; уроки развития; уроки валеологии и экологии. Среднее и старшее звено: обучение по личностно-ориентированным программам; интегрированные курсы; изучение второго иностранного языка; возможность обучения в психологическом и экологическом классах; исследовательская работа; выбор спецкурсов по подготовке к поступлению в вуз; сотрудничество с вузами; программа «Шаг в будущее»; креативная лаборатория; возможность реализации своего потенциала.

В СШК работают киностудия, пресс-центр. Два раза в месяц выходит программа «Вести». Школьные журналисты активно участвуют в создании детской радиопередачи и образовательной программы. В школьном пресс-центре молодые журналисты готовят номера своих стенгазет.

СШК сотрудничает с родителями, общественными организациями, центрами культуры и центрами организации досуга микрорайона. Дни открытых дверей стали традицией для педагогического и родительского коллективов. Родители – наши союзники, помощники и единомышленники. Все проблемы образования и развития педагогический коллектив решает совместно с родителями и учащимися на больших советах, родительских комитетах, родительских президиумах, отцовских конференциях.

Выводы

Существует три основных стратегии развития школ. Первая стратегия – стратегия локальных изменений (улучшение, рационализация, обновление деятельности отдельных участков жизни школы). Вторая стратегия модульных изменений (осуществление нескольких комплексных нововведений). Третья стратегия системных изменений (полная реконструкция школы на основе научно-практического подхода). Рациональность выбора стратегии развития зависит от существующего уровня развития школы, уровня подготовленности педагогических кадров, финансовых и других возможностей и т. д.

Использование технологии программного управления позволяет не только выбрать адекватную имеющимся возможностям стратегию развития, но и увязать различные изменения, чтобы получить максимальный результат в обучении и воспитании учащихся. Программа должна обладать определенными качествами: актуальностью, научностью, прогностичностью, рациональностью, реалистичностью, целостностью, контролируемостью, чувствительностью к сбоям.

В процессе разработки программы развития школы мы выделяем шесть стадий: 1) проблемный анализ состояния школы; 2) формирование концепции будущего школы; 3) разработка стратегии, основных направлений и задач перехода к новой школе; 4) формирование целей первого этапа построения новой школы; 5) формирование плана действий; 6) научная экспертиза программы.

Условиями планирования развития школы являются: широкое распространение и принятие в коллективе ценностей развития, убежденность в его необходимости и возможности; наличие обоснованных и согласованных ценностей и целей развития школы; соответствие провозглашенных «официальных» ценностей (или школьной философии) реальным, неформальным ценностям, бытующим в коллективе (или школьной культуре); наличие согласованных представлений о приоритетных проблемах школы и стратегии их решения; готовность педагогов и учащихся к осуществлению инновационной деятельности (мотивационно-психологическая, интеллектуальная, информационная, технологическая и др.); скоординированность усилий отдельных инноваторов и групп, а также общая направленность отдельных идей инновационных проектов; создание в школе благоприятной инновационной обстановки; стимулирование участия в инновационной деятельности; наличие обратной связи, информирование участников работы о достигаемых результатах и их оценке; наличие целевой программы развития школы.

При определении целей деятельности следует опираться на типовое положение об общеобразовательном учреждении, в котором содержание общего образования в конкретном учреждении определяется программами, разрабатываемыми, принимаемыми и реализуемыми школой самостоятельно на основе государственных общеобразовательных стандартов.

Літэратура

1. Государственная программа возрождения и развития села на 2005–2010 годы : утв. Указом Президента РБ 25.03.2005 г., № 150. – Минск, 2005. – 86 с.
2. Рябцев, П. А. Опыт совместной работы школы продленного дня и базового предприятия по воспитанию гармонически развитой личности / П. А. Рябцев. – Гомель : ГОСПО БССР ; ГГОИУУ, 1987. – 56 с.
3. Совершенствование внутришкольного управления : метод. рекомендации / разраб.: Л. Д. Лесов, Т. В. Сеглина. – Гомель : ГОСПО БССР ; ГГОИУУ. – 48 с.
4. Анисимов, О. С. Основы общей и управленческой акмеологии / О. С. Анисимов, А. А. Деркач. – М. ; Новгород, 1995. – 272 с.
5. Селевко, Г. К. Педагогические технологии авторских школ / Г. К. Селевко. – М. : НИИ школьных технологий, 2005. – 265 с.
6. Управление развитием школы : пособие для руководителей образовательных учреждений / под ред. М. М. Поташника и В. С. Лазарева. – М. : Новая школа, 1995. – 464 с.
7. Левко, А. И. Теоретико-методологические проблемы образования: социо-культурный анализ / А. И. Левко. – Минск : Бестпринт, 2003. – 340 с.

Summary

The article reflects the experience which deals with the problems of administration development in a country school.

The author sets the conception which shows how to plan the development of a country combined-school within the period of agricultural reformation in the Republic of Belarus.

The article is for those who wants to master the developmental administration skills in a country school within the period of agricultural reformation in the Republic of Belarus.

Поступила в редакцию 31.01.08.

УДК 378.14.147(043.3)

Т. Н. Чечко

СПОСОБЫ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА НАЧАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ-ФИЛОЛОГОВ НА ОСНОВЕ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА

В статье раскрыты сущность ключевых академических компетенций начинающих студентов-филологов, состав и механизмы их формирования в процессе начальной литературоведческой подготовки. Представлены основные этапы экспериментальной работы, методы диагностики и контроля, дана сравнительная характеристика результатов педагогического эксперимента.

Введение

Исходный блок литературоведческих предметов в составе «Устного народного творчества», «Истории древнерусской литературы», «Введения в литературоведение» и – периодически – «Выразительного чтения» уже многие годы включается в учебные планы первого курса. Однако известно, что этот курс – один из наиболее напряженных и чувствительных периодов студенческой жизни (В. А. Сластенин, Н. Г. Кользаева, Д. А. Андреева, Л. Ф. Мирзаянова и др.). Большинство первокурсников испытывают большие трудности, связанные с отсутствием у них необходимых навыков и умений учиться в вузе, работать на лекциях, готовиться к практическим занятиям, вследствие чего они плохо учатся. Энтузиазм, связанный с поступлением в вуз, постепенно сменяется инертностью, пассивностью, разочарованием [1]–[4].

На сегодняшний день традиционные методики начальной литературоведческой подготовки студентов-филологов не имеют необходимой четкости в стратегии и тактике формирования ключевых академических компетенций (нас в данном случае интересует именно этот аспект заявленной темы) как на уровне моделирования содержания литературоведческих дисциплин, так и на уровне реализации этого содержания. Создание специальных педагогических условий для того, чтобы будущие учителя литературы своевременно научились учиться, в данном случае – овладели приемами, мыслительными операциями, необходимыми для приобщения к искусству слова и наукам, его изучающим, является залогом устойчивого учебно-профессионального роста начинающих специалистов этого профиля.

Результаты исследования и их обсуждение

Совершенствование начальной литературоведческой подготовки студентов-филологов посредством формирования у них ключевых академических компетенций не происходит само собой, спонтанно. Для этого нужна специально организованная деятельность, ориентирами которой служат в конечном счете цели и задачи литературно-преподавательской деятельности в школе. Ими определяется и конкретный структурный *состав* этих компетенций [5, 42–46].

Во-первых, это *историко-функциональная компетенция* (ИФК), связанная с общенаучным методом познания, основанном на принципе историзма, исторического подхода к явлениям и процессам окружающего мира. Будущий учитель литературы должен научиться выявлять в фольклорном или литературном произведении его «болевые точки» (т. е. самое главное и значительное в них с точки зрения современности и современного школьника), избегать при анализах, разборах художественного текста излишнего академизма, избыточного соотношения «всего со всем».

Во-вторых, это *метасистемная (или межпредметная) компетенция* (МСК или МПК), связанная с системным методом научного познания мира, развитием у студентов умения устанавливать необходимые связи между различными предметными областями как внутрициклового (история и теория литературы), так и межциклового характера (искусство слова и смежные виды художественно-творческой деятельности и т. д.).

В-третьих, *это коммуникативно-деятельностная компетенция* (КДК), проявляющаяся в культуре устной и письменной речи студентов, умении создавать те или иные «речевые продукты» (в виде устного сообщения, реферата или сочинения).

В основном педагогическом эксперименте, который проводился на базе филологического факультета МГПУ имени И.П. Шамякина, принимали участие студенты-первокурсники трех потоков общим числом более 300 человек. Предварительная информация о характере подготовленности вчерашних школьников к изучению дисциплин литературоведческого цикла была получена на основе диагностики студентов *нулевого* потока (январь-июнь 2003 г.). Опытная модель обучения апробировалась со студентами *первого* и *второго* потоков (сентябрь 2003 – июль 2005 г.) в процессе изучения таких дисциплин, как «Русское устное народное творчество» и «История древнерусской литературы» (осваиваемых в первом и втором семестрах 1 курса соответственно). Две группы (ЭГ) каждого из этих потоков принимали участие в констатирующем, формирующем и контрольном экспериментах (специальность «русский язык и литература, история»; «русский язык и литература; мировая и отечественная культура»). А две группы (КГ) только в первом и последнем (специальность «белорусский язык и литература; русский язык и литература»).

Восполнить целостность начальной литературоведческой подготовки мы стремились путем одновременного, параллельного формирования у первокурсников *корпуса знаний* по русскому фольклору и древнерусской литературе (материальное образование) и развития *системы необходимых умений и навыков учебного труда* (формальное образование). Соответственно при оценке результатов обучения учитывались, с одной стороны, *количественные параметры* специальной подготовки (полнота овладения фактологическими знаниями как исходной основой всего литературного образования, уровень начитанности, объем читательской памяти и др.). А с другой – *качественные* (полнота овладения содержанием и объемом опорных литературоведческих понятий, способность применять эти понятия на практике, степень овладения соответствующими умственными операциями, самостоятельность и глубина читательских суждений и оценок; свобода высказывания студента, его речевая культура).

В комплекс *методов диагностики и контроля* входили: опрос, тестирование, проверка ведения конспектов лекций и читательских дневников, проведение коллоквиумов, учебно-творческие работы (рефераты, альбомы, сочинение-эссе и др.). Результаты обучения фиксировались в портфолио индивидуальных образовательных достижений первокурсника.

В основу измерения уровней подготовленности вчерашних школьников к изучению дисциплин литературоведческого цикла была положена трехуровневая *шкала оценок*.

Уровень успеваемости оценивался как *низкий* (4–5 баллов, «тройка»), если в знаниях студента-первокурсника обнаруживались существенные пробелы (программный материал осваивался менее чем на 40%); они носили фрагментарный, отрывочный характер; анализ текста в основном сводился к пересказу фабулы, назывались лишь некоторые признаки опорных теоретико-литературных понятий; отсутствовали параллели между искусством слова и смежными видами художественно-творческой деятельности; допускались речевые ошибки, использовалось много графатетных, односложных фраз.

Уровень успеваемости оценивался как *средний* (7–8 баллов, «четверка»), если программный материал осваивался от 40 до 70%; студент не только называл основные признаки опорных теоретико-литературных понятий, но и демонстрировал достаточно уверенное их применение в конкретном анализе; однако знания при этом не всегда связывались в целостные представления; привлекал в необходимых случаях материал смежных видов искусства; обладал неплохой техникой устной речи, не делал грубых речевых ошибок, но не всегда умел обходиться без оценок-штампов.

И, наконец, уровень успеваемости оценивался как *высокий* (9–10 баллов, «пятерка»), если программный материал осваивался на 70% и выше; при этом студент не только полно отвечал на поставленные вопросы, но и проявлял достаточную самостоятельность в выводах и рассуждениях; демонстрировал целостное – в единстве содержания и формы – восприятие и понимание художественно-эстетических явлений; давал полное определение теоретико-литературных понятий, мог установить связи между литературой и смежными видами искусства,

указывать на те или иные их сходства и отличия; не только не прибегал к стандартным формулировкам, но обладал выразительной, образной речью, окрашенной собственным отношением к излагаемому.

Предварительная диагностика показала, что при удовлетворительном, в целом, освоении (в соответствии с учебным планом первого курса) необходимых специально-предметных знаний

- большинство первокурсников демонстрирует неумение концентрировать внимание на лично значимых, педагогически ценных аспектах осваиваемых произведений; существенные трудности вызывает выделение главного в анализируемом художественном или научно-критическом тексте; студенты могут воспроизвести те или иные признаки теоретико-литературных понятий, но зачастую не используют их в качестве рабочих методологических инструментов в процессе проводимого анализа; их суждения о художественном произведении ограничиваются его общей идейно-тематической характеристикой (вне его жанрово-стилевой специфики), часто имеют внеэстетический характер; им оказывается легче пересказать сюжет произведения, чем высказать свои мысли по поводу прочитанного, сделать какие-либо обобщения;

- лишь немногие из опрошенных демонстрируют способность устанавливать не только внутренние, но и внешние связи изучаемого курса; сильна тенденция рассматривать художественные факты, явления в их обособленности, вне связи и развития; такие теоретико-литературные понятия, как стиль, жанр, композиция и др., у большей части студентов не связываются со смежными видами искусства;

- немалые трудности испытывают первокурсники в организации собственной речи – как устной, так и письменной; ей зачастую бывает свойственна категориально-лексическая бедность (превалируют односложные оценки, например, «очень понравилось», или отзывы в 8–13 слов); студенты боятся оторваться от заготовленного текста, часто нарушают произносительные нормы, читают монотонно, не учитывают взаимосвязи интонации и содержания текста; у них недостаточно сформированы умения работы с научно-критической информацией, как на уровне её поиска в библиотеках или Интернете; так и при её фиксации в конспектах, переработке книжно-письменного текста в текст устного сообщения.

С целью устранения этих изъянов в ходе экспериментальных занятий у студентов ЭГ, во-первых, *формировалась убежденность в практической значимости ключевых академических компетенций* для успешного обучения в вузе и последипломного совершенствования в своей профессии. Мы исходили из того, что на этапе ранней профессионализации важно, чтобы вчерашние школьники имели адекватные представления о содержании и специфике предстоящей им трудовой деятельности и в связи с этим о задачах осваиваемой ими литературоведческой подготовки. Чем отличается преподавание литературы от других дисциплин? Развитию каких личностных качеств, умений, способностей служат литературоведческие дисциплины? Какими учебными умениями следует обладать, чтобы успешно их освоить? Давая ориентировку по этим вопросам на первых учебных занятиях, кураторских часах и т. д., мы тем самым помогали сформировать у начинающих студентов позитивное, заинтересованное отношение как к искусству устного и письменного слова, так и к самим учебным занятиям.

Во-вторых, применялось специальное, адекватное системному подходу *структурирование учебного материала на основе фундаментальных понятий и приемов познавательной деятельности.*

Так, при изучении русского фольклора внимание акцентировалось на таких интегративных, базовых для этого курса понятиях, как народная этика и эстетика (и связанных с ним понятиях «мифопоэтическое сознание», «фольклорный историзм», «жанрово-стилевая система фольклора»). Эти понятия позволяли приобщить студентов к глубинным основам народной этики, помогли лучше осознать специфику устного народного творчества как вида искусства, овладеть надежными, проверенными временем духовно-нравственными критериями решения как житейских, так и учебно-профессиональных проблем. При изучении древнерусской литературы широко использовались такие интегративные понятия, как «стиль эпохи», «прогрессивные линии развития русской литературы» и «принципы (типы) художественного обобщения». Освоение этих понятий содействовало приобщению студентов к историзму, пониманию того, что каждый писатель является сыном своего времени, подчиняется его закономерностям.

В процессе обучения осуществлялась переориентировка с обезличенных знаний на знания лично значимые. К примеру, мы старались не идти по пути равномерного распределения учебного времени на всю совокупность осваиваемых фольклорных жанров (по принципу «каждой сестре по серьге»), а уделять особое внимание наиболее актуальным из них (лирическая песня, сказка, поговорка и др.). Они, как правило, включаются и в школьную программу по литературе.

С целью избежать самоцельной громоздкости анализов и подчинить их синтезу внимание первокурсников акцентировать на узловых явлениях и проблемах искусства устного и книжно-письменного слова, устанавливались необходимые внутрпредметные и межпредметные связи. Каждый элемент курса связывался с его основной, ведущей идеей, концепцией.

В-третьих, использовалась *компактно-блоковая* (соответствующая укрупнению дидактических единиц) организация учебных занятий. Это позволяло связать в единую динамическую систему приобретение, применение и контроль осваиваемых знаний и видов деятельности, причем контроль, осуществляемый не только в конце семестра, но небольшими порциями по завершении каждого учебного блока, цикла занятий.

В результате соблюдения этих условий:

- в ЭГ увеличилось число студентов с *высоким* уровнем сформированности ключевых академических компетенций. По ИФК – 34,78% против 21,27%; по МПК – 30,43% против 6,38%; по КДК – 41,30% против 19,14%);
- произошло увеличение числа студентов, обладающих *средним* уровнем сформированности ключевых академических компетенций. По ИФК – 50,22% против 38,30%; по МПК – 50,57% против 40,43%; по КДК – 47,83% против 40,43%;
- сократилось число студентов с *низким* уровнем сформированности компетенций. По ИФК – 15,00% против 40,43%; по МПК – 19,00% против 53,19%; по КДК – 10,87% против 40,43%. (см. таблицу).

Таблица – Уровни сформированности ключевых академических компетенций в ЭГ до и после эксперимента, в %

Уровни Потоки	До эксперимента					
	1 п.	2 п.	1 п.	2 п.	1 п.	2 п.
Высокий	21,27	19,32	6,38	7,63	19,14	18,21
Средний	38,30	38,23	40,43	41,09	40,43	42,56
Низкий	40,43	42,45	53,19	51,28	40,43	39,23
	После эксперимента					
	1 п.	2 п.	1 п.	2 п.	1 п.	2 п.
Высокий	34,78	38,39	30,43	31,21	41,30	43,8
Средний	50,22	48,36	50,57	52,45	47,83	47,58
Низкий	15,00	13,25	19,00	16,34	10,87	8,62
Виды ключевых академических компетенций	ИФК		МПК		КДК	

Ответы студентов ЭГ на практических занятиях, коллоквиумах, устном экзамене, во время проведения индивидуальных бесед и т. д., а также их письменные работы стали отличаться большей содержательностью, полнотой и аргументированностью. При анализе художественных текстов (фольклорных и литературных) участники эксперимента проявляли больше умения выделять главное, «мыслить веками», не только воспринимать произведения средневековых авторов как достояние истории, но и ощущать близость их идей и образов нашим дням. У них окрепли умения обрабатывать полученную информацию, обобщать знания как на внутрпредметном, так и на межпредметном уровнях, используя при этом научную терминологию и параллели между словом и изображением.

У студентов ЭГ по сравнению с КГ оказался более выраженным и «материальный эффект» обучения, качество знаний. Они стали лучше понимать место и значение устного

народного творчества и древнерусской литературы в истории русской литературы в целом, представлять главное направление её художественно-эстетического развития – от идеализации к типизации (от эпохи традиционализма, господства нормативной поэтики к поэтике индивидуальных стилей, с приоритетом оригинальности, своеобразия данного автора).

Что касается студентов КГ, то уровень сформированности у них ключевых академических компетенций после окончания эксперимента по сравнению с их коллегами из КГ оказался ниже на 10–20%: на *высоком* уровне по ИФК – 34,78% против 23,53%; по МПК – 30,43% против 11,76%; по КДК – 41,30% против 23,57%; на *среднем* по ИФК – 50,22% против 43,14%; (по МПК) – 50,57% против 43,14%; по КДК – 47,83% против 45,01%; на *низком* по ИФК – 15,00% против 33,33%; по МПК – 19,00% против 45,10%; по КДК – 10,87% против 32,42%.

Соответственно и знания у студентов КГ по «Устному народному творчеству» и «Истории древнерусской литературы» оказались более отрывочными, разрозненными, а характеристики художественных произведений более односложными и менее выразительными, чем у студентов ЭГ. Эти знания зачастую не связывались в целостные представления на уровне как отдельных жанров, так и историко-литературных эпох. Практически отсутствовали «выходы» в смежные виды искусства.

Выводы

Итак, одна из важнейших задач организации начального этапа обучения студентов-филологов педагогического университета (в рамках их литературоведческой подготовки) состоит в том, чтобы создать необходимые психолого-педагогические и учебно-методические условия для своевременного и полноценного формирования ключевых академических компетенций. К наиболее эффективным способам решения этой задачи в процессе изучения первокурсниками таких базовых дисциплин, как «Русское устное народное творчество» и «История древнерусской литературы», относятся: использование в качестве структурообразующих стержней содержания литературоведческой подготовки ключевых (интегративных) понятий; укрупненная, поблочная организация учебного процесса; сочетание словесно-теоретического, наглядно-образного и практически-действенного подходов, обеспечивающих одновременное воздействие на интеллектуальную, эмоциональную и волевую сферы личности; применение как количественных, так и качественных показателей сформированности компетенций и др. Многое здесь зависит от слаженной работы всего преподавательского коллектива факультета в частности, от того, как реализуются на аудиторных и внеаудиторных занятиях со студентами требования к их устной и письменной речи (оценивать не только содержание высказывания, но и его речевое оформление и т. д.).

Литература

1. Мирзаянова, Л. Ф. Упреждающая адаптация студентов к педагогической деятельности (кризисы, способы упреждения и смягчения) / Л. Ф. Мирзаянова; науч. ред. Т. М. Савельева. – Минск: Бел. наука, 2003. – 271 с.
2. Федотова, Е. Е. Проблемы адаптации студентов к профессиональной деятельности в вузе / Е. Е. Федотова // Педагогика. – 2007. – № 5. – С. 71–75.
3. Муравьева, О. С. Модель профессиональной адаптации студентов-первокурсников / О. С. Муравьева // АИВ. – 2006. – № 7. – С. 23–27.
4. Управление качеством образования: теория и практика / под ред. А. И. Жука, Н. Н. Кошель. – 2-е изд. – Минск: Зорны верасень, 2009. – 560 с.
5. Чечко, Т. Н. Ключевые академические компетенции студентов-филологов педагогического университета / Т. Н. Чечко // Выш. шк.: науч.-метод. и публицистич. журнал. – Минск: Изд. центр БГУ, 2009. – № 4. – С. 42–46.

Summary

The article sets the structure, formation mechanisms and essence of key academic competences of junior students-philologists. The basic stages of experimental work, diagnostics and control methods are presented. The comparative characteristic of pedagogical experiment results is given.

Поступила в редакцию 14.01.10.

УДК 378.016 + 355.586

*О. В. Шереметова***ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ
К ВОПРОСАМ ФОРМИРОВАНИЯ КОМПЕТЕНЦИЙ ВЫПУСКНИКА
ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОЙ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

В статье рассматриваются теоретико-методологические основы формирования у студентов культуры безопасности и компетенций безопасной жизнедеятельности в условиях современных рисков, применение с этой целью как традиционных, так и инновационных методов обучения. В результате данного подхода в профессиональную деятельность вступит специалист, имеющий значительный набор компетенций разного уровня и профиля, что ускорит процессы устойчивого развития социально-экономической системы Республики Беларусь.

Введение

Перед системой высшего образования в Республике Беларусь современная социокультурная ситуация, характеризующаяся социальными, экономическими, идеологическими и культурными преобразованиями, ставит задачу подготовки высококвалифицированных специалистов, способных и готовых жить и работать в изменяющемся обществе, принимать нестандартные решения в новых условиях. Для решения этой задачи молодые люди должны овладеть такими способами мышления и деятельности, которые бы породили у них новые знания и приемы их использования в изменяющихся условиях, умели выработать «личностные подходы к науке, культуре, системе ценностей, своему нравственному совершенствованию» [1]. Экономическое образование, экологизация общественного сознания остается важнейшим фактором обеспечения экологической безопасности, формирования условий для перехода Республики Беларусь к устойчивому социально-экономическому развитию.

Результаты исследования и их обсуждение

Оптимизация социально-гуманитарной подготовки выпускников вузов выступает сегодня в качестве одного из важнейших направлений развития высшей школы. Обусловлено это рядом факторов [2].

- Резко возрастает значимость социально-мобильных, коммуникативных и адаптивных качеств личности.
- Проблемой выживания человечества становится тандем: экология среды обитания – экология природы самого человека.
- На фоне укрепляющейся тенденции развития мирового сообщества по формуле культуры мира и демократии, взаимотерпимости и взаимообогащения народов и культур одновременно сохраняется конфликтность на уровне социально-политических, этнонациональных и религиозно-конфессиональных отношений.
- Дискретность, нелинейность развития современного общества, равно как и сопутствующая этому энтропийность человеческих практик, также становятся все более часто повторяющимися явлениями.
- Сохраняющаяся опасность глобальных кризисов, обусловленных негативными последствиями развития техногенной цивилизации, диктует возвышение роли человеческого фактора.
- Для транзитивных обществ переходного типа, к которым относится и белорусский социум, характерны неустоявшиеся тенденции и ориентиры развития. Особенно это касается социальной и духовной сфер жизнедеятельности, социокультурных и ценностно-мировоззренческих ориентаций молодежи.

Все вышеперечисленное предполагает солидный «защитный», компенсаторный запас социально-гуманитарных знаний и умений у будущих специалистов – сегодняшних студентов. В этой связи важное значение приобретает развитие стандартизации социально-гуманитарного образования (СГО), что позволяет регламентировать оптимальный минимум требований к подготовке специалиста в вузе в соответствии с вызовами времени.

Европейское сообщество, поставив своей целью формирование единого образовательного пространства, отразило свои подходы, адекватные вызову времени, в документах Болонского процесса. Во главу угла в разработке нормативных требований в сфере высшего образования европейские государства выдвигают компетентность выпускника высшего учебного заведения. Под этим понимаются интегрированные характеристики качества подготовки специалистов. **Компетентностная модель** предполагает сдвиг от академических норм оценки к внешней оценке профессиональной и социальной подготовленности выпускников.

Компетентностный подход в национальных системах образования Беларуси, России и Украины начинает формироваться еще в конце прошлого века, однако до настоящего времени так и не принято единое определение понятия «компетентность».

Еще в конце прошлого века, в 1996 году, на симпозиуме в Берне (27–30 марта) по программе Совета Европы принято определение пяти ключевых компетенций, которые должны приобрести молодые европейцы. К ним относятся:

1. политические и социальные компетенции;
2. компетенции, связанные с жизнью в многокультурном обществе;
3. компетенции, относящиеся к владению устной и письменной коммуникацией;
4. компетенции, связанные с возрастанием информатизацией общества;
5. способность учиться на протяжении жизни.

На современном этапе развития Республика Беларусь столкнулась с проблемой, известной странам постиндустриального периода развития, – снижение численности населения, выдвинувшее на повестку дня задачу компенсации растущего дисбаланса трудовых ресурсов. Демографическая ситуация в республике не является благополучной – среднегодовая численность населения за 2000–2005 годы сократилась на 229,7 тыс. и составила 9 775,3 тыс. человек [3]. В этих условиях важнейшим конкурентным преимуществом развитых стран остаются ресурсы квалифицированной рабочей силы. Экономическая эффективность знаний, умений и навыков выпускников вузов, адекватная требованиям современной общественной практики высокая квалификация работников станут если не единственными конкурентными факторами в мировой экономике, то, по всей вероятности, решающими для большинства отраслей в развитых странах.

Одним из основных путей решения возникшей проблемы является принятие Программы перехода на дифференцированные сроки подготовки специалистов с высшим образованием в Республике Беларусь на 2005–2010 годы. Программой определена двухступенчатая система высшего образования. На первой ступени ведется подготовка специалистов со сроками обучения от 4 до 6 лет (в зависимости от сложности получаемой специальности и квалификации). Вторая ступень – магистратура, сориентированная на данном этапе на подготовку к поступлению в аспирантуру в целях получения научной квалификации. В соответствии с данной программой в Республиканском институте высшей школы разработан Макет образовательного стандарта высшего образования первой ступени и Образовательный стандарт цикла социально-гуманитарных дисциплин [4].

Одной из отличительных особенностей белорусских стандартов нового поколения является их разработка в компетентностном формате. Ориентированное на компетенции образование формировалось в 70-х годах. Термин «**компетенция**» был введен в научный обиход американским лингвистом Н. Хомским для обозначения способности к выполнению какой-либо деятельности и совокупности знаний, навыков, умений, формируемых в процессе обучения той или иной дисциплине [5].

Обобщая результаты исследований В. И. Байденко, О. Л. Жук, И. А. Зимней, Н. Н. Кошель, А. В. Макарова, В. Д. Шадрикова, А. В. Хруцкого и других, можно заключить, что под компетенцией целесообразно понимать знания и опыт, необходимые для решения теоретических и практических задач, а под компетентностью – способность применять знания и опыт для решения профессиональных, социальных и личностных проблем.

За прошедшее время сложилась научная школа «**компетентностного образования**» российского исследователя, академика РАО И. А. Зимней, где предлагается разграничение трех основных групп компетентностей [6]:

- компетентности, относящиеся к самому человеку как личности, субъекту деятельности, общения;
- компетентности, относящиеся к социальному взаимодействию человека и социальной сферы;
- компетентности, относящиеся к деятельности человека во всех ее типах и формах.

Представленная в работах И. А. Зимней дифференцированная классификация компетенций и компетентностей в настоящее время получила наиболее широкое применение. Предложенная классификация включает в себя целый перечень компетенций (компетенции здоровьесбережения, ценностно-смысловые компетенции и компетенции гражданственности, социального взаимопонимания и др.), в которые безопасность входит составляющей частью. Однако, на наш взгляд, **компетенции безопасности** необходимо выделить отдельным блоком и формировать их начиная с дошкольного обучения ребенка, усиливая с учетом профессиональной направленности в колледжах и вузах, так как статистические данные, по-прежнему свидетельствующие о гибели и ранениях людей в авариях на дорогах, в процессе производства и быту, алкогольной, наркотической и никотиновой зависимости, подтверждают выводы об актуальности формирования у современного человека компетенции безопасности. Речь идет о комплексной подготовке специалиста к предупреждению и преодолению опасных ситуаций, чему способствует мировоззренческая, нравственная, интеллектуальная, психологическая, коммуникативная и физическая готовность. Всего это можно достигнуть только использованием системного процесса воспитания личности.

В соответствии с целями и принципами подготовки по образовательной программе первой ступени выпускник должен приобрести компетенции:

- осмысленного безопасного обращения с продуктами развития естествознания;
- социальной и гражданской ответственности за экологические последствия принимаемых решений и действий и др.

В таких условиях одной из основных задач, стоящих перед системой образования республики, является необходимость подготовки специалистов, обладающих высоким уровнем ответственности, приоритетной целью, внутренней потребностью которых является обеспечение безопасности окружающей среды и человечества в целом. Для этого необходимо новое мировоззрение, система идеалов и ценностей, формирование **компетентного подхода** к жизнедеятельности в целом.

Таким образом, очередная парадигма современности – **безопасность человека в сравнении с другими критериями его жизнедеятельности – имеет первостепенное значение**. Поэтому императив безопасности человека должен стать основой всей человеческой деятельности, всех государственных планов, научных разработок, образовательных программ. Процесс образования убеждений, по нашему мнению, должен рассматриваться как последовательная смена состояний сознания, связанных с особенностями личного отношения обучаемых к усваиваемым знаниям, воспринимаемым вначале как нейтральная информация, а затем как лично-значимая и профессионально-необходимая.

Компетенции не могут формироваться на основе «готовых» знаний, умений и навыков. Освоить действительность учащийся может только путем креативной деятельности. **Компетентность** как интегрированное социально-дидактическое личностное качество развивается на основе самостоятельно приобретаемого опыта решения разнообразных задач и ситуаций. Компетенции наиболее эффективно формируются посредством технологий, способствующих вовлечению студентов в поиск и управление знаниями [7].

Необходимо начинать воспитывать безопасный образ мышления в школе и продолжать на протяжении всего образовательного процесса человека, так как его личная физическая и психологическая готовность к встрече с экстремальной ситуацией зачастую более значима, чем государственные меры.

Известно, что многие беды в нашей республике явились следствием падения социальных нравов населения, особенно молодежи. Появление реальных свобод, в том числе и свободы передвижения, активный процесс заимствования образцов западной культуры и образа жизни в целом сделали общество открытым, к сожалению, и для таких негативных явлений, как насилие, жестокость, распушенность.

В современный период развития общества большую значимость, помимо собственно профессиональной подготовки специалиста, приобретают вопросы, связанные с формированием высокой степени нравственной ответственности личности. Это отражает, прежде всего, возрастание масштабов деятельности специалиста-профессионала, необходимость его широкого гуманитарного кругозора, который позволил бы выходить за рамки своей узкой специализации и наладить деловую коммуникацию как по вертикали, так и по горизонтали. Необходимо формировать культуру безопасности, воспитывать личность безопасного типа.

Именно в этот сложный период необходимы четко сформулированные аспекты **культуры безопасности**. В качестве основных ее характеристик выступает уровень развития творческих сил и способностей человека к профилактике рисков, предупреждению и уменьшению вреда (причиняемого вредными и опасными факторами жизнедеятельности) ему лично, ущерба другим людям и обществу в целом. Иными словами: культура безопасности – составляющая и неотъемлемая часть культуры, она представляет собой системное отношение и взаимодействие человека и общества в целом, определяемое уровнем их специальной подготовленности (овладение знаниями, умениями и навыками, методами и способами морально-психологической подготовки), и осуществление практической деятельности, которая гарантированно обеспечивает организацию безопасной жизни.

Культура безопасной деятельности – это совокупность правил, норм и действий индивида, группы и общества в целом по созданию, поддержанию и корректировке безопасных условий и результатов деятельности [8]. Она выполняет следующие основные функции: защитно-адаптивную, сигнификативную, нормативную, валеологическую.

Культура безопасности – набор характеристик и особенностей деятельности организаций и поведения отдельных лиц, выполнение которых показывает, что проблемам безопасности, как обладающим высшим приоритетом, уделяется должное внимание. Необходимые компоненты культуры безопасности [9]:

- предотвращение самоуспокоенности в процессе нормальной эксплуатации;
- понимание персоналом потенциального значения с точки зрения безопасности всех отклонений от штатного регламента;
- признание приоритета безопасности в принятии решений;
- чувство ответственности конструкторов и проектантов;
- системный подход на всех этапах, непренебрежение мелочами;
- неформальное отношение к опыту.

Формированию у студентов **компетенций безопасности** способствует применение как традиционных, так и инновационных методов обучения. Причем подобная подготовка специалистов экономического профиля может быть проведена как в рамках блока естественнонаучных дисциплин, где рассматриваются общие закономерности опасных явлений, формирование модели здорового образа жизни, устойчивость к стрессам, способность оценить обстановку и умение принять решение, так и в рамках системы образовательных дисциплин, куда разделы по проблемам безопасности могут входить отдельными темами.

Для формирования компетенций безопасности их необходимо структурировать и определить содержание непрерывного многоуровневого образования – от дошкольного воспитания до последиplomного образования.

Решение данных задач частично возможно при изучении в высших учебных заведениях дисциплин «Защита населения и хозяйственных объектов от чрезвычайных ситуаций», «Радиационная безопасность» и «Охрана труда». Данное положение нашло отражение в образовательных стандартах всех специальностей Белорусского торгово-экономического университета потребительской кооперации.

Решить данную задачу также может помочь введение спецкурсов (например, «Рискология» или «Управление рисками»), где будут рассматриваться вопросы классификации рисков, философии рисков, прогнозирования и управления рисками.

Результатом изучения подобных курсов является четко выработанная поведенческая модель в ситуации риска, умение принимать решения и брать ответственность. В ходе проведения занятий, тренировок, учений приобретаются навыки в соблюдении правил поведения и действий в экстремальной обстановке, вырабатываются морально-психологические качества, такие как уверенность в своих действиях, готовность выстоять в сложной и напряжённой обстановке, организованность, дисциплинированность, психологическая стойкость.

Основной упор по образованию в этой области необходимо делать на систему высшего образования, так как она готовит специалистов высокой квалификации, которые впоследствии становятся руководящими работниками, на которых возлагается ответственность за жизнь и здоровье людей. Выпускники вузов должны получать глубокие теоретические знания и практические навыки, необходимые для выполнения профессиональных обязанностей и гражданского долга как по профилактике, так и в условиях возможных чрезвычайных ситуаций. Формы и методы обучения призваны обеспечить глубокое усвоение знаний, выработать необходимые навыки и умения действовать в реально складывающейся обстановке.

Основным направлением в развитии образования в области безопасности жизнедеятельности является применение инновационных технологий. Не исключая традиционные формы обучения, требуется шире внедрять технологии преподавания дисциплин с использованием обучающих компьютерных программ, презентаций, программ по самообучению и тестовому контролю знаний. Более широкого внедрения требуют интерактивные учебные пособия, пособия на электронных носителях для заочной и дистанционной форм обучения. Активизация участия студентов в профильных международных и научно-практических конференциях существенно расширит их кругозор и сформирует более ответственное отношение к проблеме безопасности общества и человечества в целом.

Выводы

Теоретико-методологический подход к вопросам формирования компетенций выпускника по обеспечению безопасной жизнедеятельности предполагает:

- 1) рассмотрение данных компетенций как сложной открытой синергетической системы;
- 2) анализ процесса функционирования данной системы с позиций ее устойчивости и мобильности;
- 3) выявление таких точек на траектории движения системы, в которых возможен процесс как дальнейшего ее развития, так и изменения в регрессирующем плане;
- 4) воспитание личности с набором компетенций безопасности – это воспитание нового поколения, способного к более продуктивной и целеустремленной деятельности по сохранению своего духовного и физического здоровья, природы, активно поддерживающего безопасность общественного и личного бытия и развития;

Ожидаемые результаты – это выход в профессиональную деятельность специалиста, имеющего значительный набор компетенций, в том числе и компетенции безопасности, что ускорит процессы устойчивого развития социально-экономической системы Республики Беларусь.

Литература

1. Латыш, Н. И. Образование на рубеже веков / Н. И. Латыш. – 2-е изд., доп. – Минск : НИО, 2000. – 215 с.
2. Макаров, А. В. Проектирование стандартов высшего образования нового поколения по циклу социально-гуманитарных дисциплин / А. В. Макаров. – Минск : РИВШ, 2005. – 82 с.
3. Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2006–2010 годы. – Минск, 2006. – С. 38.
4. Макаров, А. В. Проектирование стандартов высшего образования нового поколения: компетентностный подход / А. В. Макаров // Выш. шк. – 2006. – № 5. – С. 13–20.
5. Прокопина, Ж. В. Компетентностный подход в иноязычном образовании / Ж. В. Прокопина // Выш. шк. – 2007. – № 2. – С. 52–56.
6. Зимняя, И. А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования / И. А. Зимняя // Высшее образование сегодня. – 2003. – № 5. – С. 41–42.
7. Жук, О. Л. Компетентностный подход в стандартах высшего образования по циклу социально-гуманитарных дисциплин / О. Л. Жук // Выш. шк. – 2006. – № 5. – С. 21–25.
8. Безопасность деятельности : энцикл. словарь / под ред. О. Н. Русака. – СПб. : Инф. изд. агентство «Лик», 2003. – 324 с.
9. Маньков, В. Д. Безопасность общества и человека в современном мире : учеб. пособие / В. Д. Маньков. – СПб. : Политехника, 2005. – 551 с.

Summary

In this article the author considers the ways on how to form students' culture of safety and competence of safe life activity under conditions of modern risks, applying for this purpose both traditional and innovative methods of training. As a result of the given approach, a graduate will come into professional activity as a specialist who has a significant package of competences of different levels which benefits to accelerating processes of sustainable development of social and economic system of the Republic of Belarus.

Поступила в редакцию 01.12.09.

Г. М. Юстинская

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ УЧАЩИХСЯ

В статье всесторонне анализируются теоретические основы формирования читательской культуры учащихся общеобразовательных учреждений. Автором определены структура читательской культуры учащихся, основные компоненты читательской культуры, методические условия ее формирования, а также стимуляторы читательской деятельности. Отражены результаты исследования проблемы формирования и развития читательской деятельности как вида духовно-эстетической деятельности. Автор статьи обосновывает и раскрывает сущность проблемы углубления читательского восприятия учащихся, определяет этапы восприятия и показатели уровней читательского восприятия литературно-художественных произведений.

Введение

Воспитание читательской культуры можно без преувеличения назвать значимой частью литературного развития. Осознание особой роли уроков литературы в становлении юных читателей ведет к пониманию необходимости формирования у учащихся стимулов приобретения литературных знаний и способов деятельности, к потребности в корректировке их нравственного поведения.

«Цель искусства – эстетически осмыслить действительность, утвердить меру, закон красоты, вызвать у человека эстетическое чувство» [1, 12]. «Силой переживания» создаваемой «художественной реальности» искусство приобщает людей «к культуре своего времени и своего народа, а через нее к основному, инвариантному содержанию культуры человечества» [2, 13]. Произведение искусства слова обладает самыми разнообразными возможностями нравственного, эстетического воздействия на личность учащегося, но эти возможности не до конца используются в практике.

Влияние искусства на человека не может быть заменено ничем другим, так как оно обладает только ему присущими свойствами. Цель, предмет, средства изображения тесно связаны между собой. В. Г. Маранцман отмечал: «Попытка заменить в преподавании гуманитарных предметов эмоциональное и эстетическое влияние прямой нравственной проповедью наивна. Догма управляет поведением иначе, чем внутренний импульс. Искусство гуманно по своей природе, оно помогает человеку преодолеть конфликт между должным и сущим, сделать высокое желанным» [3, 37].

Культура чтения и ее составляющие рассматривались в работах литературоведов, педагогов, психологов, методистов: Л. Г. Жабицкой, В. Г. Маранцмана, И. С. Збарского, Н. Д. Молдавской, Н. Я. Мещеряковой, Л. Я. Гришиной, Е. В. Карсоловой, О. И. Царевой, Л. И. Шевцовой, М. П. Воюшиной, Е. П. Суворовой и др. [1], [3–10].

И ученые, и учителя-словесники утвердились во мнении об острой необходимости формирования, развития и совершенствования читательской культуры учащихся, их читательских качеств: активности и точности эмоциональной реакции, глубины осмысления художественного текста, конкретизации литературного образа в читательском воображении, способности эстетически оценивать форму произведения, видеть за художественным миром его автора.

Но если литературное развитие учащихся происходит в процессе всей учебной деятельности, то формирование культуры чтения осуществляется в процессе читательской деятельности. Поэтому перед методистами и учителями встает практическая задача: предложить учащимся такие виды деятельности, которые обеспечат овладение качествами субъекта познавательной деятельности в целом, знаниями и умениями по литературе в частности, а также будут способствовать формированию не только читательской, но и общей культуры учащихся.

Результаты исследования и их обсуждение

Основой формирования читательской культуры учащихся являются воспитательно ориентированная *теория читательского развития учащихся И. С. Збарского* [5] и педагогически адаптированная *теория литературного развития Е. В. Карсоловой* [8]. Однако разработанные этими учеными-методистами принципы и критерии читательского развития учащихся требуют конкретизации основных позиций формирования культуры чтения как в теории, так и на практике. В связи с этим глубоко продуктивно обращение к научно-методическим теориям, ставшим **частными**

основаниями формирования читательской культуры учащихся: теории о видовом разнообразии читательской деятельности М. С. Кагана [2] и Е. П. Суворовой [1]; теории развития читательского восприятия Н. Я. Мещеряковой [7] и Л. Г. Жабицкой [4]. С точки зрения разрабатываемой проблематики, особый интерес представляют научные подходы к процессу восприятия и понимания произведения, а также к организации читательской деятельности ученых А. Н. Андреева, О. И. Царевой, В. Г. Маранцмана, Н. Д. Молдавской, Т. Г. Браже [3], [6], [9], [11–12].

Итак, развитие и становление учащегося-читателя как субъекта познавательной деятельности происходит в процессе обучения и учения, это результат как целенаправленного педагогического воздействия, так и собственной читательской деятельности учащегося.

Процесс формирования читательской культуры предполагает развитие активности читателей-учащихся, которая ориентирована на усвоение и применение предметных знаний, овладение новыми формами их приобретения, а также на организацию и выполнение читательской деятельности. Отсюда следует вывод о том, что **ведущей целевой и структурной основой формирования читательской культуры учащихся** является их развитие в ходе специально организованной читательской деятельности (ее видового разнообразия), принципиальное значение для которой имеет качество деятельности по восприятию и пониманию произведения. В связи с этим целесообразно 1) **выявить содержание и основные компоненты читательской культуры учащихся**; 2) **определить виды читательской деятельности**, особенно важные в период становления учащихся-читателей; 3) подробно **изучить особенности читательского восприятия как сложнейшую и основополагающую для формирования читательской культуры учащихся творческую деятельность**.

Содержание и компоненты понятия «читательская культура» учащихся. Ученые-методисты выделяют в составе любой культуры четыре общих элемента: 1) уже добытые обществом знания; 2) опыт осуществления известных способов деятельности; 3) опыт творческой деятельности по решению новых проблем; 4) систему нравственно-эстетической, эмоциональной и иной воспитанности [5], [8].

Рассматривая читательскую культуру как «совокупность знаний, умений и чувств», И. С. Збарский выделил в ней **три взаимодействующих компонента (уровня)**, которые характеризуются следующим образом:

1) **уровень читательского сознания, литературной эрудиции** включает в себя практическое знакомство с художественными произведениями, приобретение необходимого круга знаний по теории и истории литературы, освоение логики анализа произведений в их родовой и жанровой специфике;

2) **уровень читательских чувств, оценочных ориентаций** включает в себя способность к восприятию конкретных произведений, эстетический вкус, то есть способность к оценке произведений искусства на основе осознанных критериев, и наличие литературно-эстетических идеалов личности;

3) **уровень читательского поведения** указывает на наличие и степень развитости читательской культуры и практической деятельности человека (выбор литературы, работа с ней, пропаганда книги и так далее), на уровень овладения переносом знаний, умений и навыков в сферу самостоятельного чтения [5, 30].

Н. Я. Мещерякова и Л. Я. Гришина, изучая «психологический портрет» идеального читателя, выводят следующие читательские качества: развитое воображение, эмоциональную восприимчивость, отзывчивость и ясный природный ум [7].

Для Е. В. Карсоловой основным компонентом читательской культуры учащихся является «развитый эстетический вкус, эстетическая зоркость (внимание к эмоционально-образной природе художественного творчества, умение увидеть яркие особенности художественной формы в неразрывной связи с содержанием, понять их неоднозначность и значимость для произведения как художественного целого)», элементом которой является «развитое чувство слова (чуткость к неожиданному словоупотреблению, понимание его точности, выразительности, образности, многозначности, способность почувствовать через “знакомые” слова приращение смысла, которое превращает их в образы; внимание к содержательной детали, подтексту произведения; умение видеть наиболее значимые (доминантные) элементы художественной системы произведения и понимать их идейно-эстетическую роль в произведении)» [8, 7].

В качестве главных составляющих понятия «читательская культура» ученые-методисты М. П. Воюшина и Е. П. Суворова выделяют культуру восприятия прочитанного и библиографическую культуру [1, 175].

Взяв за основу результаты исследования ученых и методистов в этой области, выделим основные компоненты читательской культуры учащихся:

- библиографические знания и умения;
- необходимый уровень историко- и теоретико-литературных знаний и умений;
- речевые знания и умения;
- умение анализировать, оценивать и интерпретировать;
- устойчивый интерес к чтению и сформированная читательская мотивация;
- читательская эрудиция, начитанность;
- навыки чтения, умения выразительного чтения;
- способность к восприятию различных литературных произведений;
- умения, связанные с литературно-творческой деятельностью учащихся.

Взяв за основу формирования и развития читательской культуры учащихся воспитательно ориентированную и педагогически адаптированную систему опорных литературных знаний, способов читательской деятельности и опыт творческой читательской деятельности учащихся [5], можно определить основные позиции формирования читательской культуры учащихся как в теории, так и на практике: а) содержание и структура литературного образования в общеобразовательных учреждениях должны обеспечивать взаимосвязь требований общества и личностных ориентаций учащихся, то есть должна осуществляться взаимосвязь социальной направленности и личностной значимости чтения учащихся; б) осуществление педагогики сотрудничества между учителем и учащимися; в) поддержание непрерывного и устойчивого интереса учащихся к книге, к литературе как учебному предмету и искусству слова; г) реализация в процессе обучения органического единства всех видов чтения.

Читательская деятельность как вид духовно-эстетической деятельности. Термин «читательская деятельность» введен в научный оборот психологами и широко используется в методических работах. Многие исследователи читательскую деятельность сводят лишь к восприятию произведения. Восприятие литературного произведения – это сложная творческая деятельность, включающая целый ряд образно-эмоциональных, мыслительных, ассоциативных, мнемонических действий. «Читательская деятельность эстетически развитого учащегося является постоянным и самоорганизующимся процессом, который в разные периоды более или менее интенсивен, индивидуален в зависимости от уровня культуры, потребностей, сформированного эстетического вкуса, определяем состоянием и “культурным фондом” общества» [8, 9]. Правомерность выделения видов читательской деятельности подтверждается работами Ю. Б. Борева, М. С. Кагана и других [13], [2].

Как совокупность преобразовательной, познавательной, ценностно-ориентационной и коммуникативной рассматривает художественную деятельность М. С. Каган. По его мнению, процесс художественного творчества интегрирует следующую систему видов деятельности: **преобразовательную деятельность**, состоящую в том, что художник в процессе творчества преобразует в создаваемом им образе природный материал и материал жизни человека и общества для выражения авторской концепции; **воспитательную деятельность**, выражающуюся в стремлении художника воздействовать на духовный мир читателей; **оценочную деятельность**, благодаря которой художник выражает свои ценностные мироотношения, отражая явления действительности сквозь призму своих интересов, потребностей, вкусов, идеалов; **коммуникативную деятельность**, предполагающую прямое или косвенное общение художника с читателем своего произведения [2].

По мнению Е. В. Карсоловой, выделение основных видов читательской деятельности «позволит наметить систему формирования способов деятельности с перспективой на самостоятельную читательскую деятельность взрослого человека» [8, 21].

Взяв за основу и дополнив видовое разнообразие, предложенное учеными Е. П. Суворовой, М. П. Воюшиной, Е. А. Купировой [1], считаем основными, особенно важными в период становления читателя **видами читательской деятельности** *воспринимающую, аналитическую, оценочную, конструирующую, ценностно-ориентационную деятельность* и полагаем возможным говорить о стимуляторах любой учебной деятельности, в том числе и читательской. Ими являются деятельность *творческая и коммуникативная*.

Воспринимающая деятельность предполагает прочтение, переживание, осознание и оценку учащихся в процессе и результате самостоятельного знакомства с произведением. В процессе воспринимающей деятельности происходят формирование потребности самосознания читательских реакций, установка на повышение уровня самостоятельного восприятия от произведения к произведению, обмен читательскими впечатлениями (первоначальное читательское общение),

который является дополнительным стимулом к прочтению произведения, позволяет зафиксировать в сознании учеников уровень его первоначального понимания, помогает заинтересовать в анализе, определяет его цель и задачи, вытекающие из особенностей восприятия, создает основу для последующего сопоставления уровней первичного и завершающего анализ понимания произведения.

Аналитическая деятельность способствует переносу полученного на уроках эстетического опыта в читательскую практику. Этот вид деятельности предполагает выделение доминанты анализа как его основного структурирующего элемента, дающего направление для обдумывания произведения и в самостоятельном чтении. Доминантой могут являться особенности композиции, сюжета, системы литературных характеров и т. д. Анализ может завершаться оценкой произведения в виде развернутого эстетического суждения.

Оценочная деятельность предполагает формирование своего более или менее развернутого и обоснованного суждения о прочитанном, выражение оценки с мотивацией на уровне верно понятого конкретно-исторического и общечеловеческого, морально-этического и личностного смысла идей, понимание идейно-эстетической значимости с осознанием содержательности доминантных особенностей художественной формы. Оценочная деятельность включает эмоционально-личностную оценку учащихся на уровне понимания идейно-эстетической значимости произведения, своеобразия авторской манеры. Формирование способов оценочной деятельности подразумевает опору на естественные читательские реакции, путь в оценке произведения от «предметного слоя» к «уровню идей», от их конкретно-исторического к общечеловеческому, нравственному аспекту, к осознанию личностного смысла произведения, путь от «скрытых» способов выражения оценки к работе по ее непосредственному осознанию и высказыванию в процессе последовательного обучения основным видам развернутой оценки произведения.

Конструирующая деятельность есть деятельность самосозидающая. Она включает в себя принятие, присвоение читателем жизненного и художественного опыта, отраженного в книге (познание мира, самопознание, самовоспитание и совершенствование читательского вкуса), приобретение новых стимулов и ориентиров для дальнейшей читательской деятельности, то есть сложную внутреннюю активность сознания, переводение идей, нравственных принципов литературного произведения во внутренний план.

Ценностно-ориентационная деятельность опирается на интерес к новым творческим индивидуальностям, темам, литературе разных периодов, стран и народов, привычку и потребность следить за книжными новинками, интересоваться современным литературным процессом. Этот вид деятельности предполагает понимание учащимися значимости литературно-художественной критики в овладении эстетическими ценностями, умение учеников найти нужный критический материал и работать с ним, пользоваться основными источниками информации, позволяющими ориентироваться в море литературы. Ценностно-ориентационная деятельность учащихся способствует созданию системы их эстетических, нравственных, мировоззренческих ценностей, дает направление работе по самополнению, самосовершенствованию этих ценностей, указывает источник их обогащения.

Организация читательской деятельности побуждает к поискам педагогических факторов, приобщающих учащихся к чтению, развивающих их способность глубоко и эмоционально воспринимать художественное произведение.

Особенности читательского восприятия. Назначение литературы состоит в том, чтобы в общественном сознании сохранялся и поддерживался достаточно высокий уровень культуры художественного восприятия. Утрата такой культуры делает «немыми» тексты даже самых значительных художественных шедевров, что способно привести к деградации и умиранию литературы как сферы духовного общения.

Б. О. Корман отмечал, что «процесс восприятия произведения реальным, биографическим читателем есть процесс формирования читателя как элемента эстетической реальности, процесс превращения реального читателя в читателя концепированного» [14, 113]. По утверждению У. Эко, «писательство – всегда конструирование самим текстом своего идеального читателя» [15, 201]. Для того, чтобы «процесс превращения реального читателя в читателя концепированного» [14, 115] осуществился, воспринимающему необходимо обладать достаточной мерой художественной компетентности – **культурой художественного восприятия**. Это возлагает на каждого читателя особого рода духовную ответственность.

В процессе восприятия созданное художественное произведение и реализованный в нем авторский замысел раскрываются во взаимосвязи со многими другими характеристиками личности читателя. Своеобразие восприятия литературы учащимися посвящены работы Н. Я. Мещеряковой, Т. Г. Браже, Н. Д. Молдавской и других [7], [12], [6].

В своих исследованиях ученый-методист Н. Д. Молдавская в качестве показателей уровня восприятия выделила степень образной конкретизации и образного обобщения, определяя их как универсальные критерии литературного развития учащихся [6]. По мнению ученого, именно в заметном различии уровней восприятия и проявляются различные уровни литературного развития учащихся.

На основании изучения результатов исследований в области формирования и развития восприятия учащимися художественных произведений нами определена структура читательского восприятия. Компоненты читательского восприятия представлены на рисунке 1.

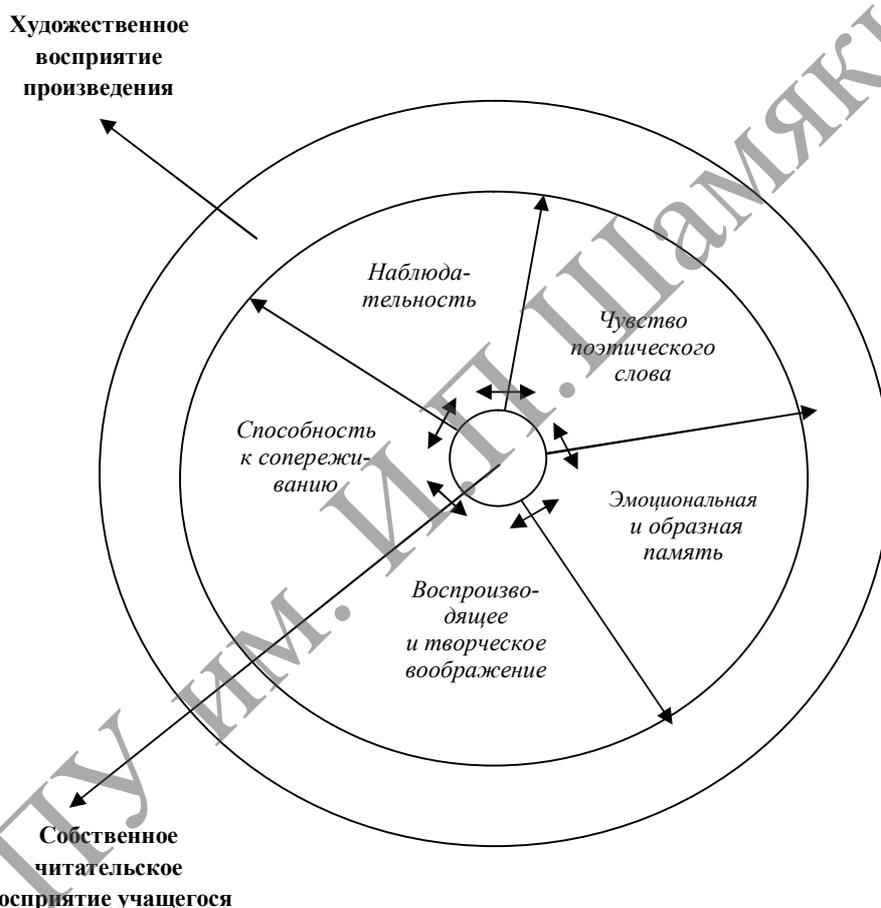

Рисунок 1 – Структура читательского восприятия

Ведущей задачей учителя-словесника является развитие психических процессов, определяющих качество такой сложной деятельности учащихся, как художественное восприятие, а именно развитие наблюдательности, воссоздающего воображения, способности к сопереживанию, эмоциональной и образной памяти, чувства поэтического слова. Развитие восприятия учащихся происходит и в ходе анализа и оценки читаемого произведения, и во время выражения личностного отношения к нему, и в процессе освоения учениками необходимых историко-литературных и теоретико-литературных знаний. Учет законов полноценного читательского восприятия литературного произведения требует в изучении литературы изменить традиционное соотношение восприятия

и анализа, повысить роль первичного восприятия, сформировать потребность самосознания читательских реакций. В связи с этим целесообразно выделить следующие этапы процесса восприятия учащихся: первоначальные обобщения учащихся (**этап первичного восприятия**) включаются в систему уже иных, воссоздаваемых в художественных деталях жизненных связей и отношений, то есть конкретизируются (**этап анализа**), затем читательская мысль восходит, уточняясь и углубляясь, к обобщению на новом уровне (**этап обобщения**). Процесс восприятия произведения учащимися представлен на рисунке 2.

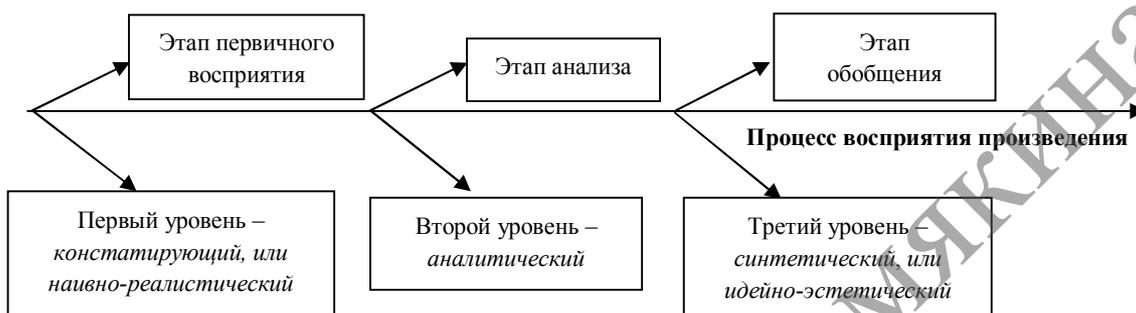

Рисунок 2 – Процесс восприятия произведения учащимися

Достаточно целесообразно, на наш взгляд, предложение ученых-методистов выделить в качестве особого этапа изучения произведения обмен читательскими впечатлениями (первоначальное читательское общение), который «явится дополнительным стимулом к прочтению произведения и позволит зафиксировать в сознании учеников уровень его первоначального понимания» [8, 10].

Возрастные особенности восприятия литературных произведений – также один из важнейших аспектов литературного развития учащихся. Известно, что на разных этапах своего возрастного развития ученики в силу психологических особенностей по-разному способны воспринимать литературное произведение.

Выводы

Цель современного литературного образования – воспитание квалифицированного читателя, обладающего широким кругозором и читательской самостоятельностью.

Теоретические основы формирования читательской культуры учащихся составляют следующие исследования: 1) *теория читательского развития личности учащегося И. С. Збарского, Е. В. Карсоловой* [5], [8]; 2) *исследования по проблемам восприятия и понимания произведений Н. Я. Мецержиковой, Л. Г. Жабицкой* [4], [7]; *научно-методические работы по организации читательской деятельности М. С. Кагана, Е. П. Суворовой* [1], [2].

Определенно выявились **основные позиции формирования читательской культуры учащихся** как в теории, так и на практике:

1. Содержание и структура литературного образования в учреждениях образования должны обеспечивать взаимосвязь требований общества и личностных ориентаций учащихся.

2. Реализация этой взаимосвязи должна осуществляться посредством формирования читательской самостоятельности учащихся.

3. Формирование читательской культуры учащихся предполагает органическое единство всех видов чтения (классного, самостоятельного и т. д.), при этом структурообразующим звеном системы является перенос читательского опыта в другие предметные области.

Формирование читательской культуры учащихся начинается с изучения законов обучения, методически рационального и быстрого познания, а именно с установления основ культуры чтения. В процессе формирования культуры чтения происходит постепенное восхождение от восприятия отдельных произведений как самостоятельной эстетической ценности к изучению творческого пути писателя, связи произведения с исторической эпохой, литературным направлением, литературным процессом.

Судить об уровне читательской культуры учащихся можно на основании ее компонентов: библиографических знаний и умений; уровня историко- и теоретико-литературных знаний и умений; речевых знаний и умений; умений анализировать, оценивать и интерпретировать; устойчивого интереса к чтению и сформированной читательской мотивации; читательской эрудиции, начитанности; навыка чтения, умения выразительного чтения; способности к восприятию различных литературных произведений; умений, связанных с литературно-творческой деятельностью учащихся.

Формой проявления активности учащихся выступает их собственная читательская деятельность. Особенно важными в период становления читателей-учащихся являются следующие виды читательской деятельности: воспринимающая, аналитическая, оценочная, конструирующая, ценностно-ориентационная.

Деятельность читателя-ученика предполагает два вида восприятия: интеллектуальное и эмоциональное. Рассмотрение динамики читательского восприятия произведения, психологического механизма общения с книгой позволяет выделить основные этапы этого процесса: этап первичного восприятия, этап анализа и этап обобщения.

Подготовка к восприятию, чтение, анализ и обобщение при изучении учащимися литературных произведений должны быть организованы таким образом, чтобы в процессе обучения обеспечивался рост читателей, осуществлялось их целенаправленное литературное развитие.

Литература

1. Суворова, Е. П. Формирование интеллектуально-речевой и читательской культуры школьников: междисциплинарный подход : науч.-метод. пособие / Е. П. Суворова, М. П. Воюшина, Е. А. Купирова. – СПб. : ООО «Книжный Дом», 2008. – 248 с.
2. Каган, М. С. Системно-синергетический подход к построению современной педагогической теории / М. С. Каган // Педагогика культуры. – 2005. – № 3. – С. 12–21.
3. Марандман, В. Г. Анализ литературного произведения и читательское восприятие школьников / В. Г. Марандман. – Л. : Изд-во ЛГПУ, 1974. – 176 с.
4. Жабицкая, Л. Г. Восприятие художественной литературы и личность / Л. Г. Жабицкая. – Кишинев : Штиинца, 1974. – 132 с.
5. Збарский, И. С. Внеклассная работа по литературе (IV–VIII) : пособие для учителя / И. С. Збарский, В. П. Полухина. – М. : Просвещение, 1980. – 208 с.
6. Молдавская, Н. Д. Литературное развитие школьников в процессе обучения / Н. Д. Молдавская. – М. : Педагогика, 1976. – 224 с.
7. Мещерякова, Н. Я. О формировании читательских умений на уроках литературы (К постановке вопроса) / Н. Я. Мещерякова, Л. Я. Гришина // Литература в школе. – 1976. – № 3. – С. 29–42.
8. Карсалова, Е. В. Методические основы руководства читательской деятельностью школьников на уроках литературы в средних и старших классах : автореф. дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.02 / Е. В. Карсалова ; АПН СССР, НИИ общ. сред. образования. – М., 1991. – 41 с.
9. Царева, О. И. Методика изучения русской поэзии рубежа XIX–XX вв. в средней школе (V–IX классы) : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 : 19.04.2001 : 05.07.2001 / О. И. Царева. – Минск : БГУ, 2001. – 159 л.
10. Шевцова, Л. И. Литературное развитие учащихся классов филологического профиля при изучении лирики : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / Л. И. Шевцова. – Витебск : ВГУ, 2005. – 21 с.
11. Боров, Ю. Б. Эстетика / Ю. Б. Боров. – М. : Политиздат, 1988. – 496 с.
12. Корман, Б. О. Избранные труды по теории и истории литературы / Б. О. Корман. – Ижевск : Изд-во Удм. ун-та, 1992. – 235 с.
13. Эко, У. Искусство и красота в средневековой эстетике / У. Эко. – СПб. : Алетейя, 2003. – 252 с.
14. Браже, Т. Г. Гуманитарная культура взрослых: развитие в процессе непрерывного образования / Т. Г. Браже. – СПб. : Тускарора, 2006. – 164 с.
15. Андреев, А. А. Культурология / А. А. Андреев. – Минск : Дизайн ПРО, 1998. – 159 с.

Summary

Theoretical bases of formation of reader's culture of pupils of general educational establishments are comprehensively analyzed in the article. The author defines the structure of reader's culture of pupils, the basic components of reader's culture, methodical conditions of its formation, and also stimulators of reader's activity. The results of the research of a problem of formation and development of reader's activity as a kind of spiritually-aesthetic activity are reflected. The author of the research proves and opens the essence of the problem which deals with the deepening of reader's perception of pupils. In the article the main stages and parameters of levels of reader's perception of literary and art works are defined.

Поступила в редакцию 23.02.10.

ФІЛАЛОГІЯ

УДК 811.161.1'37 + 811.161.1'28

О. В. Герасимович

ТРИАДА «ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ»
В РУССКИХ ГОВОРАХ

В статье представлен дефиниционный и семантический анализ лексем, репрезентирующих аксиологические понятия «вера», «надежда», «любовь» в русских говорах. Данные лексемы были отобраны методом сплошной выборки из диалектных словарей русского языка.

Введение

Триада «вера, надежда, любовь» является фундаментальной для европейской культуры аксиологической формулой, т. к. представляет собой сочетание наиболее значимых в христианстве добродетелей. Следует отметить, что концепты данных аксиологических понятий уже становились предметом исследований, например, в диссертации Л. А. Харламовой «Матричный принцип формулы 'faith, hope, charity' – 'вера, надежда, любовь' и составляющих её концептов» (2006) [1], написанной на материале английского языка, и в диссертационном исследовании М. И. Жук «Концепты "вера", "надежда", "любовь" в идиостиле Булата Окуджавы» (2007) [2], в котором анализировались специфика содержания и особенности вербализации концептов «вера», «надежда», «любовь» и триединого концепта «вера, надежда, любовь» в поэтическом дискурсе Б. Окуджавы.

Однако лексемы, репрезентирующие понятия «вера», «надежда», «любовь» в русских говорах, до сих пор не были предметом исследования. В связи с этим интересной представляется проблема полноты отражения диалектными словарями русского языка абстрактных лексем (абстрем) *вера, надежда, любовь* и их семантических особенностей.

Результаты исследования и их обсуждение

Следует отметить, что в результате проведённой сплошной выборки из словарей русских народных говоров нами было отобрано 24 лексикографических источника, причём для анализа отбирались и те словари, в которых присутствует хотя бы одна из исследуемых лексем.

Показательно, что только в 5 из общего числа источников были зафиксированы все 3 абстремы, что составляет лишь 20,8%. Это академический «Словарь русских народных говоров», «Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей», «Словарь русских говоров Сибири», «Словарь русских говоров Низовой Печоры», а также «Словарь пермских говоров». Проанализируем каждую из абстрем в отдельности.

«Словарь русских народных говоров» зафиксировал употребление полисеманта: *вера* в значениях, которые современным и историческим словарям русского языка не были известны: ср. 1. 'желание, охота, намерение' (*У него есть вера к ученью.*), 2. 'понятие, умение' (*На это вера-то есть!*), 3. 'обычный, традиционный порядок' (*У них вера такая, чтоб непременно потчевать*) [3, вып. 4, 119–120]. Исключение составляет лексико-семантический вариант 'поверье, примета, передаваемые из поколения в поколение' (*У нас вера такая, что каким ветром пошёл ты из становища, таким и на место придёшь*), зафиксированное в словаре И. И. Срезневского [4, 490–491].

В «Словаре русских говоров Карелии и сопредельных областей» находим лексему *вѣра* со сходными тремя ЛСВ: 1. 'обычай, традиция' (*Во всяком городе своя вѣра, говорят разное, обычаи разные*); 2. 'желание, намерение' (*Ей вѣра, чтобы сделать тонкую верёвку*); 3. в безл.-предикат. знач. 'пора, время чему-нибудь' (*Время задумалось – дождику вѣра пойти*) [5, вып. 1, 172].

«Словарь русских говоров Сибири» отражает две омонимичные лексемы *вѣра*¹ в значении 'привычка, обычай, традиция' и *вѣра*², используемая в устаревших фразеологических оборотах *дунькина вѣра* 'семейский религиозный толк, известный в литературе под названием «самочинцы», которым управляла Авдотья Тюрюканова' (*По имени Авдотьи и толк прозвали «Дунькина вера»*) (...) и *окулькина вѣра* с двумя ЛСВ: 1. 'небольшая раскольническая секта, появившаяся

среди забайкальских староверов во второй половине XIX в., члены которой отвергали брак'; 2. 'бранное выражение, которое употреблялось при осуждении развода и ухода из семьи' (*Ты что, из окулькиной веры? То к одной ходишь, то к другой!*) [6, т. 1, ч. 1, с. 124–125]. Необходимо отметить, что эти уникальные фразеологические обороты являются, бесспорно, окказиональными.

«Словарь русских говоров Низовой Печоры» фиксирует лексему *вѣра* в составе словосочетания *по своѣй вѣре* со значением 'по своим возможностям, умению' (*Дѣвка у менѣ фсѣ робѣтала, настирала по своѣй-то вѣры*) [7, 58]. «Словарь пермских говоров» указывает на употребление лексемы *вѣра* в устойчивых словосочетаниях *красная вера* с семантикой 'старообрядческая вера' (*Она богомолка, в красной вере, дак нет чтоб в церковь ходить, в доме соберутся и тут молитвы орут*) и *Вера иванна* с пометой *шутливое* 'название дешевого красного вина типа вермут' (*В магазин зашел, денги-те маленько были, да Веру иванну взял, бутылочку*) [8, 117]. Думается, что развитие последнего эндемического значения связано с именем реального лица женского пола, которое имело отношение к месту нахождения и приобретения этого товара; затем путём метафорических переносов собственное имя стало ассоциироваться с алкогольным напитком.

«Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII века» отразил полисемант *вера* в трёх ЛСВ, причём только как 'присяга, клятва' (*(...) за зерновые судные пошлины собрано на вере 23 собол [...], цена 10 рублей*), которая употребляется самостоятельно. В остальных случаях абстрама зафиксирована в словосочетаниях (*для веры* 'для того, чтобы было надёжно, в залог' и *по вере кого, чьей* 'соответствующий верованиям, ритуальным обрядам кого-либо') и в безличном значении 'хочется кому-либо что-либо сделать, кто-либо надеется что-либо сделать' в составе сказуемого (*Ему вера поборотися есть (...)*) [9, 17]. Использование лексем *надѣжно* и *надеется* при толковании семантики *веры* свидетельствует о синонимичности данных значений.

«Псковский областной словарь с историческими данными» также подтверждает выше обозначенный факт, т. к. предлагает в качестве второго ЛСВ полисеманта *вѣра* следующее: 'надежда на осуществление чего-нибудь' (*Дажэ вѣры нет*). Первым в словаре представлен лексико-семантический вариант 'доверие' (*У тебѣ нет вѣры да менѣ*); третьим – 'религиозное чувство' (*С вѣры збѣлишь нарѣт*). В качестве дополнительного смыслового оттенка отмечается 'вероисповедание, вид религии' (*Вѣра наша старавѣрская, правильная, старѣнная*). Последним зафиксировано значение 'присяга, клятва' (*И свѣрхъ вѣры, истецъ (...)* *слался словесно на писцовыя книги*) [10, 77–78].

«Словарь русских говоров Башкирии» отмечает употребление лексемы *вѣра* только в составе словосочетания *в вѣру дѣться* 'попасть под сильное влияние религии' (*Ф такуу веру далас*) [11, т. 1, с. 65]; «Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области)» также не выделяет её самостоятельного использования: *из вѣры вкѣйдить* 'выйти из доверия' [12, 77, 101].

Что касается лексемы *надежда*, то следует отметить, что в русском языке сохранились два варианта представления понятия «надежда» – исконное *надежа* (из **nadēja*) и старославянское заимствование *надежда* (из **nadedja*).

В академическом «Словаре русских народных говоров» зафиксирован полисемант *надея* в двух значениях: 'надежда' (*На тебя вся моя надея*) и 'обращение к близкому, родному человеку (в причитании)' [3, вып. 19, с. 233]. Сходные значения отмечены у лексем *надѣжа* в «Словаре русских говоров Низовой Печоры» – 'ласковое обращение к любимому человеку' (*Здравствуй, душечка моя, надѣжа, миленький сердечный друг*) [7, 442], *надій* в «Опыте областного великорусского словаря» – 'человек, на которого можно надеяться, надежда' (*Ой ты, надій мой!*) [13, 121] и «Словаре областного олонецкого наречия» (*Надія ты наша!* – говорят человеку, от которого надеются что-либо получить, ждут милости) [14, 60]. Следует отметить, что с ироническим значением 'о человеке, не внушающем доверия' лексема *надѣжда* отмечена в «Словаре русских говоров Сибири» (*Надѣжда, как на вѣшній лёд*) [6, т. 2, с. 327].

С неодобрительным оттенком используется словосочетание *надѣя плохѣя (худѣя)* 'о том, кто (что) может подвести, не оправдать надежды' (*Одін вертолѣт в работѣ, на негѣ надѣя плохѣя*), отражённое в «Словаре вологодских говоров» [15, вып. 5, с. 34].

Большое количество проанализированных словарей фиксируют у лексем, репрезентирующих понятие «надежда», только значение 'надежда':

- «Словарь говоров Соликамского района Пермской области»: *надѣя, надѣжа* [16, 329];
- «Словарь русских говоров Белоруссии» [17, 125], «Словарь русских говоров на территории Мордовской АССР» [18, 65], «Словарь русских говоров Кузбасса» [19, 124], «Словарь русских говоров Забайкалья» [20, 224]: *надѣжа*;

- «Словарь русских говоров Среднего Урала»: *надѣжа, надѣя, надія* [21, 163–164];
- «Словарь пермских говоров»: *надѣжа, надѣя* [8, 750];
- «Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII века»: *надежа* [9, 79];
- «Словарь областного олонекского наречия»: *наді(ѣ)я* [14, 60];
- «Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области)»: *надѣжа* [12, 314];
- «Словарь вологодских говоров»: *надѣжа, надѣя / надія* [15, вып. 5, 33–34];
- «Словарь русских говоров Приамурья»: *надѣжа* [22, 163];
- «Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей»: *надѣга, надѣя, надія* [5, вып. 3, с. 312–313].

Некоторые лексикографические источники отмечают многозначное и/или более развёрнутое толкование исследуемых лексем. Например, «Словарь диалектного просторечия Среднего Приобья» содержит лексему *надѣжа* со значением ‘ожидание чего-либо желанного; надежда’ (*Надѣжи нету, как весенний лёд дряхлый: тает скоро*) [23, 169]; «Словарь орловских говоров» отмечает лексемы *надѣя, надѣжа* и *надѣжа* с семантикой ‘ожидание, уверенность в осуществлении чего-либо желаемого; надежда’ [24, вып. 7, с. 27]; «Словарь областного вологодского наречия» зафиксировал синонимичные абстремы *надѣжа* ‘надежда, уверение’ и *надія* ‘надежда’ с идентичным примером (*Худая надежа на него*) [25, 272]. «Словарь русских говоров Низовой Печоры» отражает употребление полисеманта *надѣжа* в двух значениях: 1. ‘надежда’ (*Фся надѣжа-то на неѣ, вон какі работница*) и указанное выше 2. ‘ласковое обращение к любимому человеку’, а также синонимичную ему лексему *надѣя* со значением ‘то же, что и надѣжа’ [7, 442–443].

В «Большом толковом словаре донского казачества» отмечено, что *надѣжа* употребляется только в составе выражения *быть не в надѣже* со значением ‘быть неуверенным в чём-либо’ (*Ни в надежы и брасать чувал*) [26, 300, 65]. Только в составе устойчивого словосочетания *держать надѣжу* ‘иметь доверие’ (*У тебя глаз оманливый, над ним надѣжи не держи*) употребляется также омоним *надѣжа*¹, отмеченный в «Словаре русских говоров Карелии и сопредельных областей». Особого внимания требует рассмотрение лексемы *надѣжа*², наделённой конкретной семантикой ‘одежда’ (*Вот надѣжу какую раньше носили*) [5, вып. 3, с. 312]. Следует отметить, что в «Смоленском областном словаре» В. Н. Добровольского лексема *надѣжа* отмечена исключительно с семантикой ‘одежда’ (*Возьми съ сабою надѣжу чистую, да и ступай у баню*) [27, 436], а в «Словаре русских говоров Башкирии» зафиксированы 2 омонима: *надѣ(ѣ)жа*¹ ‘надежда’ и *надѣжа*², в значении которого указывается точный вид одежды – ‘пальто’ (*Адѣжу мы надѣжѣй нъзывам; Зимой надевали надѣжу. Чичяс так пал’то называјут*) [11, т. 2, с. 87].

Лексема *любовь* в русских говорах не употребляется самостоятельно, она входит в состав словосочетаний. Например, в «Словаре русских народных говоров» зафиксировано: *в любовь* (кому-либо) ‘нравиться кому-либо’ (пск.), *в любовь* брать (взять) ‘полюбить, сделать возлюбленным’ (олон., твер., арх.) и др., а также указано использование наименования *любовь-трава* для обозначения растения незабудки [3, вып. 17, с. 238–239].

«Смоленский областной словарь» В. Н. Добровольского отмечает лексему *любовь* отдельно, но без толкования и приводит в качестве иллюстративного примера только пословицу (*Любовь зла – полюбишь и козла*) и строку из «Жестокое романса» (*Кто съ любовью незнакомый, тотъ страдаетъ весь свой вѣкъ*), что, вероятно, обусловлено отсутствием употребления этой лексемы в живом народном языке. Также в этом словаре отмечается *лювь* в значении ‘любовь’ (*А мы съ табою, друхъ любезный, въ любіи наживѣмся*) [27, 390]. *Лювь* восходит к праславянскому **lubъ*, от которого при помощи суффикса образовалась общеславянская лексема *любовь*. По мнению Ю. Покорного, **lubъ* является продолжением индоевропейского корня **leubh-* ‘любить, желать; милый, дорогой, любимый’ [28, 683–684]. Таким образом, русские говоры сохранили наиболее древние варианты понятия «любовь». Например, в «Словаре русских говоров Сибири» зафиксирована лексема *любá* в значении ‘любовь’ (*Не по лубе если идет, сразу отказывается, поп не венчает*) [6, т. 2, с. 242]. «Словарь русских говоров Низовой Печоры» также отражает *луба* в составе выражения *в лубе* (*жить*) с семантикой ‘в любви, согласии’ (*... Али ты с княгиной не в лубе живешь?*) [7, 399].

В словарной статье *любовь* «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей» указываются только устойчивые словосочетания *за любовь* ‘по любви’, ‘с удовольствием, с радостью’; *разбить любовь* ‘расстаться’; *сводить любовь* ‘привораживать’; *сошлась любовь* ‘о взаимной любви’; *сухая любовь* ‘платоническая любовь’, ‘безответная любовь’ [5, вып. 3, с. 168].

«Словарь пермских говоров» отражает употребление *люб* в составе словосочетаний *в любе, по любе* с семантикой ‘в любви, по любви’, а также *любовь* в выражении *сухая любовь* ‘платоническая любовь’ [8, 681–682]. «Словарь вологодских говоров» зафиксировал *люб* в составе предложного словосочетания *по (об) одном любе* ‘о неразделённой любви’ [15, вып. 4, с. 59].

В «Словаре орловских говоров» отмечена лексема *любовь* в значении ‘чувство сердечной склонности, влечение к лицу другого пола; любовь’ (*Пль любви зь ниво пашла*), а также *любова* с пометой *фольклорное* и иллюстрационным примером *Дьвила миня любовь дь сасновъвь да гроба*, но без толкования [24, вып. 6, с. 89, 87].

Отсутствие самостоятельного употребления абстремы *любовь* в русских говорах связано с широким использованием лексемы *жалость* в значении ‘любовь; расположение’ [3, вып. 9, с. 67]. Что же касается континуантов праславянского **l'ubъ*, то представленный русский диалектный лексикографический материал свидетельствует об их регулярном употреблении в значении ‘любовь’.

Выводы

Необходимо подчеркнуть, что в отдельных словарях, например, «Словаре русских донских говоров», «Словаре русских говоров Прибайкалья», «Словаре русских говоров Среднего Прииртышья», «Словаре русского камчатского наречия», «Словаре русских говоров южных районов Красноярского края», «Словаре кубанских говоров», «Словаре русских говоров Новосибирской области», «Словаре русских старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби», исследуемые аксиологические наименования отсутствуют вовсе, однако в некоторых из них отмечены производные.

Фиксацию лексикографическими источниками только одной из лексем, вероятно, можно объяснить более частым её употреблением на определённой территории. Диалектные значения исследуемых абстрем характеризуются разнообразием семантического наполнения и слабо выраженной связью с религиозной семантикой.

Что касается полноты отражения словарями анализируемых абстрем, следует отметить, что лексемы, репрезентирующие понятие «вера», отражены в 9 словарях из 24 (37,5%), «любовь» – в 8 (33,3%), «надежда» – в 23 (95,8%). Думается, что количественное превосходство «надежды» связано с *предметной (объектной) направленностью*: предметом «веры» и «любви» может быть и дурное, и хорошее, *надеяться* же можно только на доброе, только на будущее» [29, 292–293], поэтому лексемы со значением ‘надежда’ употребляются чаще носителями русских говоров.

Литература

1. Харламова, Л. А. Матричный принцип формулы ‘faith, hope, charity’ – ‘вера, надежда, любовь’ и составляющих её концептов : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Л. А. Харламова. – Барнаул, 2006. – 200 с.
2. Жук, М. И. Концепты «вера», «надежда», «любовь» в идиостиле Булата Окуджавы : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / М. И. Жук. – Владивосток, 2007. – 278 с.
3. Словарь русских народных говоров / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; сост. Ф. П. Филин. – М. : Л. : Наука, 1965–2007. – Вып. 4. – 1969. – 356 с. ; Вып. 9. – 1972. – 362 с. ; Вып. 17. – 1981. – 384 с. ; Вып. 19. – 1983. – 360 с.
4. Срезневский, И. И. Словарь древнерусского языка : в 3 т. / И. И. Срезневский. – [Репр. изд.] – М. : Книга, 1989. – Т. 1. – 1420 с.
5. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей : в 5 вып. / С.-Петерб. гос. ун-т ; гл. ред. А. С. Герд. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1994. – Вып. 1. – 1994. – 509 с. ; Вып. 3. – 1996. – 540 с.
6. Словарь русских говоров Сибири : в 5 т. / Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т филологии ; сост.: Н. Т. Бухарева, А. И. Федоров ; отв. ред. А. И. Федоров. – Новосибирск : Изд-во СО РАН : Науч.-изд. центр ОИГМ СО РАН, 1999–2006. – Т. 1. – Ч. 1. – 1999. – 304 с. ; Т. 2. – 2001. – 392 с.
7. Словарь русских говоров Низовой Печоры : в 2 т. / С.-Петерб. гос. ун-т ; сост.: В. Т. Азарова [и др.] ; науч. ред. Л. А. Ивашко. – СПб., 2003 – Т. 1 : Аблемай – ошупя. – 552 с.
8. Словарь пермских говоров / Перм. гос. пед. ун-т ; сост. Г. В. Бажутина [и др.]. – Пермь : Кн. мир, 2000. – Вып. 1 : А–Н / ред.: А. Н. Борисова, К. Н. Прокошева. – 605 с.

9. Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в. / Акад. наук СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии, Новосиб. гос. ун-т; сост. Л. Г. Панин; отв. ред.: В. В. Палагина, К. А. Тимофеев. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. – 179 с.
10. Псковский областной словарь с историческими данными / Ленингр. гос. ун-т, Межкаф. словарь. каб.; редкол.: Б. А. Ларин [и др.]. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1967. – Вып. 3: В – взяться / сост.: И. Т. Гомонов, К. А. Гомонова; ред.: С. М. Глускина, Л. А. Ивашко. – 1976. – 180 с.
11. Словарь русских говоров Башкирии / под ред. З. П. Здобновой. – Уфа: Гилем, 1997–2006. – Т. 1 (А–И). – 167 с.; Т. 2 (К–О). – 2000. – 170 с.
12. Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / под ред. И. А. Оссоветского. – М.: Наука, 1969. – 612 с.
13. Опыт областного великорусского словаря, изданный вторым отделением Императорской Академии наук / ред. А. Х. Востоков. – СПб.: тип. Императорская Акад. наук, 1852. – 275 с.
14. Словарь областного олонекского наречия в его бытовом и этнографическом применении / сост. Г. Куликовский. – СПб.: тип. Императорская Акад. наук, 1898. – 151 с.
15. Словарь вологодских говоров: учеб. пособие по рус. диалектологии / Вологод. гос. пед. ин-т.; под ред. Т. Г. Паникаровской: 12 вып. – 1983–2007. – Вып. 4 (К–М). – 1989. – 92 с.; Вып. 5 (М–О). – 1990. – 127 с.
16. Словарь говоров Соликамского района Пермской области / сост. О. П. Беляева; Перм. гос. пед. ун-т; под ред. Е. А. Голушковой. – Пермь: ПГПИ, 1973. – 706 с.
17. Манаенкова, А. Ф. Словарь русских говоров Белоруссии: [Ветковский и Добрушский районы Гомельской области] / А. Ф. Манаенкова. – Минск: Университетское, 1989. – 231 с.
18. Словарь русских говоров на территории Мордовской АССР: М–Н: учеб. пособие по рус. диалектологии / Мордов. гос. ун-т; сост.: Т. В. Михалева [и др.]. – Саранск: МГУ, 1986. – 129 с.
19. Словарь русских говоров Кузбасса / сост.: Н. В. Жураковская [и др.]; под ред.: Н. В. Жураковской, О. А. Любимовой (отв. ред.); Новосиб. гос. пед. ин-т. – Новосибирск: НГПИ, 1976. – 233 с.
20. Элиасов, Л. Е. Словарь русских говоров Забайкалья / Л. Е. Элиасов; Акад. наук СССР, Сиб. отд-ние, Бурят. фил., Ин-т обществ. наук. – М.: Наука, 1980. – 472 с.
21. Словарь русских говоров Среднего Урала: учеб. пособие: в 7 т. / Урал. гос. ун-т имени А. М. Горького. – Свердловск: УрГУ, 1964–1988. – Т. 2: К–Н / авт.-сост.: А. В. Волоскова [и др.]; редкол.: Н. П. Костина (отв. ред.) [и др.]. – 1971. – 214 с.
22. Словарь русских говоров Приамурья / Акад. наук СССР, Дальневост. науч. центр, Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока; сост.: Ф. П. Иванова [и др.]; отв. ред. Ф. П. Филин. – М.: Наука, 1983. – 342 с.
23. Словарь диалектного просторечия Среднего Приобья / Том. гос. ун-т; авт.-сост.: Т. Б. Банкова, О. И. Блинова, С. В. Сыпченко. – Томск, 2003. – 368 с.
24. Словарь орловских говоров: учеб. пособие по рус. диалектологии / науч. ред. Т. В. Бахвалова. – Орёл: ОГПИ, 1994. – Вып. 6. – 1994. – 168 с.; Вып. 7. – 1990. – 156 с.
25. Словарь областного вологодского наречия: по рукоп. П. А. Дилакторского 1902 г. / А. И. Левичкин, С. А. Мызников; Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. – [Репр. изд.]. – СПб.: Наука, 2006. – 677 с.
26. Большой толковый словарь донского казачества: ок. 18 000 слов и устойчивых сочетаний / Рост. гос. ун-т, Фак. филологии и журналистики, Каф. общ. и сравн. языкознания; редкол.: В. И. Дегтярев [и др.]. – М.: Рус. слов.: Астрель: АСТ, 2003. – 604 с.
27. Добровольский, В. Н. Смоленский областной словарь / В. Н. Добровольский. – Смоленск: тип. П. А. Сирина, 1914. – 1022 с.
28. Pokorný, J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch: in 2 bd. / J. Pokorný. – Bern; München: Franke Verl., 1959–1969. – Bd. 1. – 1959. – 1183 s.
29. Августин. Энхиридион или О вере, надежде и любви: пер. с лат. / Бл. Августин. – Киев: УЦИММ-Пресс: ИСА, 1996. – 413 с.

Summary

The article proposes definitional and semantic analysis of the abstract lexemes *vera* ‘faith’, *nadezhda* ‘belief’, *l’ubov* ‘love’. The lexemes were extracted from dialect dictionaries of the Russian language by using the method of total selection.

Поступила в редакцию 22.02.10.

М. С. Захарова

ДИАЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭПИГРАФА В КОРОТКОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ РАССКАЗЕ

Настоящая статья посвящена изучению типов диалогического взаимодействия между эпиграфом и вводимым им корпусом произведения, а также установлению языковых средств выражения диалогичности эпиграфа в коротком англоязычном рассказе. Диалогичность эпиграфа рассматривается с нескольких сторон. Анализ диалогических отношений в системе «эпиграф – текст» приводит к разграничению случаев с автосемантическим (имплицитный характер) и синсемантическим (эксплицитное выражение) типом диалогической связи между эпиграфом и предваряемым им корпусом текста. Устанавливается, что языковыми средствами выражения синсемантического типа диалогической связи являются различного рода лексические повторы, количество и комбинаторика которых варьируется в каждом конкретном случае. Анализ эпиграфа как составной части авторского диалога позволяет определить эпиграф как форму скрытого авторского диалога с читателем и выявить характерные для эпиграфа короткого англоязычного рассказа маркеры диалогичности.

Введение

Антропоцентрическая парадигма современных лингвистических исследований характеризуется обращением к языковой личности, что предполагает рассмотрение и описание многих языковых явлений, в том числе и эпиграфа, исходя из так называемого «человеческого фактора» в языке.

Целью настоящей работы является выявление типов диалогического взаимодействия между эпиграфом и вводимым им корпусом произведения, а также установление языковых средств выражения диалогичности эпиграфа в коротком англоязычном рассказе с учетом языковой личности речевого субъекта, моделирующей и определяющей характер диалогического взаимодействия.

Результаты исследования и их обсуждение

Диалогическое понимание художественного текста связано с концепцией диалогизма М. М. Бахтина, впервые обозначившего наличие в художественном тексте отношений, аналогичных отношениям одной реплики к другой в диалоге. Согласно диалогическому учению М. М. Бахтина, «два слова, два сознания, оказавшись рядом в пределах одного контекста, не могут не скреститься диалогически, все равно будут друг друга подтверждать, или взаимно дополнять, или, наоборот, друг другу противоречить, или находиться в каких-либо других диалогических отношениях» [1, 219].

Диалогический подход к анализу художественного текста определил несколько направлений в изучении такого языкового явления, как эпиграф художественного текста. В рамках одного из направлений эпиграф рассматривают как проявление «чужого слова», «один из способов введения в произведение иной, неавторской точки зрения, иной смысловой позиции» [2], а основной функцией эпиграфа признают диалогизирующую.

Е. А. Кузьмина, изучая диалогические особенности эпиграфа на материале русской поэзии, отмечает, что «диалогическая переключка эпиграфа и текста представляет собой сложный механизм рождения и выражения дифференцированной системы модальных смыслов, связанных с отношением автора к чужому слову и отражающих диалог смысловых позиций» [3, 158]. В самом упрощенном понимании диалогические отношения эпиграфа и вводимого им текста могут быть описаны как отношения согласия и несогласия.

Рассматривая диалогические отношения между эпиграфом и вводимым им корпусом произведения (также на материале русской поэзии), Е. А. Козицкая приводит классификацию типов диалогического взаимодействия на основании близости или расхождения смысловых

позиций эпитафа и текста произведения. Так, исходя из совпадения или несовпадения «я» текста произведения и «я» эпитафа, Е. А. Козицкая разграничивает следующие типы диалогических отношений в системе «эпитафа – текст»: **унисон** (позиции эпитафа и текста близки), **развитие темы** (между эпитафом и текстом возникают отношения темы и вариации), **полемика** (эпитафа вступает в полемические отношения с текстом произведения) и **дистанция** (предполагает расхождение позиций эпитафа и текста) [4].

В рамках второго направления эпитафа рассматривают с позиции говорящего субъекта или автора произведения как явный авторский знак, адресованный читателю и являющийся средством выражения его взглядов, жизненных позиций, эмоций, коммуникативного намерения в данном тексте и т. д. При таком рассмотрении эпитафа становится составной частью и началом авторского диалога с читателем, в результате которого происходит познание художественного произведения.

Изучая языковое воплощение авторского диалога в художественном тексте, Т. Ф. Плеханова отмечает, что зона диалогического взаимодействия автора произведения и читателя на уровне текста обозначена так называемыми маркерами диалогичности. Диалогические маркеры реализуются посредством лексических, синтаксических и стилистических средств диалогизации текста, к которым относятся: **временной сдвиг** (перевод плана повествования из одного времени в другое); **смена повествовательного лица** (чаще переход к повествованию от 3-его лица к повествованию от 1-ого лица ед. и мн. числа); **формы повелительного и сослагательного наклонения** (выражают определенные отношения между участниками диалога на языковом уровне); **интерсубъективный модальный план** (совокупность возможного мира, создаваемого автором, реального мира, на фоне которого строится возможный, и «возможных» миров персонажей в диалогическом пространстве конкретного текста); **«фатические» языковые средства** (формы обращения к читателю); **средства проксемики** (языковые средства, указывающие на расстояние между автором и читателем и позволяющие выстроить диалог во внутритекстовом, а также внетекстовом пространстве) и **семантический сдвиг к обобщению** [5, 158]. В зависимости от того, в какой комбинации представлены диалогические маркеры, Т. Ф. Плеханова разграничивает явную и скрытую форму авторского диалога. Явный авторский диалог требует наличия всех указанных диалогических маркеров, а неполный набор маркеров диалогичности свидетельствует о скрытом характере авторского диалога [5].

В данной работе предпринимается попытка рассмотреть диалогичность эпитафа в рамках обоих направлений, а также выявить в каждом случае языковые средства выражения диалогичности эпитафа в коротком англоязычном рассказе.

Анализ эпитафа как способа диалогизации текста путем введения в него дополнительной смысловой позиции показал, что на языковом уровне диалогические отношения эпитафа и вводимого им текста произведения могут иметь эксплицитное и имплицитное языковое выражение. Наличие или отсутствие языковых средств выражения диалогической связи между эпитафом и текстом произведения позволяет разграничить эпитафы с автосемантической (имплицитный характер диалогической связи) и синсемантической (диалогическая связь выражена эксплицитно) связью.

Диалогические отношения в системе «эпитафа – текст» с автосемантическим типом связи характеризуются отсутствием на языковом уровне эксплицитных средств выражения диалогичности, что проявляется в полном отсутствии лексем из эпитафа в следующем за эпитафом тексте.

В качестве примера автосемантического типа связи эпитафа и текста произведения можно привести рассказ В. Ирвинга «The Stout Gentleman».

Диалогические отношения эпитафа и вводимого им текста с синсемантическим типом связи имеют эксплицитное выражение. На языковом уровне синсемантическая связь эпитафа и текста проявляется в наличии в тексте произведения лексем, присутствующих в эпитафе. Рассмотрим, например, рассказ Э. По «Silence – a Fable», представляющий собой притчу о том, что самым страшным из всех наказаний Сатаны является испытание тишиной. Эпитафа к рассказу представляет собой сложносочиненное предложение:

The mountains pinnacles slumber; valleys, crags, and caves are silent.

(E. Poe, Silence – a Fable)

В результате анализа произведения были установлены следующие виды повторов лексем из эпиграфа в вводимом им тексте: **однократный полный повтор** существительного *slumber* (*flowers lie writhing in perturbed slumber <...>*); **многократный модифицированный повтор** прилагательного *silent* (*there is no quiet here, nor silence <...>*; *And by the shores of the river Zaire there is neither quiet nor silence <...>*; *and cursed with the curse of silence <...>*; *and the characters were silence <...>*; *and the characters upon the rock were silence <...>*); **синонимичный повтор** прилагательного *silent* (*and they became accursed, and were still <...>*) и **перифрастический повтор** прилагательного *silent* (*nor any shadow of sound throughout the vast desert <...>*).

Таким образом, наличие лексики из эпиграфа в тексте произведения говорит о синсемантическом типе связи между эпиграфом и текстом произведения, а языковыми средствами выражения данного типа связи в рассматриваемом примере являются различного рода лексические повторы.

Несколько иначе осуществляется синсемантическая связь эпиграфа и текста в коротком рассказе Р. Киплинга «In the House of Suddhoo», повествующем о том, как один шарлатан, выдавая себя за шамана и колдуна, избавлял людей от болезней и напастей за внушительное денежное вознаграждение. Тексту предшествует поэтический эпиграф, состоящий из одной строфы:

*A stone's throw out on either hand
From that well-ordered road we tread,
And all the world is wild and strange:
Churel and ghoul and Djinn and sprite
Shall bear us company to-night,
For we have reached the Oldest Land
Wherein the powers of Darkness range*

В ходе анализа произведения было выявлено, что полные повторы лексики из эпиграфа практически отсутствуют в тексте произведения. Например, был выявлен **однократный полный повтор** существительного *ghoul* (*the face was the face of a ghoul <...>*) и **однократный полный повтор** существительного *darkness* (*this left the place in jet darkness <...>*). В то же время в тексте произведения многократно используется существительное *magic* (*there was an order of Sirkar against magic because it was feared that magic might one day kill the Empress of England <...>*; *it was white magic <...>*); а также существительное *jadoo*, которое является его синонимом в так называемом «англо-индийском» смешанном языке (*if there was jadoo afoot <...>*; *it was clean jadoo as distinguished from unclean jadoo which kills folks <...>*; *a great danger was threatening his son, which can be removed by clean jadoo <...>* and *the jadoo that night would cost two hundred more <...>*; *tha jadoo had begun <...>*; *I also understood a little jadoo <...>*, *the jadoo-work was coming off in their rooms <...>*; *the jadoo was an invention to get money out of Suddhoo*). Кроме этого в тексте произведения были обнаружены существительные *sorcerer* (*he told me that the man <...> was the sorcerer of the cleanest kind <...>*) и *demon*, которое в данном тексте является контекстуальным синонимом существительного *ghoul* (*the face was the face of a demon – a ghoul – anything you please <...>*). Анализ словарных дефиниций названных существительных, а также существительных *ghoul* и *sprite* из эпиграфа показал, что данные существительные являются членами одной лексико-семантической группы и имеют в структуре своего значения общую сему 'волшебство'.

Следовательно, диалогические отношения между эпиграфом и предваряемым им текстом в рассматриваемом примере характеризуются синсемантическим типом связи. Языковыми средствами выражения синсемантической связи в данном случае выступают **полный лексический повтор**, **синонимический повтор**, а также **семный повтор**, т. е. повторение в лексике, присутствующей в эпиграфе и тексте произведения, общей семы, которая может быть установлена методом анализа словарных дефиниций существительных, составляющих одну лексико-семантическую группу.

Таким образом, результаты рассмотрения диалогических отношений между эпиграфом и текстом произведения позволяют сделать вывод о том, что абсолютное большинство рассмотренных примеров характеризуются синсемантическим типом связи между эпиграфом и корпусом текста (94%), что предполагает реализацию в тексте произведения лексем из эпиграфа, предшествующего данному тексту. На языковом уровне средствами выражения синсемантической связи является *конвергенция различного рода лексических повторов* (полных, модифицированных, синонимичных, перефразистических, семных и др.). При этом количество данных повторов и их комбинаторика варьируется в каждом конкретном случае.

Анализ эпиграфа как составной части авторского диалога свидетельствует о том, что из вышеупомянутых маркеров диалогичности или дискурсивных маркеров границы, выделенных Т. Ф. Плехановой, именно семантический сдвиг к обобщению наиболее характерен для эпиграфа короткого англоязычного рассказа. Эпиграф в большинстве случаев становится важнейшим способом реализации позиции автора, отражая его отношение к миру, его оценку событий и персонажей, изображенных в тексте. По этому поводу Ю. Н. Караулов отметил, что, «пропустив эпиграфы через призму порожденных ими текстов, можно вычленишь те проблемы, к которым обращается тот или иной автор в своем творчестве» [6, 235] и которые разрешаются в тексте диалогически, а началом интересубъективного взаимодействия автора и читателя становится эпиграф.

Как показало наше исследование, определение эпиграфа как зоны диалогического контакта автора произведения и читателя наиболее характерно для автономных эпиграфов, представляющих собой сентенции, отличительной особенностью которых является предельная степень обобщенности и универсальности.

Рассмотрим, например, следующие эпиграфы:

1. *All people went upon their ten toes in wild wonderment.* – *Bishop Hall's Satires*
(Ed. Poe, Liozoning)
2. *Children and fools speak the truth.*
(L. M. Alcott, Aunt Kipp)
3. *The book of life begins with a man and woman in a garden and ends – with Revelations.* –
Oscar Wilde
(G. A. Egerton, Little Grey Glove)

В приведенных примерах обобщенность и универсальность выраженного в эпиграфе смысла на языковом уровне передается посредством употребления абстрактных существительных без артикля (*love, wonderment, life*), отсутствием артикля перед существительными во множественном числе (*children, fools, revelations*), употреблением слов *man* и *woman* с неопределенным артиклем, а также использованием неопределенного местоимения *all*.

Анализ языкового материала свидетельствует о том, что, кроме перечисленных языковых средств, семантический сдвиг к обобщению на уровне текста может выражаться путем употребления неопределенного местоимения *any* в значении «любой», отрицательных местоимений *no, none, neither*, модальных слов и выражений, подчеркивающих универсальный характер высказывания. Языковыми средствами выражения диалогической направленности эпиграфа как составной части авторского диалога в коротком англоязычном рассказе являются также местоимения первого лица множественного числа (*we / us / our*) и второго лица единственного и множественного числа (*you / your*), которые позволяют автору перевести повествование из безличного в обобщенно-личное и, тем самым, превратить читателя из простого наблюдателя в активного участника диалогического взаимодействия.

Выводы

Таким образом, проведенное исследование доказывает, что диалогичность эпиграфа может быть рассмотрена с нескольких сторон, однако в каждом случае можно говорить о наличии языковых средств выражения диалогичности эпиграфа. В результате изучения

диалогических отношений в системе «эпиграф – текст» как диалога смысловых позиций, за которыми стоят разные речевые субъекты, были разграничены случаи с автосемантическим (носит имплицитных характер) и синсемантическим (получает эксплицитное выражение) типом диалогической связи. На основании полученных результатов был сделан вывод о том, что абсолютное большинство рассмотренных примеров характеризуются синсемантическим типом связи между эпиграфом и корпусом текста, а средствами выражения данного типа связи на языковом уровне являются различного рода лексические повторы (полные, модифицированные, синонимичные, перефразистические, семные и др.). При этом количество данных повторов и их комбинаторика варьируются в каждом конкретном случае.

Анализ эпиграфа как составной части авторского диалога в художественном тексте показал, что наиболее ярко выраженным маркером диалогичности эпиграфа, свидетельствующим о направленности авторского слова на диалогическое взаимодействие с читателем, является семантический сдвиг к обобщению. Ограниченный набор маркеров диалогичности позволил определить эпиграф как форму скрытого авторского диалога с читателем и выявить языковые средства выражения диалогичности, характерные для эпиграфа короткого англоязычного рассказа.

Литература

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества : сб. раб. / М. М. Бахтин ; сост. С. Г. Бочаров ; примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. – М. : Искусство, 1979. – 417 с.
2. Кузьмина, Н. А. Эпиграф в коммуникативном пространстве художественного текста / Н. А. Кузьмина // Вестн. Омск. ун-та. – 1997. – Вып. 2. – С. 60–63.
3. Кузьмина, Н. А. Цитата в стихотворном тексте / Н. А. Кузьмина // Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка / Н. А. Кузьмина. – 2-е изд. – М. : УРСС, 2004. – Гл. 4. – С. 143–163.
4. Козицкая, Е. А. Эпиграф и текст: о механизме смыслообразования [Электронный ресурс] / Е. А. Козицкая. – 2008. – Режим доступа : www.uchcom.botik.ru/az/lit/coll/litext5/cont.htm. – Дата доступа : 22.02.2008.
5. Плеханова, Т. Ф. Текст как диалог / Т. Ф. Плеханова. – Минск : МГЛУ, 2003. – 251 с.
6. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 261 с.

Список источников цитированных примеров

1. Alcott, L. M. Aunt Kipp / L. M. Alcott // *Kitty's Class Day And Other Stories*, 2003 [eBook #10360] [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.gutenberg.net>. – Date of access : 14.07.2009.
2. Egerton, G. A Little Grey Glove / G. Egerton // *Victorian Short Stories*, 2005 [eBook #15381] [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.gutenberg.net>. – Date of access : 14.07.2009.
3. Kipling, R. In the House of Suddhoo / R. Kipling // *Collected Stories*. – London : David Campbell Publishers Ltd, 1994. – P. 5–13.
4. Poe, Ed. Lionizing / Ed. Poe // *Collected Stories*. – London : Everyman's Library, 1992. – P. 156–160.
5. Poe, Ed. Silence – A Fable / Ed. Poe // *Collected Stories*. – London : Everyman's Library, 1992. – P. 56–59.

Summary

The article is devoted to the study of the dialogic features of the epigraph in English and American short stories. The research has revealed different types of the dialogic interaction between the epigraph and the text and the linguistic means of their realization.

Поступила в редакцию 28.01.10.

УДК 811.161.3 = 113

С. Ф. Іванова, А. Дз. Цеплякова

**ЛАЦІНСКІЯ ЗАПАЗЫЧАННІ КРЫЛАТЫХ СЛОЎ
У СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ ЛІТАРАТУРНАЙ МОВЕ
(колькасны склад, формы ўжывання і крыніцы паходжання)**

У артыкуле вызначаюцца колькасны склад, формы ўжывання і крыніцы паходжання лацінскіх запазычанняў крылатых слоў у сучаснай беларускай літаратурнай мове. Тэкставыя крыніцы крылатых слоў з лацінскай мовы ўзыходзяць да розных перыядаў яе існавання. Найбольшая колькасць крылатых слоў паходзіць з крыніц перыяду класічнай «залатой латыні» (каля 100 г. да н. э. – 14 г. н. э.). Крыніцы паходжання крылатых слоў размяжоўваюцца на адзінкавыя і комплексныя. Адзінкавыя дыферэнцыруюцца на першасныя (уласна лацінскія) і другасныя (тыя, што толькі садзейнічалі ўзнікненню крылатасці выразаў з уласна лацінскіх і іншых першакрыніц). Комплексныя (дзве і больш) крыніцы прадстаўлены адной дыяхранічнай мадэллю «няўласна лацінскія + уласна лацінскія» з рознай колькасцю крыніц.

Уводзіны

У сучаснай беларускай літаратурнай мове ўжываюцца крылатыя словы, якія паходзяць як з уласна беларускіх, так і з іншамовных крыніц. Пэўная колькасць іншамовных запазычанняў крылатых слоў у беларускай мове трапіла ў яе з лацінскай мовы. Лацінскія запазычанні крылатых слоў у беларускай мове спецыяльна не вывучаліся, акрамя спробы этымалагізацыі асобных адзінак у «Этымалагічным слоўніку фразеалагізмаў» (2004) І. Я. Лепешава [1], а таксама спробы іх лексікаграфічнай рэпрэзентацыі ў тлумачальным слоўніку «Крылатыя выразы ў беларускай мове» (2004) пад рэдакцыяй Я. Я. Іванова [2].

Мэтай гэтага артыкула з'яўляецца ўдакладненне колькаснага складу і форм ужывання лацінскіх запазычанняў крылатых слоў у сучаснай беларускай літаратурнай мове, вызначэнне і дыферэнцыяцыя крыніц іх паходжання.

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне

1. Колькасны склад лацінскіх запазычанняў крылатых слоў. Агульная колькасць запазычанняў крылатых слоў з лацінскай мовы ў сучаснай беларускай літаратурнай мове (з улікам іх паўтарэнняў у розных тэкставых крыніцах) складае каля 170 адзінак. З іх у этымалагічным слоўніку фразеалагізмаў І. Я. Лепешава [1] зафіксавана 14 адзінак, у тлумачальным слоўніку крылатых выразаў пад рэдакцыяй Я. Я. Іванова [2] – 11 адзінак. Неапублікаваная калекцыя крылатых слоў, якія ўжываюцца ў сучаснай беларускай літаратурнай мове, сабраная С. Ф. Івановай і Я. Я. Івановым, змяшчае 44 адзінкі [3].

У выніку праведзенага аналізу тэкстаў розных функцыянальных стыляў мы вылучылі шляхам фронтальнай выбаркі яшчэ каля 100 адзінак, шырокае ўжыванне якіх у сучаснай беларускай літаратурнай мове пацвярджаецца шматлікімі прыкладамі.

Акрамя гэтага, у шасцімоўным слоўніку прыказак, прымавак і крылатых слоў «Proverbia et dicta» (1993) пад рэдакцыяй Н. А. Ганчаровай [4] змешчаны 43 адзінкі, аўтарства якіх адзначана. З гэтай колькасці толькі 4 адзінкі з'яўляюцца крылатымі паводле слоўнікаў І. Я. Лепешава [1] і Я. Я. Іванова [2], а таксама неапублікаванай калекцыі крылатых слоў, сабранай С. Ф. Івановай і Я. Я. Івановым [3], і нашых уласных падлікаў. Адначасова з гэтым сярод тых адзінак, аўтарства якіх не адзначана, на падставе аналізу існуючых лексікаграфічных крыніц [1], [2], [5] можна вылучыць 13 адзінак, якія з'яўляюцца крылатымі. Такім чынам, у шасцімоўным слоўніку прыказак, прымавак і крылатых слоў «Proverbia et dicta» (1993) пад рэдакцыяй Н. А. Ганчаровай змешчана 17 крылатых выразаў, якія ўжываюцца ў сучаснай беларускай літаратурнай мове.

У «Слоўніку беларускіх прыказак» ([1996] 2002) І. Я. Лепешава і М. А. Якалцэвіч [6] змешчаны 3 адзінкі, якія з'яўляюцца крылатымі. Адначасова з гэтым сярод тых адзінак, аўтарства якіх не адзначана, на падставе аналізу існуючых лексікаграфічных крыніц [1], [2], [5], можна вылучыць 5 адзінак, якія з'яўляюцца крылатымі. Такім чынам, у «Слоўніку беларускіх прыказак» ([1996] 2002) І. Я. Лепешава і М. А. Якалцэвіч змешчана 8 крылатых выразаў.

У зборніку «Набожнае слова і антычная мудрасць крочаць побач» (1997) У. В. Анічэнкі і А. А. Станкевіч [7] змешчана 388 адзінак, аўтарства якіх адзначана. З гэтай колькасці толькі 38 адзінак з'яўляюцца крылатымі паводле слоўнікаў І. Я. Лепешава [1] і Я. Я. Іванова [2], а таксама неапублікаванай калекцыі крылатых слоў, сабранай С. Ф. Івановай і Я. Я. Івановым [3], і нашых уласных падлікаў. Адначасова з гэтым сярод тых адзінак, аўтарства якіх не адзначана, на падставе аналізу існуючых лексікаграфічных крыніц [1], [2], [5] можна вылучыць 35 адзінак, якія з'яўляюцца крылатымі. Такім чынам, у зборніку «Набожнае слова і антычная мудрасць крочаць побач» (1997) У. В. Анічэнкі і А. А. Станкевіч зафіксаваны 73 крылатыя выразы, якія ўжываюцца ў сучаснай беларускай літаратурнай мове.

Крылатых слоў з іншых моў (пераважна старажытнагрэчаскай), якія трапілі, на наш погляд, у беларускую мову праз лацінскія тэксты, налічваецца 5 адзінак, з іх 1 зафіксавана ў этымалагічным слоўніку фразеалагізмаў І. Я. Лепешава [1], 1 змешчана ў слоўніку беларускіх прыказак І. Я. Лепешава і М. А. Якалцэвіч [6], 3 – у неапублікаванай калекцыі гэтых слоў, што ўжываюцца ў сучаснай беларускай літаратурнай мове, сабранай С. Ф. Івановай і Я. Я. Івановым [3].

2. Формы ўжывання лацінскіх запазычанняў крылатых слоў. Некаторыя лацінскія запазычанні крылатых слоў ужываюцца ў сучаснай беларускай літаратурнай мове (як і ў іншых еўрапейскіх мовах) толькі ў сваёй арыгінальнай форме, напр.: *terra incognita* (надпіс на старажытных геаграфічных картах, якім абазначаліся неадследзаныя часткі зямной паверхні) і інш.

Астатнія лацінскія запазычанні крылатых слоў маюць беларускія эквіваленты, пры гэтым часткова ўжываюцца як на мове арыгінала, так і на беларускай мове, напр.: *In vino veritas* і *Iscipina (праўда) ў віне* (Пліній Старэйшы, «Naturalis historia», XIV, 28, 22); *Sic transit gloria mundi* і *Так мінае (праходзіць) зямная слава* (выслоўе з афіцыйнага рытуалу абрання папы рымскага); *Cogito, ergo sum* і *Я думаю, значыць існую* (Р. Дэкарт, «Principia philosophiae», 1644); *homo sapiens* і *чалавек разумны* (К. Ліней, «Systema naturae», 1735) і інш.

Асноўная частка лацінскіх запазычанняў крылатых слоў ужываецца на беларускай мове, напр.: *Грошы не пахнуць (Non olet pecunia)* – выслоўе Веспасіяна, рымскага імператара ў 69–79 гг., які ўвёў падатак на грамадскія прыбіральні, а калі сын упікнуў бацьку за гэта, паднёс да яго носа сабраныя грошы і прапанаваў панюхаць, ці пахнуць яны, пра што згадваецца ў творы рымскага гісторыка Светонія «Vitae XII imperatorum», кніга 8 «Vita divi Vespasiani», 23); *Хлеба і відовішчаў! (Panem et circenses!* – Ювенал, «Satirae», X, 81); *філасофскі камень (lapis philosophorum* – выраз са старажытнага падання, вельмі папулярнага ў сярэднявеччы, у якім так называлася не існуючае ў прыродзе рэчыва, што нібыта магло пераўтвараць срэбра і іншыя металы ў золата, а таксама вылечваць усе хваробы) і інш.

3. Перыяды ўзнікнення крыніц паходжання лацінскіх крылатых слоў. Тэкставыя крыніцы крылатых слоў з лацінскай мовы ўзыходзяць да розных перыядаў яе існавання і вызначаюцца рознай прадуктыўнасцю «спараджэння» крылатых слоў. У пэўныя перыяды ўзнікала многа крылатых слоў, у іншыя – значна менш. Так, тэксты перыяду «позняй латыні» (II–VI стст.) «не далі» крылатых слоў.

Крыніцы паходжання лацінскіх крылатых слоў узыходзяць да наступных перыядаў развіцця лацінскай мовы¹.

1. Далітаратурны перыяд (да 240 г. да н. э.), напр.: *Адзін сведка – не сведка* < *Testis unus, testis nullus* (звод законаў рымскага звычайнага права «Leges duodecim tabularum», V ст. да н. э.); *Чалавек – каваль свайго лёсу* < *Faber est suae quisque fortunae* (выслоўе Апія Клаўдзія, рымскага консула ў 307 г. да н. э., пра што згадваецца ў творы рымскага гісторыка Салюстыя «Duae epistolae ad Caesarem senem de republica», I, 2: «Appius ait, fabrum esse suae quemque fortunae») і інш.

2. Старажытналітаратурны перыяд або «архаічная латынь» (240 г. – каля 100 да н. э.), напр.: *Чалавек чалавеку – воўк* < *Homo homini lupus est* (Плаўт, «Asinaria», 493–95); *Сказана – зроблена* < *Dictum factum* (Тэрэнцій, «Andria», 381) і інш.

¹ Перыядызацыя развіцця лацінскай мовы даецца паводле [8, 213].

3. Класічная «залатая латынь» (каля 100 г. да н. э. – 14 г. н. э.), напр.: *О час, о норавы! < O tempora! O mores!* (Цыцэрон, «In Catilinam», I, 1); *Жрэбій кінуты < Alea jacta est!* (выслоўе Юлія Цэзара, рымскага дыктатара ў 49–44 гг. да н. э., які ў 49 г. да н. э. прыняў смелае рашэнне адкрыта выступіць супраць рымскага сената, пра што згадваецца ў творы рымскага гісторыка Светонія «Vitae XII imperatorum», кніга I «Vita divi Ivli», 32); *залатая сярэдзіна < aurea mediocritas* (Гарацый, «Carmina», II, 10, 9); *Лепш пазна, чым ніколі < Potius sero quam nunquam* (Ціт Лівій, «Ab urbe condita», IV, 2, 11) і інш.

4. «Срэбная латынь» (14–200 гг.), напр.: *без гневу і прадузятасці < sine ira et studio* (Тацыт, «Annales ab excessu divi Augusti», I, 1); *Твор жыве сваім жыццём < Habent sua fata libelli* (Тэрэнцыян Маўр, «De litteris, syllabis et metris», 1286); *Хлеба і відовішчаў! < Panem et circenses!* (Ювенал, «Satirae», X, 81) і інш.

5. «Сярэднявечная латынь» (VII–XIV стст.), калі лацінская мова выкарыстоўвалася ў якасці літаратурнай для еўрапейскіх народаў, напр.: *Часы мяняюцца < i mi > < Omnia mutantur et nos mutamur in illis* (выслоўе франкскага імператара Лотара I, 795–855, пра што згадваецца ў кнізе нямецкага паэта М. Барбонія «Deliciae poetarum Germanorum», 1612) і інш.

6. Латынь эпохі гуманізму (XIV–XVI стст.), напр.: *бурыданаў асёл < Asinus Buridāni* (назва парадокса абсалютнай адсутнасці свабоды волі, аўтарам якога лічыцца французскі філосаф Ж. Бурыдан, каля 1300–1358 гг., і які заключаецца ў тым, што асёл, пастаўлены на роўнай адлегласці ад двух ахапкаў сена, нібыта павінен памерці з голаду, паколькі ніколі не здолее выбраць той ці іншы ахапак); *<O> святая прастата (наіўнасць)! < O sancta simplicitas!* (выраз з гістарычнага анекдота XV ст. пра ідэолага чэшскай Рэфармацыі Яна Гуса, які ён ужыў, калі быў асуджаны інквізіцыяй у Канстанцы на смерць 6 ліпеня 1415 г., знаходзячыся на вогнішчы, убачыў, як нейкая бабулька (па іншай версіі – стары) ў прастадушным рэлігійным памкненні прынесла ахапак вецця і кінула яго ў вогнішча); *востраў Утонія < nova insula Utopia* (выраз з назвы твора Т. Мора «De optimo statu rei publicae deque nova insula Utopia», 1516) і інш.

7. Латынь эпохі асветніцтва (XVII–XVIII стст.), калі лацінская мова застаецца мовай афіцыйных зносін (дыпламатыі, юрыспрудэнцыі) і навукі, напр.: *Веды – сіла < Scientia potestas est* (Ф. Бэкан, «Novum Organum», 1620: «Scientia et potentia humana in idem coincidunt»); *добрыя намеры < «Pia desideria»* (назва кнігі бельгійскага езуіта Г. Гуго, 1627); *Я думаю, значыць існую < Cogito, ergo sum* (Р. Дэкарт, «Principia philosophiae», 1644); *Невяданне – не доказ або Невуцтва – не аргумент (не апраўданне) < Ignorantia non est argumentum* (Б. Спіноза, «Ethica», 1677); *чалавек разумны < homo sapiens* (К. Ліней, «Systema naturae», 1735) і інш.

8. Перыяд «сучаснай латыні» (XIX–XX стст.), калі лацінская мова засталася толькі афіцыйнай мовай каталіцкай царквы (літургіі, царкоўнага справаводства), напр.: *Хутчэй, вышэй, мацней! < Citius, altius, fortius!* (афіцыйны дэвіз сучасных Алімпійскіх гульняў, які быў прапанаваны іх заснавальнікам французскім грамадскім дзеячам П. дэ Кубертэнам, зацверджаны Міжнародным Алімпійскім Камітэтам у 1913 г.) і інш.

4. Крыніцы паходжання лацінскіх запазычанняў крылатых слоў складаюць надзвычай гетэрагенную сукупнасць і таму патрабуюць класіфікацыі. Іх можна размежаваць, у першую чаргу, на адзінкавыя і комплексныя.

4.1. Адзінкавыя крыніцы дыферэнцыруюцца на першасныя (арыгінальныя) і другасныя (неарыгінальныя).

4.1.1. Першасныя крыніцы паходжання маюць толькі лацінскія запазычання крылатых слоў з уласна лацінскіх крыніц. Да гэтых крыніц адносяцца літаратурныя тэксты, фальклорныя творы, тэксты масавай камунікацыі, назвы твораў мастацтва, выказванні знакамітых асоб – гістарычных (дзяржаўных, палітычных, грамадскіх) дзеячаў, філосафаў і інш., а таксама ананімныя літаратурныя тэксты.

4.1.1.1. Літаратурныя крыніцы размяжоўваюцца на творы мастацкай літаратуры, эпістальныя тэксты, юрыдычныя тэксты, філасофскія творы, навуковыя і протанавуковыя творы і інш.

1. Мастацкія творы розных відаў і жанраў як крыніцы крылатых слоў падзяляюцца, у сваю чаргу, на паэтычныя і драматычныя:

а) **паэтычныя творы**, напр.: *белая варона* < *alba avis (corvus)* (Ювенал, «Satirae», VII, 202) і інш.;

б) **драматычныя:**

– трагедыя, напр.: *Праз цярні да зорак* < *Per aspera (ardua) ad astra* (Сенека, «Hercules furens», 441) і інш.;

– камедыя, напр.: *абяцаць залатыя горы* < *montes auri pollicēri* (Тэрэнцій, «Phormio», 67–68) і інш.

2. **Эпістальныя тэксты**, напр.: *Панера не чырванее* < *Epistula non erubescit* (Цыцэрон, «Ad familiares», V, 12, 1) і інш.

3. **Юрыдычныя тэксты** (пераважна са зводу законаў рымскага звычайнага права), напр.: *Няведанне не вызваляе ад пакарання* < *Imperitia pro culpa habētur* («Leges duodecim tabularum», V ст. да н. э.) і інш.

4. **Філасофскія творы**, напр.: *з пункту гледжання вечнасці* < *sub specie aeternitātis* (Б. Спіноза, «Ethica», 1677) і інш.

5. **Навуковыя і протанавуковыя творы**, напр.: *Ні дня без радка* < *Nulla dies sine linea* (Пліній Старэйшы, «Naturalis historia», XXXV, 36, 10) і інш.

4.1.1.2. Фальклорныя творы (легенды, паданні, міфы і інш.), напр.: *дзвухаблічны Янус* (выраз склаўся на аснове старажытнарымскай міфалогіі, дзе Янус – бог часу, а таксама пачатку і канца, уваходу і выхаду, якога на малюнках і ў скульптуры паказвалі з двума тварамі, звернутымі ў супрацьлеглыя бакі); *тры грацыі* (выраз склаўся на аснове старажытнарымскай міфалогіі, дзе грацыі – тры сястры, багіні маладосці, прыгажосці і радасці, якіх уяўлялі сабе ў выглядзе прыгожых дзяўчын); *філасофскі камень* < *lapis philosophorum* (выраз са старажытнага падання, вельмі папулярнага ў сярэднявеччы, у якім так называлася не існуючае ў прыродзе рэчыва, што нібыта магло пераўтвараць срэбра і іншыя металы ў золата, а таксама выпечваць усё хваробы) і інш.

4.1.1.3. Тэксты масавай камунікацыі:

– дэвіз, заклік, лозунг, напр.: *Смех выпраўляе (бічуе) норавы* < *Castīgat ridendo mores* (дэвіз італьянскай трупы камічнага акцёра Дамініка ў Парыжы, напісаны для яе новалацінскім паэтам Ж.-Б. дэ Сантэлем у XVII ст.); *Хутчэй, вышэй, мацней!* < *Citius, altius, fortius!* (афіцыйны дэвіз сучасных Алімпійскіх гульняў, які быў прапанаваны іх заснавальнікам французскім грамадскім дзеячам П. дэ Кубертэнам, зацверджаны Міжнародным Алімпійскім Камітэтам у 1913 г.) і інш.;

– мова афіцыйных рытуалаў, напр.: *ва векі вякоў* < *in saecula saeculōrum* (выраз з формулы праслаўлення Бога падчас хрысціянскага царкоўнага набажэнства) і інш.

4.1.1.4. Назвы твораў мастацтва (пераважна назвы літаратурных тэкстаў), напр.: *навука кахання* < «*Ars amandi*» (назва паэмы Авідзія, створанай у 2–1 да н. э.) і інш.

4.1.1.5. Выказванні знакамітых асоб – гістарычных (дзяржаўных, палітычных, грамадскіх) дзеячаў, філосафаў і інш.

1. **Дзяржаўных і палітычных дзеячаў**, напр.: *Чалавек – каваль свайго лёсу* < *Faber est suae quisque fortunae* (выслоўе Апія Клаўдзія, рымскага консула ў 307 г. да н. э., пра што згадваецца ў творы рымскага гісторыка Салюстыя «*Quae epistolae ad Caesarem senem de republica*», I, 2: «*Arrius ait, fabrum esse suae quemque fortunae*») і інш.

2. **Філосафаў**, напр.: *выключэнне з правіла* < *Nulla regula sine exceptione, sed exceptio non impedit regulam* (выслоўе Сенекі) і інш.

4.1.1.5. Ананімныя літаратурныя тэксты, напр.: *квадратура круга* < *quadratura circuli* (выраз з назвы вядомай з часоў антычнасці матэматычнай задачы аб пабудове з дапамогай цыркуля і лінейкі квадрата, роўнага па плошчы дадзенаму кругу, рашыць якую спрабавалі многія пакаленні матэматыкаў, аднак толькі ў 1882 г. было канчаткова даказана, што гэта немагчыма) і інш.

4.1.2. Другасныя крыніцы паходжання крылатых слоў не з’яўляюцца арыгінальнымі. Крылатыя словы з другасных крыніц былі запазычаны, у сваю чаргу, з іншых літаратурных, фальклорных і г. д. тэкстаў (першакрыніц). Дзякуючы аўтарытэту аўтараў другасных крыніц і/або вядомасці іх твораў такія выразы сталі шырока вядомымі і набылі «крылатасць». Пры гэтым звесткі аб першакрыніцы з’яўляюцца неактуальнымі (або ўвогуле невядомымі) для носьбітаў мовы (першая крыніца аказваецца забытай або напам’янутой, паколькі выраз стаў вядомым дзякуючы свайму другаснаму выкарыстанню).

У якасці другасных крыніц паходжання могуць выступаць усе вызначаныя вышэй крыніцы (гл. 4.1.1.).

Першакрыніцы тых выказаў, якія сталі крылатымі дзякуючы ўжыванню ў другасных крыніцах, могуць быць як уласна лацінскія, так і няўласна лацінскія (пераважна старажытнагрэчаскія).

4.1.2.1. Уласна лацінскія першакрыніцы прадстаўлены **выказваннямі знакамітых асоб** – гістарычных (дзяржаўных, палітычных, грамадскіх) дзеячаў і інш., напр.: *Часы мяняюцца <і мы мянемся разам з імі>* < *Tempora mutantur nos et mutamur in illis* (выслоўе франкасага імператара Лотара I: «Omnia mutantur et nos mutamur in illis», пра што згадваецца ў кнізе нямецкага паэта М. Барбонія «*Deliciae poetarum Germanorum*», 1612; стала шырока вядомым пасля выхаду ў свет зборніка вершаў Дж. Оўэна «*Epigrammata*», 1613) і інш.

4.1.2.2. Няўласна лацінскія першакрыніцы – гэта літаратурныя, фальклорныя творы і інш.

1. **Літаратурныя творы**, напр.: *Дзе добра, там і айчына (радзіма)* < *Ubi bene, ibi patria* (выслоўе паходзіць з невядомага верша Сафокла [5, 810–811], які перакладзена ў камедыі Арыстафана «*Πλοῦτος*», 1151, перакладзенай на лацінскую мову «*Plutus*», і паўторана ў аднайменнай трагедыі Пакувія; стала крылатым пасля таго, як Цыцэрон перафразаваў варыянт Пакувія ў «*Tusculanae disputationes*», V, 37, 108: «Itaque ad omnem rationem Teucerі vox accommodari potest: **Patria est ubicumque est bene**») і інш.

2. **Фальклорныя творы**, напр.: *яблык разладу* < *malum discordiae* (выраз склаўся на аснове старажытнагрэчаскага міфа пра багіню разладу Эрыду; стаў крылатым пасля таго, як яго ўжыў рымскі гісторык Юсцін, II–III стст.) і інш.

4.2. Комплексныя крыніцы паходжання крылатых слоў, запазычаных з лацінскай у беларускую мову, – гэта сукупнасць некалькіх крыніц, кожная з якіх з’яўляецца актуальнай для носьбітаў беларускай мовы. У выніку аналізу моўнага матэрыялу вылучана наступная дыяхранічная мадэль комплексных крыніц з рознай колькаснай прадстаўленасцю яе кампанентаў.

Няўласна лацінскія крыніцы + уласна лацінскія крыніцы, напр.:

Маўчанне – знак згоды < *Silentium videtur confessio* або *Qui tacet – consentire videtur* (выслоўе з трагедыі Сафокла «*Τραχίνια*», III, вядомай з 439 г. да н. э., перакладзенай на лацінскую мову «*Trachiniae*»; выслоўе з твора Сенекі Старэйшага «*Controversiae*», X, 2, 6; выслоўе са зводу законаў рымскага звычайнага права «*Leges duodecim tabularum*», V ст. да н. э.; выслоўе, змешчанае папай рымскім у 1294–1303 гг. Баніфацыем VIII у зборнік папскіх дэкрэтаў і канонаў «*Sextus*», 1298 – трэцюю частку зводу законаў кананічнага права «*Corpus juris canonici*»);

Жыццё – барацьба < *Vivere militare est* (выслоўе з трагедыі Эўрыпіда «*Ἰκέτιδες*», 550–551, вядомай з 423 г. да н. э., перакладзенай на лацінскую мову «*Supplices*»; выслоўе з твора Сенекі «*Epistolae morales*», 96, 5, вядомага з 64 н. э.; выслоўе з лацінскага перакладу Св. Пісання 1546 г. «*Biblia sacra vulgatae editionis*», Iob, 7, 1: «*Militia est vita hominis*»; выслоўе М. Лютэра: «*Muss der Mensch immer im Streit sein auf der Erden?*» [9, 409]; выслоўе з трагедыі Вальтэра «*Le Fanatisme, ou Mahomet le prophète*», 1736: «*Ma vie est un combat*») і інш.

Вывады

Агульная колькасць лацінскіх запазычанняў крылатых слоў складае ў сучаснай беларускай літаратурнай мове каля 170 адзінак. З іх большасць паходзіць з уласна лацінскіх крыніц – каля 97% (164 адзінкі). Невялікая колькасць адзінак – каля 3% (5 адзінак) – была запазычана лацінскімі аўтарамі з іншых (пераважна старажытнагрэчаскіх) крыніц.

Некаторыя лацінскія запазычаныя крылатых слоў ужываюцца ў сучаснай беларускай літаратурнай мове (як і ў іншых еўрапейскіх мовах) толькі ў сваёй арыгінальнай форме. Астатнія лацінскія запазычаныя крылатых слоў маюць беларускія эквіваленты, пры гэтым часткова ўжываюцца як на мове арыгінала, так і на беларускай мове. Асноўная частка лацінскіх запазычанняў крылатых слоў ужываецца на беларускай мове.

Тэкставыя крыніцы крылатых слоў з лацінскай мовы ўзыходзяць да розных перыядаў яе існавання і вызначаюцца рознай прадуктыўнасцю «спараджэння» крылатых слоў. Найбольшая колькасць крылатых слоў паходзіць з крыніц перыяду класічнай «залатой латыні» (каля 100 г. да н. э. – 14 г. н. э.).

Крыніцы паходжання крылатых слоў размяжоўваюцца на адзінкавыя і комплексныя. Адзінкавыя крыніцы дыферэнцыруюцца на першасныя (арыгінальныя) і другасныя (неарыгінальныя).

Першасныя крыніцы паходжання маюць толькі лацінскія запазычанні крылатых слоў з уласна лацінскіх крыніц (літаратурных і фальклорных твораў, тэкстаў масавай камунікацыі, назваў твораў мастацтва, выказванняў знакамітых асоб, ананімных літаратурных тэкстаў). Літаратурныя крыніцы размяжоўваюцца на творы мастацкай літаратуры (паэтычныя; драматычныя – трагедыя, камедыя), эпісталярныя, юрыдычныя, філасофскія, навуковыя і протанавуковыя творы.

Другасныя крыніцы паходжання крылатых слоў не з’яўляюцца арыгінальнымі. Першакрыніцы тых выказаў, якія сталі крылатымі дзякуючы ўжыванню ў другасных крыніцах, могуць быць як уласна лацінскія (выказванні знакамітых асоб), так і няўласна лацінскія – пераважна старажытнагрэчаскія (літаратурныя і фальклорныя творы).

Комплексныя крыніцы паходжання крылатых слоў прадстаўлены адной дыяхранічнай мадэллю «няўласна лацінскія + уласна лацінскія» з рознай колькасцю крыніц.

Прапанаваная класіфікацыя крыніц паходжання лацінскіх запазычанняў крылатых слоў у сучаснай беларускай літаратурнай мове з’яўляецца адкрытай і можа ўдакладняцца і дапаўняцца.

Літаратура

1. Лепешаў, І. Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў / І. Я. Лепешаў. – Мінск : БелЭн, 2004. – 448 с.
2. Крылатыя выразы ў беларускай мове : в 2 ч. / аўт.-склад : С. В. Венедзіктаў [і інш.] – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2004. – Ч. 1 : 3 іншамовных (еўрапейскіх і амерыканскіх) крыніц XII–XX стст. : тлумачальны слоўнік / пад рэд. Я. Я. Іванова. – 136 с.
3. Іванова, С. Ф. Крылатыя выразы ў беларускай мове: 3 лацінскіх крыніц / С. Ф. Іванова, Я. Я. Іваноў. – Магілёў, 2009. – 45 с. (рукапіс).
4. Proverbia et dicta : шасцімоўны слоўнік прыказак, прымавак і крылатых слоў / пад рэд. Н. А. Ганчаровай [і інш.]. – Мінск : Універсітэцкае, 1993. – 255 с.
5. Бабичев, Н. Т. Словарь латинских крылатых слов / Н. Т. Бабичев, Я. М. Боровский ; под ред. Я. М. Боровского. – М. : ТЕРРА, 1997. – 960 с.
6. Лепешаў, І. Я. Слоўнік беларускіх прыказак [1996] / І. Я. Лепешаў, М. А. Якалцэвіч. – 2-е выд., дап. – Мінск : Беларуская навука, 2002. – 551 с.
7. Анічэнка, У. В. Набожнае слова і антычная мудрасць кроцаць побач / У. В. Анічэнка, А. А. Станкевіч ; ГДУ імя Ф. Скарыны, Гомельскае епархіяльнае ўпраўленне. – Гомель, 1997. – 220 с.
8. Науменко, Л. А. Латинский язык / Л. А. Науменко // Большая советская энциклопедия : в 30 т. – 3-е изд. – М. : Советская энциклопедия, 1973. – Т. 14. – С. 213–214.
9. Büchmann, G. Geflügelte Worte. Der Zitatenschatz des deutschen Volkes / G. Büchmann. – 32 Aufl. – Berlin : Haude & Spenersche Verlagsbuchhandlung, 1972. – XVI, 1039 S.

Summary

The article reveals the amount, forms of usage and sources of the winged words borrowed from Latin into the modern Belarusian literary language. Text sources of the winged words from Latin date back to different periods of its development. The largest quantity of the winged words goes back to the period of the Classic «Golden Latin» (about 100 BC – 14 AD). The etymological sources of the winged words can be divided into simple and complex. Simple sources are further subdivided into primary (Latin proper) and secondary (which contributed to the emergence of winged words from proper Latin and other primary sources). Complex (two or more) sources are represented by one diachronic pattern «Non-Latin + proper Latin» with different number of sources.

Паступіў у рэдакцыю 01.12.09.

УДК 811.161.1'42:81.161.1'221.4

*А. Ю. Крохмальник***ЯЗЫКОВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ВЗАИМОНАПРАВЛЕННОГО ВИЗУАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ
В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ**

В статье рассматриваются особенности реализации невербальной окулесической коммуникации, представленной в художественных текстах. Определяется состав и семантика лексико-фразеологических средств, репрезентирующих такие способы визуального взаимодействия, как обмен взглядами и встреча взглядов. Визуальное взаимодействие характеризуется как значимый элемент коммуникации, обеспечивающий высокий уровень взаимопонимания.

Введение

Коммуникативные намерения человека, как и характеристики его внутреннего мира, в значительной мере передаются через глаза. Установлено, что в ходе обычной беседы двух людей взаимный окулесический контакт составляет 30 процентов всего временного объема общения, а длительность одного коммуникативного глазного взаимодействия длится всего полторы секунды [1, 159]. Визуальное общение является способом передачи не только определенных эмоций и ощущений, но и сугубо коммуникативной информации. Общение собеседников предполагает обмен взглядами, который в ходе повседневных вербальных взаимодействий (совместно с целым комплексом кинесических и такесических проявлений) выполняет контактоустанавливающую и регулирующую функцию. Взаимонаправленный взгляд в целом считается необходимым условием зарождения собственно речевых навыков, поскольку участники коммуникативного акта используют значимый взгляд как реплику-стимул либо как реплику-реакцию [2, 38]. Визуальный контакт в целом весьма важен при оценке собеседника: «Наши чувства к человеку очень сильно зависят от обмена взглядами (зрительного контакта)» [3].

Широко представленное в художественных текстах визуальное общение имеет различные способы лексико-фразеологического выражения, выявление и характеристика которых относятся к числу важных задач теории коммуникации в целом. На основании выборки текстов, извлеченных из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru), включающих в себя языковые реализации коммуникативных компонентов окулесической природы, нами было выделено около пятидесяти примеров невербальных окулесических коммуникативных взаимодействий, которые представлены целым рядом ключевых слов. Основным критерием отбора наиболее презентабельного фактического материала явилось наличие в нем лексемы *взгляд*, имеющей ярко выраженную коммуникативно значимую функцию.

Цель данного исследования заключается в выявлении особенностей языковой реализации невербальных окулесических компонентов коммуникации в художественных текстах.

Результаты исследования и их обсуждение

В значительном количестве контекстов компоненты визуальной коммуникации представлены словами и словосочетаниями, которые вербализуют такие виды невербального общения, как непосредственный обмен взглядами и встреча взглядов.

1. При непосредственном обмене взглядами визуальные «реплики» коммуникантов характеризуются согласованностью проявления, комплексностью взаимодействия, т. е. «единством времени и места». Основное содержание подобных взглядов – взаимная передача важной, существенной для коммуникантов информации в присутствии третьих лиц, которые, как правило, намеренно «выключаются» из общения. Таким образом, визуальное взаимодействие коммуникантов имеет в этом случае согласованный, конвенциональный характер. Средствами обмена визуальной информацией в таком случае могут являться аналитические словосочетания *обменяться (поменяться) взглядами*, глагол *переглядываться*, а также окказиональное метафорическое словосочетание *вести войну взглядами*.

Взаимный обмен взглядами как самодостаточный эквивалент вербальной коммуникации осуществляется между людьми, располагающими значимой для определенной ситуации прецедентной информацией и в чем-то близкими между собой: «Обычно обмен взглядами и улыбками знаменует взаимопонимание и душевную близость героев» [4, 24]. Сравн.: *У меня*

голова болит, – повторил Волынец и вышел вон. Александра Павловна и Лежнев посмотрели ему вслед и обменялись взглядом, но ничего не сказали друг другу. Ни для него, ни для нее не было тайной, что происходило в сердце Волынцева (И. С. Тургенев. Рудин). *Коля с бокалом в руке отправился вдоль стола благодарить отца и целоваться со всеми. Нежданову опять пришлось поменяться взглядами с Марианной... Оба они, вероятно, ощущали одно и то же... Но друг с другом они не говорили* (И. С. Тургенев. Ночь). Как видим, в обоих случаях выявляется важность окулесического взаимодействия при полном отсутствии вербальной коммуникации, что подчеркивается синтаксическими конструкциями *но ничего не сказали друг другу; но друг с другом они не говорили*. Противительный союз *но* в этом случае не только противопоставляет два способа коммуникации – реальный невербальный и потенциально возможный вербальный, но и указывает на коммуникативную значимость, ситуативно обусловленную «предпочтительность» визуального взаимодействия «при посторонних», а также на деликатность, внутреннюю культуру коммуникантов. Вполне закономерно, что в современных лексикографических источниках словосочетание *говорящие глаза* фиксируются как самостоятельная языковая единица [5, 97].

Взаимонаправленная визуальная коммуникация может быть представлена словосочетанием *перемолвиться молчаливыми взглядами*: *Альтанская была от нас в нескольких шагах и тоже, словно по какому-то предчувствию, оборотилась – и они перемолвились с моею матерью молчаливыми взглядами, из которых я тогда не понял ничего* (Н. С. Лесков. Детские годы). В данном контексте «эксклюзивность» взаимонаправленного взгляда выражается писателем при помощи метафоры, обозначающей речевое взаимодействие женщины, недоступное для восприятия постороннего лица, в данном случае – ребенка. Очевидно, что в глаголе *перемолвиться* префикс *пере-* как компонент конфикса *пере-...ся* иллюстрирует оттенок значения, предполагающий, что коммуниканты «находятся в ситуации, не предусматривающей речевой контакт друг с другом» [6]. Словосочетание *перемолвиться молчаливыми взглядами* имеет оксюморонный характер, поскольку значение разговорного глагола *перемолвиться* ‘обменяться словами, переговорить о чем-н.’ отчетливо указывает на его сугубо вербальную функцию, в то время как значение адъектива *молчаливый* – ‘выражаемый или понимаемый без слов’ – свидетельствует об отсутствии словесного выражения в семантике этой лексической единицы. Приведенное индивидуально-авторское словосочетание, несомненно, является ярким средством художественной выразительности.

Обмен взглядами как коммуникативный акт может быть вербализован также синтетически – при помощи глагола *переглядываться* ‘обменяться быстрым и многозначительным взглядом’: *У Лидии Ивановны всякий раз, когда она взглядывала на авторитет, захватывало дыхание, и что бы ни сказал он, хотя бы просто: «Какая сегодня скверная погода!» или что-нибудь подобное, члены семейства значительно переглядывались между собою, как бы желая сказать этим взглядом: «У! Как глубоко!»* (И. И. Панаев. Опыт о хлыщах).

Очевидно, что в приведенном контексте с помощью сравнительной конструкции выражена соотнесенность визуального и речевого общения: коммуникативно значимое (наполненное особым, хорошо известным коммуникантам прецедентным смыслом) «переглядывание» фактически приравнивается к вербальному выражению положительных эмоций. Предпочтительность визуальной коммуникации в этом случае объясняется достаточной осведомленностью партнеров по общению (в данном случае – членов семейства) о лице, являющемся предметом их внимания, и неуместностью речевого взаимодействия (обмена репликами-характеристиками) по данному вопросу в присутствии этого лица.

Отдельного комментирования заслуживает контекст, в котором визуальная коммуникация реализуется при помощи индивидуально-авторского метафорического устойчивого словосочетания *вести войну взглядами*: *Потом, когда он вернулся, мы вдвоем начали уговаривать Сонечку позвать Лизу. Она исполнила нашу просьбу, и я опять вел войну взглядами с Лизой и на прощанье подал ей, сверх обыкновения, свою руку.* (С. Я. Надсон. Дневники). Известно, что война как биологическое, психологическое и социальное явление предполагает полноценную реализацию всех составляющих человеческой природы и в широком смысле слова является особым актом коммуникации [6, 63]. Использование слова *война*, семантика которого (‘борьба, враждебные отношения с кем, чем-нибудь’) отчетливо отражает представление о враждебном взаимодействии, в данном случае подчеркиваются неприязненные, в чем-то непримиримые отношения между коммуникантами.

2. Встреча взглядов, которая (в отличие от согласованного обмена взглядами) является непреднамеренной, неконвенциональной, представлена в художественных текстах как действия, совершающиеся синхронно и асинхронно.

Синхронное визуальное взаимодействие, выражающееся при помощи глагола *встретиться* в составе предикативных сочетаний *глаза (взгляды, взоры) встретились (скрестились)*, характеризуется одновременностью, спонтанностью, непреднамеренной, «мистической» согласованностью: Сравн.: *Раза два их взоры скрестились и встретились – и чувствовал он, что выходит это невольно, как-то само собой* (В. В. Крестовский. Панургово стадо). Как видим, в данном случае визуальная коммуникация носит произвольный характер, что следует из авторского пояснения невербального общения: *выходит это невольно, как-то само собою*. Подобное визуальное взаимодействие свидетельствует об интересе главных героев друг к другу, их особой «взаимной притягательности».

Асинхронное визуальное взаимодействие отличается более интенсивным визуальным контактом со стороны одного из коммуникантов. При этом возникает своеобразное «коммуникативное неравноправие» партнеров по общению, и адресат подобного воздействия взглядом испытывает явный либо скрытый дискомфорт, неловкость.

В некоторых случаях встреча взглядов может иметь фатический, т. е. контактоустанавливающий характер. Сравн.: *Черкес держался чутко, настороже. Острый взгляд его опять быстро обжегал всех находившихся в комнате, и вдруг я почувствовал его на себе. Глаза наши встретились. Он рассмотрел мое лицо, мое платье, мой чемодан, стоявший у дивана, опять взглянул на солдат и составил свое заключение* (В. Г. Короленко. Черкес). Встреча взглядов в данном контексте отражает изучение адресантом намерений и личности адресата для составления психологического портрета каждого из присутствующих, что, возможно, необходимо ему для воздействия на партнеров по коммуникации. Семантически в этом случае реализован асинхронный взгляд, поскольку визуальное воздействие адресанта является активным (можно даже говорить о его изучающем, «сканирующем» характере), в то время как взгляд рассказчика пассивен не только в смысле отсутствия ответа, но и в смысле подверженности «визуальному нападению». Следует также обратить внимание на определение, характеризующее взгляд адресанта – *острый*, т. е. «проницательный, хорошо воспринимающий», которое указывает на целенаправленность визуального акта и его воздействие на адресата: *я почувствовал его [взгляд] на себе*.

Как отмечает А. Н. Баранов, слово *встреча* относится к дискурсивным, т. е. речеобразующим словам русского языка [7, 19]. Указанная лексема выполняет данную функцию не только по отношению к встрече людей (субъектов коммуникации), но и по отношению к визуальному взаимодействию. Если глагол *встретиться* «сойтись» в большинстве случаев предполагает совместное прибытие в одно и то же место, то глагол *встретить* «испытать, получить (направленное к себе)» обозначает подверженность чему-либо (в данном случае – взгляду) со стороны партнера по общению. Подобный акт коммуникации является событийно значимым, и именно поэтому в контекстах, иллюстрирующих встречу взглядов, реализуется невербальная коммуникация как важный сюжетобразующий фактор. Главные идентификаторы в рассматриваемой подгруппе отображают взгляд как субъект действия при встрече (*взгляды встречались*) либо как инструмент (*встречаться взглядом*).

Как свидетельствует собранный материал, при асинхронном, разновременном визуальном взаимодействии встречаемый взгляд (в отличие от синхронного действия, где констатируется лишь факт самого взаимодействия) обычно сопровождается дополнительными характеристиками, в роли которых могут выступать маркеры полярных эмоциональных состояний – как позитивных (страсти, вдохновения), так и негативных (напряжения, духовной тяжести, переживания). Такие характеристики чаще всего репрезентируются эпитетами, именами прилагательными либо причастными оборотами при именах существительных *взгляд, взор*. Сравн.: *Катерина перевела дух, усмехнулась новой думе своей и хотела было продолжать, но вдруг сверкающий взгляд ее встретил воспаленный, прикованный к ней взгляд Ордынова. Она вздрогнула, хотела было что-то сказать, но кровь залила ей лицо... Словно в беспомощности закрылась она руками и бросилась лицом на подушки* (Ф. М. Достоевский. Хозяйка).

Асинхронный характер коммуникативного акта проявляется в этом случае в неравноценности визуального взаимодействия: *сверкающий*, т. е. выражающий сильные чувства (но не «воздействующий») взгляд Катерины встречается с *воспаленным* (горящим,

возбужденным) и *прикованным к ней* (пристально устремленным на нее) взглядом Ордынова. Несомненно, встреча взглядами в данном случае носит детерминирующий, ключевой характер в развитии взаимоотношений между героями: радостный, сияющий взгляд Катерины вызывает в Ордынове состояние любовного возбуждения, передающееся выразительным взглядом, под воздействием которого героя испытывает эмоциональное потрясение, сравниваемое с беспамятством.

Сходная ситуация представлена и в отрывке из романа И. А. Гончарова «Обломов»: *Она мгновенно оставила его руку и изменилась в лице. Ее взгляд встретился с его взглядом, устремленным на нее: взгляд этот был неподвижный, почти безумный; им глядел не Обломов, а страсть. <...> Он опомнился, взял шляпу и, не оглядываясь, выбежал из комнаты.* Как и в предыдущем примере, здесь реализован направленный, активный, откровенно «говорящий» взгляд, который выявляет глубокие чувства героя в состоянии любовного объяснения. Близка в обоих случаях и характеристика взглядов: *почти безумный* и *словно в беспамятстве*. Но, в отличие от вышеприведенного контекста, эмоциональное потрясение, вызванное коммуникативно значимым взглядом, испытывает его адресант, в то время как состояние адресата в контексте не указывается.

Выводы

Таким образом, обмен взглядами всегда является активным и взаимонаправленным, а встреча взглядов характеризуется произвольностью и в ряде случаев – случайностью, непреднамеренностью (коммуникативные статусы партнеров эквивалентны) и асинхронностью (при интенсивном визуальном воздействии одного из партнеров). Кроме того, обмен взглядами можно определить как обмен эквивалентной информацией, а встреча взглядов характеризуется прежде всего эмоциональной стороной, выявляющей личностные качества коммуниканта. Так, глаголы *поменяться/обменяться, перемолвиться (взглядами)*, а также словосочетание *вести войну взглядами* в своей семантике содержат элемент взаимной передачи друг другу определенных сведений (информации), а глаголы *встретиться (взглядами), встретить (взгляд)* употреблены в контекстах, которые отражают воздействие одного партнера по общению на другого. При этом происходит не столько передача значимой информации, сколько выражение определенных чувств, эмоций, намерений коммуникантов.

Литература

1. Argyle, M. Bodily communication. University paperbacks (volume 581) [Текст] / M. Argyle. – NY, Taylor & Francis, 1988. – 363 p.
2. Weitz, S. Nonverbal communication: readings with commentary [Текст] / S. Weitz. – Oxford University Press, 1979. – 434 p.
3. Нэпп, М. Невербальное общение : учеб. : [визуальный контакт, прикосновения, голосовые сигналы, паузы и молчание, внешность] [Текст] / М. Нэпп, Дж. Холл. – М. : Olma Media Group, 2004. – 340 с.
4. Крейдлин, Г. Е. Словарь языка русских жестов / Г. Е. Крейдлин, Н. В. Григорьев, С. А. Григорьева // Язык, семиотика, культура [Текст]. – М. : Языки русской культуры, 2001. – Т. 49 : Wiener slawistischer Almanach. – 254 с.
5. Демидова, А. К. Русский глагол и его причастные формы: толково-грамматический словарь [Текст] / А. К. Демидова, И. К. Сазонова, Э. А. Смирнов. – М. : Русский язык, 1989. – 587 с.
6. Зуева, К. П. Вопреки духу времени: некоторые проблемы теории и практики международных отношений в работах Раймона Арона [Текст] / К. П. Зуева. – М. : Наука, 1979. – 133 с.
7. Баранов, А. Н. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка [Текст] / А. Н. Баранов, В. А. Шунгян, Е. В. Рахилина. – М. : Помовский и партнеры, 1993. – 207 с.

Summary

The article describes the main features of nonverbal oculesic communication realization represented in artistic texts. The article also shows the structure and semantics of lexical and phraseological means present such visual interaction ways as eyes-changing and eyes-meeting. The visual interaction is characterized as an important communicative element that provides the high level of mutual understanding.

Поступила в редакцию 12.02.10.

УДК 398

А. Ю. Лозка

РЭСТАЎРАЦЫЯ І РЭКАНСТРУКЦЫЯ Ў ФАЛЬКЛАРЫСТЫЦЫ

Упершыню даследуюцца тэарэтычны аспект паняццяў рэстаўрацыі і рэканструкцыі ў беларускай фалькларыстыцы. Асобна разглядаюцца такія асноўныя метады рэстаўрацыі фальклорнага факта, як кансервацыя, аднаўленне, прыстасаванне, рэканструкцыя і ўласна рэстаўрацыя. Вызначаюцца ўзроўні ступені даставернасці рэстаўрацыі, метады якой адносяцца аўтарам да вышэйшай якасці, а рэканструкцыя культурных артэфактаў – да ніжэйшай, ці прыблізнага навукова-гіпатэтычнага даследавання.

Уводзіны

Пытанні рэканструкцыі і рэстаўрацыі тэкстаў народных твораў, абрадаў і свят у фалькларыстыцы мала вывучаны. Добрыя здабыткі маюцца ў архітэктуры, нават у літаратуразнаўстве, мовазнаўстве і археалогіі. Сюды можна дадаць і выдатную дзейнасць некаторых рэстаўратараў старадаўніх музычных інструментаў і іншае. Пытанні рэканструкцыі займаюцца ці займаліся рускія навукоўцы Дз. Ліхачоў, І. Грабар, Б. Рыбакоў, М. Талстой, С. Талстая, І. Зямцоўскі, В. Іваноў, У. Тапароў, Б. Пуцілаў, Т. Агапкіна, А. Байбурын, А. Тапаркоў, Т. Бернштам, Б. Успенскі і інш. У 80-х гадах ХХ стагоддзя на старонках часопіса «Советская этнография» [1] сярод вядучых расійскіх фалькларыстаў і этнографіаў разгарнулася дыскусія па тэарэтычных пытаннях рэканструкцыі традыцыйнай спадчыны, якая прыцягнула ўвагу да даследаванняў, звязаных з славянскай духоўнай культурай, і дала некаторыя адказы на ўзнятую праблему. І ў той жа час паняцці «рэканструкцыя», «рэстаўрацыя», «кансервацыя» і іншыя не ўвайшлі нават у слоўнік навуковай і народнай тэрміналогіі «Усходнеславянскі фальклор» [2].

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне

Рэстаўрацыя (ад познелатінскага *restauratio* – аднаўленне). Энцыклапедыя тлумачыць паняцце, якое больш вядома ў архітэктуры і мастацтве, як «умацаванне і аднаўленне разбураных, пашкоджаных або скажонных помнікаў гісторыі і культуры ... для выяўлення іх гістарычнай і мастацкай каштоўнасці, падаўжэння іх веку і ўключэння ў сучаснае жыццё» [3, 580]. Вельмі прыдатны ў гэтым аднаўленні і найбольш надзейны сродак і спосаб – народная памяць, якая ўтрымлівае розныя старадаўнія творы і звычаі.

Рэстаўрацыя праводзіцца рознымі навукова-даследчымі метадамі. У многім яны падобны на тыя, якімі карыстаюцца спецыялісты па ахове помнікаў гісторыі і культуры. А такімі метадамі сучаснай рэстаўрацыі з'яўляюцца: кансервацыя, аднаўленне, прыстасаванне, рэканструкцыя (згодна з навукова абгрунтаванымі данымі), уласна рэстаўрацыя [3, 580].

Кансервацыя (ад лац. *conservatio* захаванне) ў фалькларыстыцы азначае пісьмовую, гукавую ці іншую захаванасць фальклорных фактаў. Тут вылучаецца некалькі сродкаў. Па-першае, агульна прызнана, што беларуская фальклорная спадчына з'яўляецца найбольш кансерватыўнай у Еўропе. Гэта значыць, што спрыяльныя ўмовы бытавання вуснай народнай творчасці, якія захоўваюць яе ад розных разбуральных трансфармацый, з'яўляюцца надзейным фактарам кансервацыі. Па нашых ранейшых даследаваннях вынікае, што значныя сюжэтна-кампазіцыйныя, паэтыка-тэксталагічныя змены адбываюцца ў прасторавым руху песеннага тэксту, а менш – у часавым, найбольшыя – у прасторава-часавым руху песні [4, 98]. Гэтае палажэнне з'яўляецца важным для рэстаўратараў. Любы жыццёвы факт, які атрымаў фальклорнае асэнсаванне, прайшоў пэўны час фалькларызацыі, захаваўся ў прыказках, песнях, легендах і іншых жанрах, становіцца фактам кансервацыі, але, безумоўна, вуснапаэтычныя тэксты поўнасю не застрахованы ад разбурэння і асабліва ў часава-прасторавай трансфармацыі. Гэта значыць, што пэўны фальклорны тэкст знаходзіцца ў жывым бытаванні на працягу доўгага часу і падвяргаецца перайманню, запазычванню асабліва ў іншаэтнічныя рэгіёны, тэрыторыі з рознымі культурнымі і дыялектнымі традыцыямі.

Асноўным метадам кансервацыі ў фалькларыстыцы з'яўляецца занатаванне (запіс) вуснага твора: а) пісьмовае, б) фанаграфічнае, в) відэа-, кіна- і іншатэхнічнае. Чым вышэйшы ўзровень тэхнікі, тым больш надзейная кансервацыя. Нездарма ў «Сусветнай дэкларацыі культурнай разнастайнасці» зафіксаваны наступныя артыкулы: «Спрыяць “дэгітальнай (у рамках лічбавых тэхналогій) пісьменнасці” і ўдасканальванню новых інфармацыйных і камунікацыйных тэхналогій, якія павінны разглядацца як адукацыйная дысцыпліна і як педагагічны сродак...»; «Распрацоўваць палітыку і стратэгію захавання і ўзбагачэння культурнай і прыроднай спадчыны, а перш за ўсё вуснай і нематэрыяльнай...» [5, 13–14].

Неабходна таксама адрозніваць рэстаўрацыю саміх сродкаў кансервацыі, якія, напрыклад, звязаны з пашкоджанымі магнітафоннымі, відэа- і кінастужкамі, дзе адлюстраваны факты традыцыйнай культуры.

Пад **аднаўленнем** у фалькларыстыцы, на нашу думку, неабходна разумець працэсы ўзнаўлення абрадаў, свят, звычаяў, песень і г. д. па наяўных рэштках. Сюды, напрыклад, можна аднесці звычайнае капіраванне ці размнажэнне матэрыялу, што звязана і з кансервацыяй, і з частковай рэстаўрацыяй. Як вядома, многія фальклорныя творы былі запісаны ў XVIII–XX стст. і захоўваюцца ў рукапісах архіваў. Іншы раз уяўляе даволі цяжкую справу прачытанне тэкстаў, якія напісаны рознымі, у тым ліку дрэнна чытабельнымі почыркамі, а затым наступнае іх уключэнне ў зборнікі. Тое ж датычыць і размнажэння матэрыялу, зробленага на старадаўніх фанографах, а таксама і на магнітафонах.

Акадэмік Дз. Ліхачоў заўважаў, што «ўсякае выданне тэксту патрабуе яго вызвалення ад апісак – устанаўлення тэксту ў тым выглядзе, як яго разумёў перапісчык. Менавіта вызваленне тэксту ад апісак не ёсць яшчэ рэканструкцыя. Гэта абавязак *выдаўца, але не рэканструктара* (выдзелена намі – А. Л.). Да паняцця рэканструкцыі найбольш падыходзіць тое, што гаворыць І. Э. Грабар пра «аднаўленне». І. Э. Грабар піша: «У паняцці “рэстаўрацыі” неабходна адрозніваць два моманты – момант рамонту і момант аднаўлення» [6, 462]. На нашу думку, там, дзе вядомы тэксталаг разважае пра «выдаўца», у нашым выпадку неабходна разумець «рэстаўратара», бо і пацвярджаецца затым словамі І. Э. Грабара.

Асобным відам аднаўлення і метадам рэстаўрацыі неабходна лічыць **адраджэнне**. Гэта – працэс вяртання і пераасэнсавання духоўных здабыткаў нацыі пасля іх занябання.

Наступны метада – **прыстасаванне**. Тут павінна ісці размова пра прыстасаванне пэўнага твора да адпаведнага перыяду гісторыі. Даследчык не выпраўляе тэкст, а на аснове канкрэтнага вывучэння гісторыі тэкстаў, іх асаблівасцей, мовы, стылю і г. д., імкнецца распазнаць час і месца яго бытавання. Прыкладам тут можа служыць рэканструкцыя згубленых частак «Хронікі Быхаўца», калі даследчыкі прыстасавалі да яе асобныя часткі з «Хронікі польскай, літоўскай, жамоіцкай і ўсяе Русі» М. Стрыйкоўскага і з Галіцка-Валынскага летапісу.

Уласна рэстаўрацыя таксама лічыцца адным з метадаў рэстаўрацыі. Пад ёй разумеюцца невялікія аднаўленчыя работы, часцей касметычнага плану, што не закранаюць увесь аб'ект, а толькі частку яго. Прасцейшыя рэстаўрацыйныя элементы можна знайсці ў кожным томе серыі «Беларуская народная творчасць». Яе складальнікі звычайна бяруць у квадратныя дужкі ([]) асобныя словы і сказы, якія, на абгрунтаваную думку даследчыка, маглі існаваць.

Больш складаная і аб'ёмная рэстаўрацыя з выкарыстаннем навукова абгрунтаваных метадаў, што патрабуе карэннай перабудовы ці аднаўлення помніка па рэштках, наяўных апісаннях, перарастае ў рэканструкцыю. Вельмі строгія патрабаванні да рэканструкцыі ставіў Дз. Ліхачоў: «Ні адна рэканструкцыя не можа прэтэндаваць на поўную даставернасць і дакладнасць. ... усе рэканструкцыі прыбліжаныя. ...перад намі, па сутнасці, макет» [6, 471–472].

Паняцце **рэканструкцыі** павінна азначаць аднаўленне агульных уласцівасцей песеннай традыцыі ці іншага старадаўняга помніка па апісаннях, рэштках напеваў, што захаваліся, на падставе аналізу асобных частак, а таксама іншых блізкіх паводле зместу, складу, стылю твораў. Рэзкую мяжу паміж рэстаўрацыяй і рэканструкцыяй знайсці цяжка, бо ў пэўны перыяд апошняя можа пераходзіць у вышэйшую стадыю – рэстаўрацыю. Даследчыкі вылучаюць наступныя асноўныя прынцыпы рэканструкцыі: «рэканструкцыя павінна быць гіпатэтычным

узнаўленнем *строга вызначаных і канкрэтных* этапаў у развіцці тэксту» [6, 469]; «ёсць свайго роду “макет” тэкста, узноўлены ў сваім змесце, ідэях, мэтанакіраванасці, а не толькі ачышчаны ад пазнейшых апісак і скажэнняў»; «нельга змешваць у рэканструкцыях з’явы мовы розных эпох» [6, 478]; «разуменне заканамернасці фальклорнага працэсу»; «асэнсаванне спецыфікі фальклору, як асобнай формы культуры з асаблівасцямі яго стварэння, узнаўлення і перадачы»; «усякая з’ява ў фальклору – вынік эвалюцыі або трансфармацыі нейкага папярэдняга стану»; «важнейшай метадычнай асновай рэканструкцыі ў фальклору з’яўляецца параўнальна-гістарычны падыход» [7, 53].

Зробім пачатковую спробу рэканструкцыі рэшткаў задзяка (жывёльнае кола) ў беларускім народным календары (БНК). Адразу прыходзіць на памяць прымаўка «Ёсць на свеце два Юр’і і абодва дурні: адзін халодны, а другі галодны». І далей – «халодны» (26.11) выпускаў на свабоду ваўкоў, а «галодны» (23.04) зачыняў іх. Вось і дзяленне года на паўгоддзі, хаць і не роўнае (7 мес. + 5 мес.). У лепшым выпадку павінна быць на месяц раней, гэта значыць, 26.10. Бо і астраномы сцвярджаюць, што з 21 сакавіка (22 – Саракі) па 23 верасня (21 – Багач) Зямля праходзіць за 186 дзён [8, 16]. Вылічаем: (сакавік) 11 + (красавік) 30 + (травень) 31 + (чэрвень) 30 + (ліпень) 31 + (жнівень) 31 + (верасень) 22 = 186 дзён. Выканаем вышэй азначаную папраўку на адзін месяц наперад, г. зн. патрэбна лічыць з дня Юр’я (23.04): (красавік) 8 + (травень) 31 + (чэрвень) 30 + (ліпень) 31 + (жнівень) 31 + (верасень) 30 + (кастрычнік) 25 = 186 дзён, што і патрабавалася. Глядзім у БНК: «8/26. Зміцер (Змітрок, Дзмітры) – “хітры” дзень, канец надзеі выйсці замуж...». «Да Змітра пасуць, а па Змітру пільнуюць»... Змітраў дзень параўноўваюць у прыродных прыкметах з Вялікаднем... Католікі Венгры адзначалі дзень святога Дзёмёцёра (26 кастрычніка) як свята пастухоў... Асабліва папулярнае свята пастухоў, што праводзілася на Мітра, у авечкаводаў горных раёнаў Маравіі і Славакіі. Важнае месца ў календары сербаў, чарнагорцаў, македонцаў і мусульман паўднёваславянскага паходжання займаў Змітраў дзень (Митров дан), які падзяляў год на дзве палавіны... У паўднёва-ўсходняй Балгарыі... Дзмітраў дзень па значэнні роўны з Юр’евым і раздзяляў зімовую палову ад летняй...» [9, 198–200]. Акрамя таго сцвярджаюць, што «сярод народаў Паўднёва-Усходняй Еўропы, у якіх было развіта адгоннае жывёлаводства, Георгіеў дзень лічыўся важнейшым, чым Пасха» [10, 93]. Высновы выдавочныя. 26.10 (ці 25.10 па задзякальным календары) быў «воўчым днём», а 26.11 – яго зрабіла праваслаўная цлынь, бо ў гэты дзень па царкоўным календары – Асвячэнне храма вялікапакутніка Георгія ў Кіеве (1051–1054 гг.).

Як відаць далей, у кожным месяцы БНК захаваліся традыцыйныя свята, якія выяўляюць розныя жывёльныя культы, гэта дае падставу для імавернай рэканструкцыі задзякальнага календара беларусаў.

Вывады

Выкарыстанне розных метадычных прынцыпаў стварае розныя ўзроўні рэстаўрацыі і рэканструкцыі фальклорных фактаў па ступені даставернасці. Зыходзячы з папярэдняга аналізу, самую вяршыню іх зойме рэстаўрацыя: (1) аднаўленне першапачатковага і (2) блізкага ці прыблізнага выглядаў. Тут не будзем сабе ставіць задачу размеркавання метадаў рэстаўрацыі паміж імі і вызначэння ўсіх магчымых варыянтаў-прыступак. Наступныя ніжэйшыя прыступкі нашай «піраміды» складзе сістэма рэканструкцыі. Трэцяе месца належыць памежнаму ўзнаўленню, калі ўлічваюцца вышэй названыя прынцыпы і фактары. Гэта – рэканструкцыя фальклорнага факта пэўнага рэгіёна, нават вёскі, прывязанага да пэўнага часу, адпаведнай мовы і ўмоваў бытавання праз узнаўленне яго мастацкіх, эстэтычных, стылістычных уласцівасцей і функцыянальнага прызначэння.

Далей могуць быць рознаварыянтныя прыступкі, звязаныя з улікам выкарыстання-невыкарыстання асобных метадычных прынцыпаў. Сюды могуць адносіцца агульныя даследаванні-апісанні абрадаў, звычайў і г. д., без асаблівага ўліку часу бытавання ці рэгіёна. У фалькларыстыцы найбольш пашыраныя такія работы, якія можна ўмоўна аднесці да сярэдняга ўзроўню. Гэта – рэканструкцыі-сістэматызацыі. Напрыклад, збор і сістэматызацыя беларускага народнага календара, які ўяўляе сабой рэканструкцыю *агульнага стану* каляндарнай

традыцыі па розных дайшоўшых да нашага часу крыніцах з усіх рэгіёнаў; рэканструкцыі-сістэматызацыі язычніцкага славянскага ці задзякальнага календароў на аснове нацыянальнага матэрыялу з прыцягненнем падобнага ў іншых народаў; рэканструкцыі гіпатэтычнага зместу фальклорнага факта, у тым ліку песні, праявічнага твора, а не згубленага іх тэксту з улікам мовы, часу і г. д.

Вызначым ніжэйшыя прыступкі ўзведзенай «піраміды». Да іх можна аднесці вельмі прыблізныя рэканструкцыі ў выглядзе накідаў схем, малюнкаў, макетаў. «Калі рэканструкцыя выкарыстоўвае *магчымасць* у большай ступені, чым неабходнасць, – заўважае Дз. Ліхачоў, – яна адносіцца да галіны мастацкай творчасці, а не навуковай» [6, 462]. Да рэканструкцыі вучоны ўжо не адносіў кампілятыўныя спіскі, «аўтарскія тэксты». Б. Пуцілаў называў чатыры асноўныя ўзроўні рэканструкцыі, не вызначаючы ступені даставернасці. Гэта – «стан фальклорнай сістэмы ў цэлым на дадзенай стадыі, жанры, тэксты, элементы (вобразы, паэтычныя прыёмы і г. д.)» [7, 53].

Такім чынам, па ступені даставернасці да вышэйшага ўзроўню неабходна адносіць рэстаўрацыю, асноўнымі метадамі якой у фалькларыстыцы з'яўляюцца кансервацыя, аднаўленне, адраджэнне, прыстасаванне і ўласна рэстаўрацыя. Рэканструкцыя фальклорных фактаў адносіцца да больш прыблізных, але навукова-гіпатэтычных і найбольш пашыраных даследаванняў, што патрабуе выканання пэўных метадычных прынцыпаў.

Літаратура

1. Теоретические проблемы реконструкции древне славянской духовной культуры (вопросы и ответы на вопросы) // Советская этнография. – 1984. – № 3. – С. 53–55; № 4. – С. 64–80.
2. Восточнославянский фольклор : словарь науч. нар. терминологии / редкол.: К. П. Кабашников (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Наука і тэхніка, 1993. – 478 с.
3. Энциклопедия літаратуры і мастацтва Беларусі : у 5 т. / рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Минск : БелСЭ, 1986. – Т. 4. – 742 с.
4. Лозка, А. Ю. Лёс вясельнай паэзіі / А. Ю. Лозка // Весці Акадэміі навук БССР. Сер. грамадскіх навук. – 1987. – № 3. – С. 92–99.
5. Суветная дэкларацыя культурнай разнастайнасці / уст. арт. У. Гілепа і В. Ліцьвінкі. – Минск : Светоч, 2002. – 15 с.
6. Лихачев, Д. С. Текстология: На материале русской литературы X–XVII веков / Д. С. Лихачев. – Л. : Наука, 1983. – 639 с.
7. Путилов, Б. Н. Теоретические проблемы реконструкции древнеславянской духовной культуры (вопросы и ответы на вопросы) / Б. Н. Путилов // Советская этнография. – 1984. – № 3. – С. 53–55.
8. Хренов, Л. С. Время и календарь / Л. С. Хренов, И. Я. Голуб. – М. : Наука. Гл. ред. физ.-мат. лит., 1989. – 128 с.
9. Лозка, А. Ю. Беларускі народны каляндар / А. Ю. Лозка. – Минск : Полымя, 2002. – 239 с.
10. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Исторические корни и развитие обычаев. – М. : Наука, 1983. – 221 с.

Summary

The theoretical aspect of the notions «restoration» and «reconstruction» in Belarusian folklore is studied for the first time. Such basic methods of the restoration of the folklore facts as preservation, renovation, adjustment, reconstruction and restoration proper are examined particularly. The author determines the levels of the degree of restoration adequacy and relates its methods to that of the highest quality, whereas the reconstruction of cultural artifacts is related here to the approximate scientific- hypothetical research, which possesses lower quality.

Паступіў у рэдакцыю 18.12.09.

УДК 81'371(043.3)

Т. В. Нікіценка

МАДЭЛІ МАРФАЛАГІЧНАЙ І СЕМАНТЫЧНАЙ ДЭРЫВАЦЫІ ЭМАЦЫЯНАЛЬНА-АЦЭНАЧНЫХ СЛОЎ

Артыкул прысвечаны праблеме экспрэсіўнасці і сродкам рэалізацыі эмацыянальна-ацэначных значэнняў у словах. Разглядаюцца некаторыя прадуктыўныя мадэлі марфалагічнай і семантычнай дэрывацыі, на якіх ствараюцца эмацыянальна-ацэначныя словы ў сучасных беларускай і рускай мовах.

Уводзіны

Праблема экспрэсіўнасці і ацэначнасці з'яўляецца адной з найбольш цікавых у мовазнаўстве, паколькі значэнні, што належаць да названай вобласці размытай семантыкі, – «многааблічны феномен, прадстаўлены на ўсіх узроўнях мовы, тэксту і маўлення» [1, 91].

Артыкул грунтуецца на тэарэтычных прынцыпах, выказаных па беларускім і супастаўляльным з рускім словаўтварэнні, у тым ліку словаўтварэнні экспрэсіўных слоў, у працах А. А. Лукашанца, В. І. Сянкевіча, П. У. Сцяцко, В. В. Урбан, П. М. Чайкуна і інш. Стылістычныя і функцыянальна-семантычныя аспекты экспрэсіўных слоў вывучалі М. В. Абабурка, А. І. Шаблоўскі і інш. Агульнатэарэтычныя распрацоўкі пытанняў экспрэсіўнасці прапанавалі В. А. Маслава, Н. А. Лук'янава, В. Н. Тэлія, В. І. Шахоўскі; ацэнкі Н. Д. Аруцонава, Е. М. Вольф і інш.

Мэтай дадзенага артыкула з'яўляецца апісанне эмацыянальна-ацэначных слоў, зафіксаваных слоўнікамі беларускай і рускай моў, а таксама аналіз механізмаў узнікнення негатыўнай эмацыянальнай ацэнкі ў некаторых вытворных лексемах.

Матэрыялам даследавання служаць лексемы беларускай і рускай моў, абраныя метадам суцэльнай выбаркі з тлумачальных слоўнікаў (ТСБЛМ¹, ТСБМ², СРЯ³, БТС⁴) па фармальным крытэрыі: па наяўнасці негатыўнай ацэначнай паметы, якая суправаджае слова, напрыклад: *абывацельшчына* (пагард.) 'вузкасць інтарэсаў, коснасць, адсутнасць грамадскага кругагляду' (ТСБЛМ, 25); *выкармак* (2. перан. (пагард.)) 'пра нікчэмнага, подлага чалавека, выхаванага дрэннага асяроддзя' (ТСБЛМ, 125); *бестолковщина* (разг. неадобр.) 'беспорядок, путаница, неразбериха' (СРЯ I, 87); *окопаться* (2. перен. (разг. пренебр.)) 'избегая чего-л., укрыться, найти себе спокойное, удобное место' (СРЯ II, 610). Разглядаюцца словы толькі з негатыўнай эмацыянальнай ацэнкай, бо такіх слоў колькасна значна больш. Такім чынам, у артыкуле разглядаюцца словы, якія рэгіструюцца тлумачальнымі слоўнікамі літаратурнай мовы і выражаюць эмацыянальную ацэнку ўзуальна. Колькасць адзінак падобнага роду, зафіксаваных у слоўніках беларускай і рускай моў, складае 793 і 888 адпаведна.

Аktуальнасць праблемы даследавання эмацыянальна-ацэначнай лексікі абгрунтоўваецца наступным:

па-першае, працы па экспрэсіўнай лексіцы ў беларускай мове, а таксама працы супастаўляльнага характару, часцей зроблены на матэрыяле асобных часцін мовы. Матэрыялам для даследаванняў выступаюць у асноўным назойнікі (Г. Ф. Вештарт, Н. Н. Крыўко, В. І. Сянкевіч, В. В. Урбан і інш.), радзей разглядаюцца дзеясловы і прыметнікі (Ю. В. Маліцкі і інш.);

па-другое, эмацыянальная ацэнка ў слове не з'яўляецца сталай – яна змяняецца, паўстае ці знікае з рознай хуткасцю, а таму такія словы патрабуюць пастаяннага лінгвістычнага маніторынгу. Напрыклад, словаўтваральны дэрыват *антисоветчик* (разг. презр.) 'тот, кто проявляет враждебное отношение к советскому строю, Советскому Союзу, занимается антисоветской пропагандой' (СРЯ I, 40) у сучаснай мове не змяшчае ў сваёй семантыцы падобнай негатыўнай ацэнкі. Доказам гэтаму можа паслужыць наяўнасць толькі стылістычнай паметы ў тлумачальным слоўніку пад рэдакцыяй С. А. Кузняцова, выдадзеным у 2008 годзе: *антисоветчик* (разг.) 'тот, кто занимается антисоветской деятельностью' (БТСРЯ, 42).

¹ ТСБЛМ – Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / пад рэд. М. П. Судніка, М. Н. Крыўко. – Мінск : Беларуская энцыклапедыя, 2005. – 784 с.

² ТСБМ – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / пад агульн. рэд. К. К. Астраховіча. – Мінск : БелСЭ, 1977–1984. – 5 т.

³ СРЯ – Словарь русского языка : в 4 т. / редкол.: А. П. Евгеньева (гл. ред.) [и др.]. – 3-е изд, стер. – М. : Русский язык, 1985. – 4 т.

⁴ БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. ; авт. и рук. проекта, сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : АО «Норинт», 2008. – 1534 с.

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне

Тыпалогія моўных сродкаў выражэння экспрэсіўнасці ў сучаснай літаратурнай мове характарызуецца прадстаўленасцю ўсіх узроўняў мовы, сярод якіх пазначаюць фанетыка-фаналагічныя (сегментныя і прасадычныя), словаўтваральныя, лексічныя, фразеалагічныя, сінтаксічныя, а таксама графічныя.

Да фанетычных сродкаў належаць гукатыпы, якія не з'яўляюцца тыповымі для дадзенай мовы; незвычайнае гучанне слова; розныя фанетычныя дэфармацыі; гукаперайманне: бел. *грукат, гвалт, тары-бары*; рус. *брюзжать, абракадабра* і інш. Таксама да фанетычных сродкаў належыць індывідуальнае вобразатворчае, выяўленае гучанне: *до-о-о-лго, далеко-о-о* [2, 150]. Прасадычныя сродкі з'яўляюцца важным спосабам выражэння экспрэсіі. Да іх адносяць інтанацыю, паўзы, націск і інш.

Цікавым падаецца назіранне М. А. Крангаўза аб дадатковай выразнасці, якая магчыма з прычыны няправільнай арфаграфіі, шырока распаўсюджанай у сучасным Інтэрнэце: *пвед, красавчег!* 'привет, красавчик!', *пиши исчо* 'пиши ещё' і інш. Але такая экспрэсіўнасць вельмі ўмоўная, бо па меры прывыкання, яна перастае ўспрымацца незвычайнай і выразнай [3, 127–128].

Да марфалагічных сродкаў адносіцца шырокі спектр словаўтваральных сродкаў. Сярод марфалагічных словаўтваральных сродкаў выдзяляюцца суфіксальны, прэфіксальны, прэфіксальна-суфіксальны, прэфіксальна-нульсуфіксальны, нульсуфіксальны, словаскладанне і асноваскладанне.

Да сінтаксічных сродкаў належаць змяненні ў парадку слоў, ужыванне пабочных слоў, словазлучэнняў і сказаў, эліптычных канструкцый і інш.

Пералічаныя вышэй сродкі маюць фармальнае выражэнне ў мове. Акрамя апошніх, вызначаецца вялікі пласт сродкаў, якія выражаюцца імпліцытна: *баран* 'пра тупога, някемлівага чалавека' (ТСБЛМ, 82), *выдра* 'пра злую няўжыўчывую жанчыну' (ТСБЛМ, 123). Не фармальна выражаная экспрэсіўнасць узнікла на падставе пераасэнсавання асноўнага значэння вызначаных слоў і прадстаўлена ўнутранай формай на падставе вобразнай матывацыі. Акрамя таго, ёсць словы, якія маюць ацэначныя семы непасрэдна ў сваім лексічным значэнні і ў маўленні здольныя выступаць як лексічныя экспрэсіўны сродкі: *бюракрат* 'службовая асоба, якая выконвае свае абавязкі фармальна, не ўнікаючы ў сутнасць справы, валакітчык' (ТСБЛМ, 99). Калі ў слове ацэначнасць з'яўляецца першаснай, напрыклад, чалавек называецца па якіх-небудзь уласцівых яму прыметах, на аснове ацэначнасці ў маўленні ўзнікае эмацыянальнасць *гвалтаўнік, зайздроснік, манюка, нядбайла, паклёпнік* [4, 380].

Такім чынам, сярод экспрэсіўных сродкаў выдзяляюцца «лексічныя і граматыка-інтанацыйныя сігналізатары пачуццяў, аб'яднаныя інварыянтнай эматыўнай функцыяй» [5, 94].

У беларускім мовазнаўстве вылучаюць 4 кампаненты экспрэсіўнасці: эмацыянальная ацэнка (*суцяжнік*), інтэнсіўнасць (*грамадны*), вобразнасць (*мядзведзь*), эмацыянальныя адносіны (*галоўка, хлопчык, ножкі*) [4, 374].

У структуры ацэначнага аб'екту ў тым выглядзе, у якім ён прадстаўлены ў моўнай свядомасці носьбіта мовы, суадносяцца аб'ектыўныя (уласцівасці аб'екта) і суб'ектыўныя (адносіны носьбіта мовы да аб'екта) ацэначныя прыметы. Суб'ектыўны (уласнаацэначны) і аб'ектыўны (дэскрыптыўны) кампаненты ацэначнага значэння ўяўляюць дыялектычнае адзінства [6, 22]. Напрыклад, слова *абібок* мае значэнне 'гультай, лежабок, лайдак' – гэта аб'ектыўны кампанент значэння слова, ці дэскрыптыўны, а суб'ектыўны кампанент змяшчае адносіны да такіх людзей у грамадстве – зневажальныя і неадабральныя. Такім чынам, у слове *абібок* спалучаюцца суб'ектыўны і аб'ектыўны кампаненты значэння. Як падаецца, аб'ектыўны ацэначны кампанент слова з'яўляецца пастаянным, сталым і фіксуецца слоўнікам, суб'ектыўны можа быць адзначаны праз слоўнікавыя паметы. Такія словы маюць эмацыянальную ацэнку.

Паколькі ў беларускай і рускай мовах назоўнікі пераважаюць па колькасці складу, астатнія часціны мовы ў вивучаемай групе слоў (гл. таблицу), прыклады, якія будуць суправаджаць тэарэтычныя выказванні, у асноўным будуць грунтавацца на матэрыяле менавіта назоўнікаў.

Табліца – Класіфікацыя эмацыянальна-ацэначнай лексікі па часцінах мовы⁵

Эмацыянальна-ацэначная лексіка		
часціна мовы	беларуская мова	руская мова
назоўнік	532	612
субстант. прыметнік	0	4
прыметнік	54	87
дзеяслоў	203	179
прыслоўе	3	6
займеннік ⁶	1	0
агульная колькасць	793	888

Па дадзеных лексікаграфічных крыніц абедзвюх моў, эмацыянальна-ацэначная лексіка рэпрэзентуецца ў беларускай і рускай мовах дзвюма нераўназначнымі па колькасным складзе групамі – сродкамі першаснай намінацыі і сродкамі другаснай намінацыі. Безумоўна, другая група аб'ядноўвае большую колькасць лексічных адзінак, паколькі, як гэта часта адзначаецца ў навуковых даследаваннях, «экспрэсіўна афарбаваная – вынік пераважна другаснай намінацыі» [7, 13]. З'яўленне ацэнкі ў структуры вытворнай лексемы – працэс больш-менш відавочны. Часцей за ўсё ацэначны кампанент альбо змяшчаецца ў семантыцы матывавальнага слова (пар. *басяк*), альбо ўводзіцца словаўтваральным фармантам (пар. *пісак*). Больш складанымі падаюцца механізмы ўзнікнення падобнага кампанента ў словах, якія з пункту гледжання сучаснай мовы з'яўляюцца невытворнымі, альбо ў тых выпадках, калі матывавальная аснова дээтымалагізавалася.

Невытворныя словы. У мове могуць назірацца два слаі падобных слоў: частка з іх трапляе з дыялектаў, як, напрыклад, беларускія балтызмы *бамбіза* ці рускія цюркізмы *кавардак*, *каюк*. З другога боку, вытокамі падобных ацэначных сродкаў выступае кніжная мова, пры гэтым запазычанае слова ўспрымаецца як больш эмацыянальнае, пар. *данос* – *кляуза*. Як адзначаў В. У. Вінаградаў, «экспрэсіўныя фактары, цяга да эмацыянальна-афарбаваных слоў, імкненне выкарыстоўваць чужыя гукавыя спалучэнні, падчас какафемістычныхыя – для выражэння розных пачуццяў і ацэнак – часта накіроўваюць увагу на іншамоўныя словы і выражэнні» [8, 775].

Вытворныя словы. Увагі заслугоўваюць некаторыя мадэлі вытворных слоў – марфалагічныя і семантычныя, па якіх ствараюцца эмацыянальна-ацэначныя словы з яркай экспрэсіўнай накіраванасцю.

Ацэначнае матывавальнае слова + нейтральны афікс. У некаторых выпадках ацэначны кампанент можа змяшчацца ў самой утваральнай аснове эмацыянальна-ацэначных лексем з нейтральнымі афіксамі, такіх, як, напрыклад, бел.: *абжэрысія*, *ваенічына*, *паганец*, *піжоністы*; рус.: *потачик*, *кляузник* і інш. У словах, утвораных па такіх мадэлях, матывавальная аснова з'яўляецца ацэначнай, г. зн., у аснове прысутнічае сема ацэначнасці (аб'ектыўнай ці суб'ектыўнай), якая адлюстроўваецца ў тлумачэнні слова альбо можа быць выкрыта пры дапамозе семнага аналізу: бел. *паганец* (разм. лаянк.) 'нядобры чалавек, нягоднік' (ТСБМ III, 491) ад *паганы* 'мярзотны, подлы'. Часам сітуацыя падаецца больш складанай, паколькі трэба ўлічваць пазамоўныя фактары ці шукаць ускосныя пацвярджэнні. Так, лексема *ананімічык* (разм. пагард.) 'той, хто піша ананімныя пісьмы' (ТСБЛМ, 57) утворана ад словазлучэння *ананімнае пісьмо*, абодва кампаненты якога маюць нейтральнае значэнне. Але сама з'ява мае відавочныя негатыўныя ацэначныя канатацыі ў нашым грамадстве, што, дарэчы, праяўляецца ў значэнні слова *ананімка* 'не падпісанае аўтарам пісьмо, якое паведамляе пра каго-н. нешта непрыемнае, крыўднае' (ТСБЛМ, 57). На гэтым фоне словы з суфіксам *-чык*: *абмершчык*, *адбельшчык*, *гравіроўшчык*, *расклеішчык* такой ацэнкі не маюць, што таксама сведчыць аб тым, што менавіта матывавальная аснова лексемы *ананімічык* мае эмацыянальную ацэнку. Як лічыць В. В. Урбан, пры дэрывацыі ацэначнай лексікі вялікая роля надаецца не толькі суфіксам, а і ўтваральным асновам [9, 28].

Нейтральнае матывавальнае слова + ацэначны афікс. Найбольш відавочнай рэалізацыяй гэтай схемы з'яўляецца той выпадак, калі фармант яўна стварае станоўчую ці негатыўную ацэнку. Напрыклад, пара слоў: рус. *вкусовой* – *вкусовщина*. Не асуджаецца той факт, што чалавек мае індывідуальны густ, калі гэта выражаецца словам *вкусовой* 'заснаваны на індывідуальным гусце'

⁵ Падлік зроблены на выснове дадзеных тлумачальных слоўнікаў: ТСБМ, ТСБЛМ, СРЯ, БТСРЯ.

⁶ Улічваюцца таксама займеннікавыя словы.

(СРЯ I, 182), але слова *вкусовщина*, дзякуючы словаўтваральнаму фарманту *-щин(а)*, набывае мажлівасць рэалізацыі неадабрэння, азначаючы ‘ацэнку якіх-н. з’яў толькі з пункту гледжання свайго суб’ектыўнага густу’ (СРЯ I, 182).

Але сустракаюцца і больш складаныя выпадкі – рускія лексемы: *трудяга* са станючай ацэнкай і *стиляга* з адценнем іроніі, нават сарказму. Прыкладам можа служыць урывак з Інтэрнэт-апавадання пра тыпы мужчын:

Стиляга любит деньги и умеет их тратить. ... Стиляга маскулинен и похож на молодого Бонда. Его тело – атлетично, а досуг – пейнтболен! Хотя «если – завтра – война», Стиляга миглом выроет себе справку о полной недееспособности и свалит в уже известный тебе Антананариву (Зина Корзина).⁷

Гэтыя словы – дэрываты, адпаведна, слоў *труд* і *стиль*, якія самі па сабе з’яўляюцца нейтральнымі. Такім чынам, адзін і той жа фармант *-яга* мае здольнасць надаваць нейтральным асновам рознаветарнае экспрэсіўнае значэнне: *трудяга* са станючай ацэнкай і *стиляга* з адмоўнай.

Ацэннае матывавальнае слова + ацэнны афікс. У многіх выпадках ад фарманта і матывавальнага слова залежыць як сама наяўнасць ацэнкі, так і тое, будзе яна станючай ці адмоўнай, – дастаткова параўнаць лексемы *крытык* і *крытыкан*. Дзеяслоў *крытыкаваць* тлумачыцца ‘падвяргаць крытыцы’, а *крытыка*, у сваю чаргу, мае наступнае значэнне ‘абмеркаванне, разбор чаго-н. з мэтай ацаніць вартасць, выявіць недахопы’, а таксама ‘адмоўнае выказванне пра што-н., аналіз недахопаў’ (ТСБЛМ, 304). Суфікс *-ан / -ян* надае матывавальнай аснове ацэнку, менавіта негатыўную – *крытыкан* (неадабр.) ‘чалавек, які схільны ўсе крытыкаваць, ва ўсіх бачыць адны недахопы’. Таксама *грубян* ад *грубіць* ‘чалавек, які груба і дзёрзка адносіцца да іншых’ (ТСБЛМ, 157); *інтрыган* (неадабр.) ‘чалавек, які займаецца інтрыгамі’ ад *інтрыга* ‘скрытыя непрыстойныя дзеянні для дасягнення чаго-н’ (ТСБЛМ, 257).

Часцей за ўсё працэс, які можна абазначыць як граматычную эмацыійную дэрывацыю, у беларускай і рускай мовах рэалізуецца пры дапамозе адпаведных суфіксаў. Можна меркаваць, што некаторыя з падобных суфіксаў уносяць менавіта кампанент суб’ектыўнай ацэнкі, які накладваецца на асноўнае лексічнае значэнне матывавальнага слова. Гэта значэнне, у сваю чаргу, можа змяшчаць кампанент разумовага адностравання і ацэнкі рэчаіснасці, г. зн. аб’ектыўную ацэнчанасць. Разгледзім рускія лексемы *кислятина* і *вкуснятина*. Па класіфікацыі ацэнных значэнняў Н. Д. Аруцюнавай, словы *вкусный*, *кислый* належаць да геданістычных ацэнак, якія звязаны з пачуццямі і адчуваннямі чалавека [10, 75–76]. Суфікс *-<a>тин(а)* у рускай мове з’яўляецца, безумоўна, ацэнным. Аднак вектар ацэнкі будзе скіраваны ў залежнасці ад значэння ўтваральнага слова: *кислятина* – негатыўная ацэнка, *вкуснятина* – пазітыўная. Тое ж самае можна сказаць пра ўтварэнні з фармантам *-<y>г(а)*: абсалютна ацэнна адмоўнае *пьянюга* і, з другога боку, *хитрюга* з пэўнай долей сімпатыі. У беларускай мове таксама знаходзім падобныя прыклады: *падлюга*, *п’янюга* і *хитруга*, *спрытнога*. Падобнае можна ўбачыць у аддзяслёных вытворных назоўніках: рус. *потаскуха* з яскравай негатыўнай ацэнкай і *щебетуха* з долей сімпатыі і памяркоўнасці.

Нейтральнае матывавальнае слова + нейтральны афікс. У некаторых выпадках адпаведная сема з’яўляецца ў самым працэсе дэрывацыі, незалежна ад значэння асновы і характару фарманта.

Гэта можна назіраць у выпадку бел. *паслугач* (пагард.) ‘той, хто імкнецца выслужыцца перад кім-н., саўдзельнік у чым-н.’, *паслугачка* (ТСБЛМ, 448). Сама аснова *паслуг-* не намінуе асуджальнага ў грамадстве дзеяння, таксама фармант *-ач* можа ўжывацца ў складзе нейтральных назваў асобы – *ткач*, *слухач*, *глядач*, *скрыпач*, аднак вытворнае слова, абазначаючы адпаведную асобу, набывае эмацыянальна-ацэнны кампанент семантыкі.

Складаныя словы. Наяўнасць эмацыянальна-ацэннага кампанента ў словатворчым працэсе відавочна пры ўтварэнні кампазітаў, дастаткова частых сярод эмацыянальна-ацэннай лексікі. Гэтыя кампазіты маюць пад сабою метафарычна асэнсаваную цэлую сітуацыю, рэдукаваную да двух каранёў складанага слова. Прыклады эмацыянальна-ацэнных слоў, утвораных шляхам асноваскладання: бел. *ветрагон*, *пустамалот*, рус. *жиртрест*, *краснобай*; шляхам словакладання: *абібок*, *прайдзісвет*, *цямя-лямя*, рус. *околокиношный*, *околонаучный* і інш.

⁷ Корзина, Зина. Стиляга / Зина Корзина // Типы мужчин [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа : <http://www.svistok.ru/users/Zina/txt/1239354.html>. – Дата доступа : 10.10.2009.

Словаўтварэнне “на ўзор”. Моцная эмацыянальная энергетыка слова вядзе да таго, што яно робіцца ўзорам, своеасаблівай матрыцай для ўтварэння эмацыянальна-ацэначных лексем. Так адбылося, напрыклад, са словам *бесталочь / бесталач*, якое ўжываецца ў абедзвюх мовах. Рус. *бесталочь* утварылася, як можна меркаваць, па аналогіі з моцным сродкам выражэння экспрэсіўнай ацэнкі – лексмай *сволочь*, якая з’яўляецца бязафіксным утварэннем ад дзеяслова *сволочь*. Такім чынам, дзеяслоўная фіналь з часткай асновы *-о-ць* робіцца своеасаблівым суфіксадам, які можа ўтварыць новае слова. Падобнае знаходзім таксама ў рус. *солдафон*, слоўце якое, на думку М. Фасмера, было ўтворана пад уплывам уласн. *Агафон* (ЭСРЯФ⁸, 710). У сучасным Інтэрнэце можна знайсці гульні *Свинтусы* і *барантусы*, дзе для ўтварэння другой назвы была выкарыстана частка першай, якая пачала адыгрываць ролю фарманта.

Семантычная дэрывацыя. Таксама відавочным і празрыстым падаецца працэс з’яўлення эмацыянальна-ацэначнага кампанента ў словах шляхам семантычнай дэрывацыі: *свіння / свинья*, *дубіна / дубина*, *слон* – у абедзвюх мовах гэты рад можна працягваць. Семантычная дэрывацыя, як вядома, ажыццяўляецца на аснове метафары і метаніміі і з’яўляецца даволі распаўсюджанай мадэллю ўзнікнення эмацыянальнай ацэнкі.

Семантычны дэрыват + словаўтваральны афікс. У некаторых выпадках «тропаморфны і словаўтваральны спосаб утварэння экспрэсіўнай афарбоўкі могуць камбінавацца» [7, 71]. Калі слова ўжо ўцягваецца ў экспрэсіўна-ацэначную сферу, яно з незвычайнай свабодай пачынае параджаць дэрываты. Напрыклад, эмацыянальна афарбаваныя дэрываты ад лексемы *свіння* ў беларускай мове: *свінскі, свінства, свінтус, свінтух, свінюха, свінух, свінарнік, свінячыць*, сюды ж з рускай можна дадаць *свинюха, свинюшка, свинушник, свиннота, свиннотица* і інш. На думку Ю. Дз. Апрэсяна, гэты магчыма, калі зыходнае слова – у гэтым выпадку лексема *свіння / свинья* – валодае канатацыяй, якая рэалізуецца ў пераносных значэннях, марфалагічных дэрыватах *свинушник, свинтус*, метафарах і параўнаннях *напиться как свинья, разбираться как свинья в апельсинах*, фразеалагічных адзінках, пасловіцах *метать бисер перед свиньями*, сінтаксічных канструкцыях і інш. [11, 159–169].

Дзеяслоў *переродиться* набывае пераноснае значэнне ‘страціць паступова свае былыя якасці, уласцівасці’ і на яго падставе ўтварае дэрыват *перерождение* ‘страта былога светаўспрымання, былой рэвалюцыйнай ідэалогіі, сацыяльнага вобліку’ (СРЯ, 92), які змяшчае семантыку неадабрэння і дае жыццё цэламу гнязду лексемаў: *перерожденец, перерожденка, перерожденческий, перерожденчество*. Можна меркаваць, што прычына падобнага заключаецца ў тым, што нейтральная ў дачыненні да навакольнага асяроддзя характарыстыка (*пшеница переродилась; порода скота переродилась*) набывае ацэначнае гучанне ў прымяненні да чалавека; яго свядомыя паводзіны ўжо не могуць успрымацца як нейтральныя ў адрозненне ад несвядомага існавання прыродных аб’ектаў.

Увагі заслугоўваюць аказіянальныя ўжыванні слоў, якія служаць для выражэння пачуццяў суб’екта да прадмета гаворкі. Такія словы сучаснымі слоўнікамі не фіксуюцца. Наступны прыклад, на нашу думку, з’яўляецца рэалізацыяй мадэлі *нейтральнае матывавальнае слова + нейтральны афікс*.

Відавочна, сярод афіксаў, здольных выражаць розныя аказіянальныя экспрэсіўныя значэнні, выдзяляюцца, перш за ўсё, суфіксы. Такія суфіксы – жывы сродак выражэння экспрэсіўнай ацэнкі. З лёгкасцю далучаючыся, яны дазваляюць патрэбны момант выражаць пачуццё і нават канцэнтраваць яго, як у наступным фрагменце, дзе адзін з удзельнікаў дыялогу сітуацыйна канцэнтруе дэрываты ад кораня *свят-*:

- *Вось, астало, прычапіўся!* – буркнуў Кавалец.
- *Я астало? У-у, святун, свяцька, святух...* – стаў дражніцца Стасік.
- *Насач, насач польскі!* – урэзаў Кавалец.
- *Святун, святун...* *Семинарыст недавучаны, недапечаны, маскоўская варона, маскаль!*

(А. Наварыч)

Як відаць, у размоўным альбо паэтычным маўленні падобныя дэрывацыйныя здольнасці могуць мець словы, для якіх слоўнік падобнага не фіксуе, пар. у У. Маякоўскага:

⁸ Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – СПб. : Азбука : Изд. центр «Терра», 1996. – 4 т.

*Будет любовь или нет?
Какая –
большая или крошечная?
Откуда большая у тела такого:
должно быть, маленький,
смирный любочек.*

Вынікі

У выніку даследавання эмацыянальна-ацэначных слоў у рускай і беларускай мовах па матэрыялах тлумачальных слоўнікаў літаратурнай мовы можна заключыць наступнае:

1. Колькасць слоў з негатыўнай эмацыянальнай ацэнкай у вывучаемых мовах прыблізна супадае. Эмацыянальна-ацэначныя назоўнікі дамнуюць у параўнанні з астатнімі паўназначнымі часцінамі мовы як ў беларускай (532), так і ў рускай (612) мовах.

2. Сярод сродкаў другаснай намінацыі выдзяляюць семантычную дэрывацыю і марфалагічную дэрывацыю. Па тыпу мадэляў марфалагічна дэрывацыя прадстаўлена наступнымі тыпамі: *ацэначнае матывавальнае слова + нейтральны афікс; нейтральнае матывавальнае слова + ацэначны афікс; ацэначнае матывавальнае слова + ацэначны афікс; нейтральная аснова слова + нейтральны афікс; словаскладанне і асноваскладанне*. Змешаныя тыпы мадэляў: *пераноснае ацэначнае значэнне ⇔ марфалагічны дэрыват з эмацыянальнай ацэнкай*. Да мадэляў семантычнай дэрывацыі належаць пераносныя значэнні слоў. Усе пералічаныя мадэлі характэрны для ўсіх часцін мовы.

3. Аказіянальныя ўжыванні і новыя словы, якія выражаюць эмацыянальную ацэнку, могуць стварацца на ўзор “моцных” эмацыянальных слоў, часам дэнатат у такіх створаных словах неканкрэтны, а іх семантыка размытая і вызначаецца кантэкстам: *святун, свяцька; барантус* і г. д.

Літаратура

1. Шаховский, В. И. Лингвистическая теория эмоций : моногр. / В. И. Шаховский. – М. : Гнозис, 2008. – 416 с.
2. Мечковская, Н. Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура : курс лекций / Н. Б. Мечковская. – 3-е изд. – М. : Академия, 2008. – 432 с.
3. Кронгауз, М. А. Русский язык на грани нервного срыва / М. А. Кронгауз. – 2-е изд., стер. – М. : Знак, 2009. – 232 с.
4. Лексікалогія сучаснай беларускай літаратурнай мовы / АН Беларусі, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа ; пад рэд. А. Я. Баханькова. – Мінск : Навука і тэхніка, 1994. – 463 с.
5. Калимуллина, Л. А. Семантическое поле эмотивности в русском языке: диахронический аспект (с привлечением материала славянских языков) : моногр. / Л. А. Калимуллина. – Уфа : РИО БашГУ, 2006. – 344 с.
6. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – 2-е изд., доп. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 260 с.
7. Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – М. : Наука, 1986. – 144 с.
8. Виноградов, В. В. История слов : ок. 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных / В. В. Виноградов. – М. : Рос. акад. наук, Отд.-ние лит. и яз., Науч. совет «Рус. яз.», Ин-т рус. яз. имени В. В. Виноградова, 1999. – 1138 с.
9. Урбан, В. В. Катэгорыя ацэнкі ў беларускай дыялектнай мове (на матэрыяле субстантываў – характарыстык асобы) : дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.01 / В. В. Урбан. – Мінск, 2002. – 123 л.
10. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 341 с.
11. Апресян, Ю. Д. Избранные труды : в 2 т. / Ю. Д. Апресян. – М. : Шк. «Языки русской культуры». Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – Т. 2 : Интегральное описание языка и системная лексикография. – 767 с.

Summary

The article is devoted to linguistic expressiveness, especially to the lexical means of performing meaning which contain emotive and evaluative components in its structure. Words containing the components mentioned above represent expressiveness in their pure way. They reveal the relation of a speaker to what is being discussed. Some productive morphological and semantic models of such words in modern Belarusian and Russian are introduced, explained and accompanied by the number of examples. The examples are taken from Russian and Belarusian classics and also from the up-to-day language of Internet users.

Паступіў у рэдакцыю 01.02.10.

УДК 811.111:811(043.3)

*Е. В. Сажина***ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ
В ПОЛЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

Статья посвящена установлению набора коммуникативных тактик, реализующих стратегию побуждения в полемическом дискурсе печатных СМИ. В ходе проведения исследования на материале англоязычных проблемных статей определяется репертуар языковых средств, характерных для репрезентации таких тактик, как тактика создания эффекта достоверности, тактика создания эффекта значительности события, тактика оценки, тактика повторения, тактика вопросительности. Устанавливается, что каждая тактика реализуется посредством определенного набора языковых средств и является очень эффективной в плане воздействия на адресата, что подтверждается активным участием читателей в обсуждении той или иной проблемы.

Введение

Вопросы эффективной коммуникации, находящиеся в центре внимания лингвистов уже не одно десятилетие, побуждают ученых к анализу различных типов дискурса, в том числе и полемического дискурса печатных СМИ, целью которого является поиск решения актуальной проблемы. Данный тип дискурса имеет структурные особенности, которые получают эксплицитное выражение на различных уровнях языка. Помимо этого для полемического дискурса характерно оказание воздействия на адресата, которое может реализовываться при помощи таких языковых средств, как эмоциональная и эмоционально окрашенная лексика, вопросительные конструкции и аргументация [1]. При использовании последних авторы обращаются к различным приемам. Эти приемы представляют собой набор коммуникативных тактик, которые в совокупности служат реализации определенной стратегии. Изучение таких стратегий и тактик, их реализующих, которые характерны для полемического дискурса печатных СМИ, может в дальнейшем способствовать расширению представления о способах оптимизации эффективности воздействия, оказываемого адресантом дискурса на адресата.

Результаты исследования и их обсуждение

В научной литературе встречаются различные определения коммуникативной стратегии. В настоящей статье под *стратегией* мы понимаем коммуникативную категорию, представляющую собой процесс планирования и поэтапной реализации автором статьи языковых способов корректировки модели мира адресата. Каждая стратегия осуществляется с помощью набора определенных тактик. Под *тактикой* понимается система действий по подготовке эффективной реализации стратегий. В отличие от стратегии, которая соотносится с глобальной прагматической целью автора проблемной статьи, лежащей вне речевой деятельности, тактика производства статьи имеет дело с языковыми целями и описывает действия на некотором этапе коммуникации. Суть применения каждой тактики заключается в изменении определенных параметров модели мира адресата и различных аспектов его психики (знаний, оценок, желаний) [2]. Представляя собой комплекс речевых приемов построения текста, тактики, в отличие от стратегий, могут быть установлены посредством анализа текста, поскольку каждая тактика актуализуется с помощью определенного набора языковых средств [Там же].

Установление репертуара наиболее распространенных языковых средств, реализующих ту или иную тактику в дискурсе и являющихся ее маркерами, позволяет говорить не только о коммуникативных стратегиях, на осуществление которых нацелены данные тактики, но и о прагматическом потенциале этих языковых средств.

В полемическом дискурсе печатных СМИ коммуникативные стратегии и тактики находят воплощение в таких прагматически заряженных языковых средствах, как *метонимия, эпитеты, перифраз, эмоциональная и эмоционально окрашенная лексика, оценочная лексика, гипербола, лексические повторы, инверсия, вопросительные и побудительные высказывания, риторические вопросы*. Данный репертуар языковых средств имеет собственную специфику функционирования в исследуемом типе дискурса, выявлению которой и посвящена настоящая статья.

В ходе анализа содержательной структуры текстов проблемных статей было установлено, что для полемического дискурса печатных СМИ характерно использование *стратегии информирования*, направленной на обмен информацией между автором и его получателем. Однако наибольший интерес представляет собой *стратегия побуждения*, которая является одной из основных стратегий воздействия в полемическом дискурсе и может реализовываться через различные тактики. В настоящей статье мы рассмотрим тактики, используемые авторами проблемных статей, в которых стратегия побуждения реализуется косвенно: используемые языковые явления формируют у читателя определенное мнение относительно излагаемых событий, побуждают его к размышлению, к соотнесению этих событий со своим опытом, пробуждают в нем определенные чувства и эмоции. Иными словами, зачастую в тексте не содержится прямого призыва к какому-либо действию и у читателя создается впечатление независимости принятия решений.

Реализовывая стратегию побуждения, автор полемического дискурса стремится создать атмосферу доверия между собой и адресатом и для этого прибегает к *тактике создания эффекта объективности*.

Тактика создания эффекта объективности может реализовываться с помощью цитирования и приведения мнений и оценок экспертов, аналитиков и т. д. Например:

«What we're finding,» said Dr. Calvin Morrill of the University of California at Irvine, who studies corporate culture, «is that some of the behaviors that we think most protect us are what in fact allow the behavior to continue. Workers become desensitized, tacitly complicit and don't always act rationally» (The New York Times).

При осуществлении тактики создания эффекта объективности авторы проблемных статей полемического дискурса зачастую указывают не только мнения специалистов в определенной области, но также приводят статистику тех или иных организаций, занимающихся исследованием конкретной проблемы, например:

These observations do not answer the question of whether any policy, no matter how strategically sound, is worth the deaths of 500,000 Iraqi children – a figure that originated in a UNICEF report on infant mortality in sanctions-era Iraq and became the rallying cry of anti-sanctions campaigners. And the argument against sanctions on Iraq went beyond even this single, horrifying statistics (The New York Times).

В данном примере источником информации является доклад ЮНИСЕФ, в котором сообщается о смерти 500 000 иракских детей в результате санкций, которые были введены США против Ирака.

Предложения такого рода оказывают воздействие на адресата, т. к., используя мнение специалиста и подкрепляя его статистическими данными, адресант убеждает читателя в необходимости принять меры по решению проблемы.

Как показал практический анализ, особую роль в реализации стратегии побуждения играет привлечение внимания аудитории. Известно, что события, отличающиеся своей экстраординарностью, способны создавать эффект «разорвавшейся бомбы». Поэтому автор проблемной статьи старается всячески подчеркнуть, что описываемое событие является редким и необычным, для чего прибегает к *тактике создания эффекта значительности события*, языковыми маркерами которой становятся прилагательные в превосходной степени. Рассмотрим пример из статьи *«Were sanctions right?»*:

Meanwhile, at the General Assembly, governments of a majority of the countries in the developing world were actively denouncing sanctions as wantonly brutal – as a policy that in effect punished the Iraqi people in the cruelest possible manner without weakening Saddam Hussein's grip on power in the slightest (The New York Times). Используя прилагательные *cruel, slight* в превосходной степени, автор проблемной статьи подчеркивает тот факт, что санкции против Ирака представляют собой самое жестокое преступление против народа и ничуть не ослабляют власть диктатора.

Кроме того, прилагательные в превосходной степени могут употребляться вместе с географическими названиями, что будет свидетельствовать о том, что произошедшее событие обладает большой степенью важности для той или иной страны. Например:

A gunman opened fire in a university hall of residence and classrooms in Virginia today, killing 32 people and injuring at least 15 more in the deadliest shooting rampage in American history (The Guardian).

В вышеприведенном примере сообщение о стрельбе в одном из университетов Вирджинии, открытой неизвестным и ставшей самой кровавой в истории Америки. Автор подчеркивает, что проблема свободного ношения оружия становится все более актуальной именно в этой части планеты.

Реализуя стратегию побуждения, автор проблемной статьи стремится сформировать в сознании адресата определенный (чаще всего заранее запланированный) образ события. Для этого он прибегает к различным тактикам, одной из которых является *тактика оценки*, осуществляемая с помощью оценочной, эмоционально-оценочной и экспрессивной лексики, как в следующем примере:

*For officials in Washington and London and for American administrators now in Iraq, that country's postwar woes are essentially the legacy of Saddam Hussein's **tyrannical, cruel and corrupt rule** (The New York Times).*

Употребление эмоционально окрашенных слов имеет целью создание определенной эмоциональной атмосферы. Так, в вышеприведенном примере автор стремится подчеркнуть ужасные последствия для Ирака после долгих лет правления в нем Саддама Хусейна.

Особую роль в осуществлении тактики оценки в тексте проблемной статьи играют *метафоры*. Рассмотрим пример:

*But others argue that the fundamental reason Iraq is in such terrible shape is not Hussein's brutality but rather the comprehensive regime of economic sanctions that the United Nations Security Council imposed on Iraq for almost 13 years, sharply restricting all foreign trade. It was these sanctions, they claim, that **brought this one rich country to its knees** (The New York Times).*

Основываясь на ассоциативном мышлении, метафора порождает множество ассоциаций в сознании читателей, многие из которых довольно расплывчаты, что дает возможность манипулировать сознанием адресата.

Не менее распространенным в проблемных статьях является употребление *тактики повторения*, которая реализуется с помощью лексики, принадлежащей к одному лексико-семантическому полю. Степень повторяемости в содержании дискурса одного и того же синтагматического ряда превышает норму, и коммуникативно значимым становится сам факт дублирования, что приводит к лучшему запоминанию повторяющейся лексемы и тем самым оказывает воздействие на читателя. Рассмотрим пример из статьи, посвященной проблеме крушения браков:

*«That **angers me so much about him**», Kate says, with surprising vitriol. All the **anger** Kate had bottled up during the 11-year relationship exploded. Through his **anger**, he could see how hard Kate was struggling to be candid, and her candor held some sense of possibility for him (The New York Times).*

Таким образом, при частом повторе слова *anger* читатель видит, что крушение брака было неизбежным. Ведь отношения, в которых существует неприязнь друг к другу, накопленная злость, не могут продолжаться.

Помимо рассмотренных выше тактик, в реализации стратегии побуждения в полемическом дискурсе печатных СМИ активно используется *тактика вопросительности*, которая на языковом уровне реализуется при помощи постановки вопросов. Данная тактика предназначена для стимулирования ответной реакции адресата, что будет способствовать реализации цели дискурса – поиску решения актуальной проблемы.

Проведенный нами анализ позволил выявить *единичные вопросы, последовательности вопросов* (ряд вопросов, следующих непосредственно друг за другом), *вопросы, на которые автор сам дает ответы*, а также *единичные риторические вопросы*. Каждый из перечисленных групп вопросов имеет определенные функции. Так, единичные вопросы, вкрапленные в корпус проблемной статьи, направлены на выделение различных аспектов обсуждаемой проблемы. В примере из статьи «*Untying the knot*», посвященной проблеме крушения браков, адресант ведет рассуждение о причинах, в результате которых происходит раскол в семье, а также пытается понять, можно ли сохранить брак, если осознать необходимость решения данной проблемы: «*Kate says she felt Max already wanted more from her than she wanted to give. Or perhaps the real issue for both of them was that their relationship would have to change, their fused twosome divided into three. Would the relationship survive?*» (The New York Times). Задавая вопрос в конце своего рассуждения, адресант предполагает воздействие на адресата с целью получения его ответных рассуждений и продолжение дискуссии. Единичные вопросы, как правило, располагаются в конце абзаца и обеспечивают плавный переход к дальнейшему изложению обсуждаемой проблемы, одновременно создавая в представлении адресата реальную картину о происходящих событиях.

При проведении анализа также удалось установить, что в реализации тактики вопросительности участвуют *вопросы, на которые автор сам дает ответы*, чьей основной функцией является сообщение о существующих путях решения той или иной проблемы и тем самым побуждение адресата к их анализу.

Так, в примере: «*How do we describe the arc of a failed marriage? In one model, a period of happiness would turn into unhappiness, as if the marriage were a plant that bloomed and then withered. Another model of a failed marriage holds that the crucial elements are written into the marriage contract from the beginning, and like genes, express themselves over time*» (*The New York Times*) адресант путем ответа на поставленный вопрос предлагает свой вариант интерпретации сложившейся ситуации. Данный ответ дает возможность читателю ознакомиться с мнением автора. Одновременно он стимулирует аналитическую реакцию, что в дальнейшем находит отражение в откликах читателей, которые либо соглашаются с точкой зрения автора, либо нет, либо высказывают свои мнения по данной проблеме, и дискуссия продолжается.

Риторический вопрос в тексте проблемной статьи выполняет двойную функцию: с одной стороны, он является языковым средством констатации факта, который предлагается читателю для дальнейшего анализа. С другой стороны, утверждая определенный факт посредством риторического вопроса, адресант побуждает адресата к ответной реакции, которая может быть выражена ответом на данный вопрос или в виде самостоятельных рассуждений по теме вопроса. Так, реакцией на риторический вопрос *Is it ethical to hold the common people responsible for the actions of their leaders?* (*The New York Times*) может явиться согласие с тем фактом, что неэтично возлагать на простых людей ответственность за поступки руководителей государств.

Однако особого внимания, на наш взгляд, заслуживают последовательности следующих друг за другом вопросов, прагматическая функция которых заключается в авторском побуждении читателей осознать всю сложность и остроту проблемы, тем самым заставить их искать другие ответы и поделиться своим мнением, приняв участие в дискуссии. Так, в примере *So how is it that ordinary love ordinarily fails? If love is, as Wallace Stevens suggests, a dwelling «in which being there together is enough», how does silence fall on thousand evenings and the possibility of intimacy flicker and die? How do lovers become lonely?* (*The New York Times*) из статьи «*Untying the knot*» адресату предлагается осмыслить следующее: как люди, которым было так хорошо вместе до свадьбы, становятся одиночками и нелюбимыми друг другом в самом браке. В известной мере ответы на эти вопросы могут способствовать решению данной проблемы. В ходе поиска ответов на поставленные вопросы адресаты не только делятся своим опытом, но и узнают другие мнения, что в результате может изменить существующее положение дел.

Выводы

Таким образом, можно прийти к выводу, что, реализуя стратегию побуждения, автор использует различные тактики, такие, как *тактика создания эффекта достоверности, тактика создания эффекта значительности события, тактика оценки, тактика повторения, тактика вопросительности*. Данные приемы являются очень эффективными в плане воздействия на адресата, что подтверждается активным участием читателей в обсуждении той или иной проблемы. Каждая тактика реализуется посредством определенного набора языковых средств, дальнейшая систематизация которых позволит проводить сравнительный анализ стратегий полемического дискурса со стратегиями других дискурсов.

Литература

1. Сажина, Е. В. Структурные и прагматические характеристики полемического дискурса (на материале англоязычной прессы) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. В. Сажина ; Минск. гос. лингвистич. ун-т. – Минск, 2007. – 132 л.
2. Лавренко, Е. В. Тактики реализации стратегии побуждения в информационном экономическом дискурсе / Е. В. Лавренко // Материалы ежегодной науч. конф. преподавателей и аспирантов ун-та / под ред.: А. В. Зубов [и др.]. – М. : МГЛУ, 2006. – С. 15–22.

Summary

The article is devoted to the study of the repertoire of communicative tactics which realize the strategy of incentive in the polemic discourse of the printed Mass Media. During the analysis of problem articles written in English the repertoire of language means which are characteristic of the representation of such tactics as the tactics of creation of the effect of reliability, the tactics of creation of the effect of significance of the event, the tactics of appraisal, the tactics of repetition, the tactics of interrogation is singled out. It has been found out that each tactics is realized by means of the definite repertoire of language means and is effective in influencing the addressee. The result of the influence is proved by the active participation of the reader in the discussion of this or that problem.

Поступила в редакцию 28.01.10.

УДК 811.161.1

В. С. Сидорец

**ВЕРБОИДНЫЕ СТРУКТУРЫ С КЛАССИФИКАТОРАМИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
(на материале романа-эпопеи Л. Н. Толстого «Война и мир»)**

Исследуются структура, семантика и функционирование вербоидных конструкций с классификаторами-существительными в романе-эпопее Л. Н. Толстого «Война и мир».

Введение

Функционирование вербоидных структур типа *доходить до предела унижения, иметь чувство смерти, испытывать горечь разлуки* и другие в художественном тексте не получило освещения в научной литературе. Между тем мобильность их компонентов и ёмкость семантики стимулируют создание различных по протяжённости и внутренней организации речевых сегментов для реализации писателем художественного замысла. Как считает М. В. Всеволодова, классификаторы в составе вербоидных структур – своеобразные концепты этих образований. Они представлены существительными, определяющими «категориальный класс явлений действительности» [1, 46]: *акт, горечь, предел, процесс, свойство, сладость, состояние, чувство* и др.

Результаты исследования и их обсуждение

Мы исходим из того, что ядром системы вербоидных структур являются неоднословные наименования акционально-статального признака типа *вызывать переполох, давать аудиенцию, испытывать радость* (в нашей терминологии – *вербоиды*), которые, являясь коммуникативными эквивалентами глаголов, восполняют их ограниченность в повествовании, особенно в текстах, где представлена эмоционально-психическая сфера человеческой деятельности. Весьма солидным резервом для функционирования вербоидов являются отмеченные существительные-классификаторы, значительно расширяющие конструктивно-смысловые возможности вербоидов и превращающие их в особые вербоидные структуры. Классификаторы задают тон повествованию, значительно влияя на семантический облик того или иного текстуального сегмента. Интересна в этом отношении мысль М. В. Всеволодовой о том, что «не контекст “проясняет” смысл слова, а слово “выбирает” свой контекст и своих **контекстпартнёров**, в связке с которыми оно передаёт необходимый говорящему смысл, или иначе, сочетаемость слова определяется его ЛСВ, концептуальной значимостью, частеречной принадлежностью и способностью нести те или иные субъективные смыслы... Связь слова “со своим” контекстом позволяет уточнить собственное значение слова, раскрыть его концепт в данном языке» [1, 26].

Большинство приведённых выше слов-классификаторов – сфера прежде всего художественного текста, специфика которого накладывает, естественно, отпечаток на вербоидные структуры.

Художественный текст проявляется через язык художественной литературы, который реализует авторский замысел и отражает стилевое многообразие составных социальных частей общества с помощью особого характера модальности, характеризующегося, как подчёркивает О. И. Ревуцкий, «более заметным ... проявлением персональности, суть которой заключается в эмоционально-оценочном отношении автора к изображаемому. Этим определяется и специфика коммуникативной направленности художественных текстов: их потенциальный читатель должен быть способен к проникновению во внутренний мир автора, видению изображаемого его глазами, сочувствию и сопереживанию» [2, 40]. Развивая идеи И. Р. Гальперина об особом характере художественной модальности, О. И. Ревуцкий обращает внимание на тесную связь «модальности художественных текстов с образностью», на их высокую информативную насыщенность, цельность, связность (и даже «бессвязную связность»), на имплицативность – «нев्यраженность автором некоторой части содержания в расчете на то, что читатель сам сможет дополнить недостающее» [2, 43], на проспекцию и ретроспекцию, когда «время может не соответствовать естественной хронологии событий», когда «возможны “прорывы” в далекое прошлое, свободное “путешествие” по разным временным планам и т. д.» [2, 44]. Отсюда логически вытекает «высокая степень антропоцентризма художественного текста, который предстаёт как сложный смысловой знак, выражающий знания писателя о действительности, воплощённые в его произведении в виде индивидуально-авторской картины мира» [3, 49].

Объектом нашего исследования послужили система и функционирование вербоидных структур в романе-эпопее Л. Н. Толстого «Война и мир», гениальном классическом произведении русской и мировой художественной литературы. Творчески используя богатейшие возможности, заложенные в русском языке, проявляя свое видение мира, осуществляя индивидуальные подходы в процессе реализации художественного замысла, Л. Н. Толстой воплотил эпохальные события, отразил судьбы, чаяния, мысли, радости, горести сотен людей из разных сословий, разных стран и разных народов.

Л. Н. Толстой часто использует классификаторы как средство расширения структурно-семантических границ вербоидов и акцентирования внимания читателя на существенных, с точки зрения писателя, фрагментах объективно-субъективного мира. При этом классификаторы могут вводиться как в один отдельно взятый вербоид, так и в различные по объему структурные комплексы вербоидов.

В первом случае классификатор в вербоиде вычленяет фрагмент из эмоционально-психической сферы человеческой деятельности, акцентируя на нем внимание, например: 1. «Поскорее, поскорее бы», думал Ростов, чувствуя, что наконец-то наступило время **изведать наслаждение атаки**, про которое он так много слышал от товарищей-гусаров [4, 236]; 2. Пьер **почувствовал увлечение и прелесть бешенства** [5, 36]; 3. Он ужаснулся своему сомнению и, стараясь **вызвать** в себе **прежнее чувство умиления**, повергся к вратам храма [5, 87]; 4. Устроился в большом доме в верхних покоях и **испытываю** **счастливое чувство обновления** [5, 185]; 5. По тому, что он так смотрел на дело, он не только без сокрушения о том, что лишается участия в последней борьбе, **принял известие о назначении** его в командировку за ремонт для дивизии в Воронеж, но и с величайшим удовольствием, которое он не скрывал и которое весьма хорошо понимали его товарищи [6, 19]; 6. В разоренной и сожженной Москве Пьер **испытал** почти крайние **пределы лишений**, которые может переносить человек; но, благодаря своему сильному сложению и здоровью, которого он не признавал до сих пор, и в особенности благодаря тому, что эти лишения подходили так незаметно, что нельзя было сказать, когда они начались, он переносил не только легко, но и радостно свое положение [6, 105]; 7. И конвойные, как бы боясь в том горестном положении, в котором они сами находились, не **отдаться** бывшему в них **чувству жалости** к пленным и тем ухудшить свое положение, особенно мрачно и строго обращались с ними [6, 163]; 8. Кроме общего отчуждения от всех людей, Наташа в это время **испытывала** **особенное чувство отчуждения от лиц своей семьи** [6, 186].

К числу общих структурных свойств отмеченных вербоидов нужно отнести наличие классификаторов **наслаждение, увлечение и прелесть, чувство, известие, пределы**, а также то, что если замена их однословными коммуникативными эквивалентами в некоторых примерах теоретически и возможна (в языке существуют синонимичные с вербоидами глаголы), то практически она не осуществима, поскольку и структурно, и в смысловом отношении разрушает созданные писателем различные по объему текстовые фрагменты. Наиболее ярким в этом смысле является первый пример. Так, вербоид **изведать наслаждение атаки** имеет два коммуникативных эквивалента – **насладиться атакой** и **атаковать**. Однако ни первый, ни тем более второй, однословный, не смогут «детализировать» это эмоционально-психическое состояние Николая Ростова так, как это реализуется аналитичным по составу и семантике вербоидом. Каждый компонент вносит семантическую «лепту» в данный текстуальный фрагмент в качестве своих косвенно-производных значений, которых нет в глаголе **атаковать**. Поэтому весьма справедливы слова В. Н. Телия, что «главная причина существования в языке косвенно-производных значений слов, обозначающих непредметные сущности, заключается в том, что в этой сфере собственно словообразовательные средства номинации крайне непродуктивны» [7, 142] и (добавим. – В. С.) и невозможны.

Во втором примере представлена, в принципе, та же структурно-смысловая уникальность вербоидов. Здесь в вербоид включены два классификатора – **увлечение и прелесть**. Попытка трансформации этого дискретного сочетания убеждает лишь в том, что смысловой сгусток фразы оригинален, отличается целостностью и, естественно, не подвержен внешним изменениям. Так, это сочетание можно попытаться «разложить» следующим образом: **Пьер увлекся и «прельстился» бешенством; Пьер «взбесился»**. Несмотря на то, что представленные номинации могут войти в соответствующие полные номинативные ряды (**увлечься, почувствовать увлечение, испытать увлечение; «прельститься», почувствовать прелесть, ощутить прелесть; «взбеситься», почувствовать бешенство, ощутить бешенство**), даже попытка включения их в текст воспринимается искусственной.

С меньшей долей категоричности, но по существу то же можно сказать и о других вербоидах, приведенных выше. Так, теоретическая возможность, но практическая нецелесообразность трансформаций этих дескрипций, особенно в однословные компоненты (*вызвать чувство умиления – почувствовать умиление – умилиться; испытывать чувство обновления – чувствовать обновление – «обновляться»; принять известие о назначении – «известиться» о назначении – «назначиться»; испытывать пределы лишений – «предельно лишаться»; не отдаться чувству жалости – не почувствовать жалость – не пожалеть; испытывать чувство отчуждения – чувствовать отчуждение – «отчуждаться»*), наглядно подтверждается контекстом, его стилистическими рамками и литературной нормой. Так, например, коммуникативно допустимые, находящиеся на одной стилистической линии с вербоидом *не отдаться чувству жалости* синонимические коммуникативные эквиваленты *не почувствовать жалости* и *не пожалеть* не воспринимаются текстом: препятствие на пути включения их в текст создает словосочетание *бывшему в них*, подчеркивающее, выделяющее семантику классификатора *чувство*.

Как видим, классификаторы, выбирая контекстпартнёров, «задают тон» в формировании содержания различных по протяжённости речевых сегментов. Это ещё более заметно в следующих примерах: 1. *Он закрыл глаза, но в то же мгновение в ушах его затрепала канонада, пальба, стук колёс экипажа, и вот опять спускаются с горы растянутые ниткой мушкетёры, и французы стреляют, и он чувствует, как содрогается его сердце, и он выезжает вперёд рядом с Шмитом, и пули весело свистят вокруг него, и он испытывает то чувство удесятёрённой радости жизни, какого он не испытывал с самого детства [4, 199]; 2. И кроме бледности, на лице маленькой княгини **выразился** детский **страх** неотвратимого физического страдания [5, 40]; 3. Первое время своего знакомства с Сперанским князь Андрей **питал** к нему страстное чувство восхищения, похожее на то, которое он когда-то испытывал к Бонапарте [5, 137].*

В каждом из примеров фигурируют в качестве контекстпартнёров классификаторов прилагательные, непосредственно или опосредствованно связанные с ними, которые выражают интенсифицированный эмоционально-экспрессивный, образный признак. В качестве интенсификаторов-распространителей категориально-концептуальной семантики классификаторов используются также синтаксические конструкции, включающие в свой состав акцентирующие компоненты типа: *какого не испытывал; то, которое испытывал*. Кроме того, в первом примере заключающая смысл часть, в которую входит вербоидная структура и грамматически зависимая от неё конструкция, является своеобразным итогом предшествующей части, характеризующейся объёмным реальным содержанием и повышенной коннотацией.

Весьма распространённым средством в творческой манере Л. Н. Толстого является прием «наложения» вербоидов, когда деривационные сочетания, имеющие один деривант, объединяются в один комплекс, фокусирующий значения нескольких предикатных существительных – семантических центров вербоидов: *С людьми, окружавшими его, от дочери до слуг, князь был резок и неизменно-требователен, и потому, не быв жестоким, он **возбуждал** к себе **страх** и **почтительность**, каких не легко мог бы добиться самый жестокий человек [4, 112]; Достигнуть Цнайма прежде французов – значило получить большую надежду на спасение армии; дать французам предупредить себя в Цнайме – значило наверно **подвергнуть** всю армию **позору**, подобному ульмскому, или общей **гибели** [4, 221]; Этот человек теперь в силе, я должен **приобрести** его **доверие** и **дружбу** и через него устроить себе выдачу единовременного пособия [4, 253].*

Как видим, в отмеченных комплексах слиты вербоиды, имеющие один деривант: *возбуждать страх и почтительность = возбуждать страх + возбуждать почтительность; подвергнуть позору или гибели = подвергнуть позору + подвергнуть гибели; приобрести доверие и дружбу = приобрести доверие + приобрести дружбу*.

Естественно, комплексы вербоидов, включающие классификаторы, характеризуются более сложным структурно-смысловым рисунком: 1. *Он не мог отказаться от места или, скорее, звания (потому что он ничего не делал), которое доставил ему князь Василий, а знакомств, зовов и общественных занятий было столько, что Пьер еще больше, чем в Москве, **испытывал** **чувство** **отуманенности**, **торопливости** и всё наступающего, но не совершающегося какого-то **блага**» [4, 257]; 2. *Но он всей душой желал верить, и верил, и **испытывал** радостное **чувство** **успокоения**, **обновления** и **возвращения** к жизни [5, 75]; 3. *Кто из русских людей, читая описания последнего периода кампании 1812 года, не **испытывал** тяжёлого **чувства** **досады**, **неудовлетворенности** и **неясности** [6, 177]; 4. *Кутузов же, тот человек, который от начала и до конца своей деятельности в 1812 году, от Бородина и до Вильны, ни разу ни одним действием, ни словом не изменяя себе, **являет** необычайный в истории **пример** **самоотвержения******

и сознания в настоящем будущего значения события, – Кутузов представляется им чем-то неопределенным и жалким, и, говоря о Кутузове и 12-м годе, им всегда как будто немножко стыдно [6, 195]; 5. При упоминании о княжне Марье Ростов **испытывал непонятное для него самого чувство застенчивости, даже страха** [6, 24]; 6. Сидя вместе с офицерами за столом и разрывая руками, по которым текло сало, жирную душистую баранину, Петя **находился в восторженном детском состоянии нежной любви ко всем людям и вследствие того уверенности в такой же любви к себе других людей** [6, 147].

Весьма тонко и выразительно передается психическое состояние Пьера в первом предложении, особенно той его частью, которую представляет комплекс вербоидов «*испытывал чувство туманности, торопливости, ... блага*». Семантическое разнообразие этой конструкции, выражаемое всеми ее компонентами, а также цельность, монолитность её структуры создают своеобразный смысловой «фокус», направленный на сознание читателя и вызывающий у него ответную эмоционально-экспрессивную реакцию. Понятно, что попытки определенным образом трансформировать эту конструкцию безуспешны, так как они разрушают авторский художественный замысел.

Не могут быть заменены однословными коммуникативными эквивалентами – глаголами – структурные части комплекса вербоидов *испытывал радостное чувство успокоения, обновления и возвращения (успокоился, обновился, возвратился)*. Этому препятствует особый, книжный характер именных компонентов *успокоение, обновление, возвращение*, элементы семантической градации этих компонентов, прилагательное *радостный* перед классификатором *чувство*.

В третьем примере, кроме семантически нарастающей градации именных компонентов вербоидов, наличия прилагательного *тяжелый*, препятствующего структурным изменениям всей конструкции, сохранению ее монолитности способствует отсутствие односложного коммуникативного эквивалента к вербоиду *испытывать чувство неясности («неяснаться»)*. Не изменяет ситуации существование в языке однословных коммуникативных эквивалентов *досадовать, удовлетворяться*, которые по стилистическим и дистрибутивным свойствам остаются за пределами данного комплекса.

Тема-рематический центр четвертого текстуального фрагмента *являет пример самоотвержения и сознания* представляет собой комплекс, состоящий из двух вербоидов (*являет пример самоотвержения, являет пример сознания*), который практически не поддается трансформациям, благодаря прежде всего классификатору *пример* с грамматически зависимым от него распространенным определением, а также тому, что первый вербоид не имеет односложного коммуникативного эквивалента.

В пятом примере деривационный комплекс «*испытывал непонятное для него самого чувство застенчивости, даже страха*» цементируется адекватным словосочетанием *непонятное для него самого*.

Шестой пример демонстрирует весьма сложный структурно-семантический рисунок, который пропускает через контуры вербоидного комплекса *находился в состоянии любви и уверенности в любви: находился в детском восторге, находился в состоянии детского восторга, находился в состоянии нежной любви, находился в восторженном детском состоянии нежной любви ко всем людям: находился в состоянии уверенности в такой же любви к себе других людей*. Между основными вербоидными частями существует тесная логическая связь, выражающаяся причинно-следственными словами *вследствие того*.

В предложении *Получив известие о Бородинском сражении и об оставлении Москвы, Ростов не то чтобы испытывал отчаяние, злобу или месть и тому подобные чувства, но ему вдруг стало скучно, досадно в Воронеже, всё как-то совестно и неловко* [6, 30]. Толстой, исходя из целей повествования, весьма оригинально «снимает» избыточную негативную коннотацию с именных компонентов вербоидного комплекса, используя союзное сочетание с семантикой предположительности *не то чтобы* и помещая в постпозицию заключительный по значению аналитический классификатор *и тому подобные чувства*, который накладывает запрет на возможные трансформации данного вербоидного комплекса: *испытывать отчаяние – отчаиваться, испытывать злобу – злиться, испытывать месть – мстить*. Этим достигается семантическое согласование первой предикативной части сложносочинённого предложения, включающей вербоидный комплекс, со второй частью.

Своеобразным рематическим заключением является характеризующийся интонацией понижения сегмент с вербоидным комплексом и придаточной частью, зависимой от этого комплекса, в периоде: *Всякий молодой человек, приезжающий в дом Ростовых, глядя на эти молодые, восприимчивые, чему-то (вероятно своему счастью) улыбающиеся, девические лица, на эту оживлённую беготню, слушая этот непоследовательный, но ласковый ко всем, на всё*

готовый, исполненный надежды лепет женской молодёжи, слушая эти непоследовательные звуки, то пенья, то музыки, **испытывал** одно и то же **чувство готовности к любви и ожидания счастья**, которое испытывала и сама молодёжь дома Ростовых [5, 48]. Вербоидный комплекс представляет два вербоида с классификатором **чувство**: *испытывать чувство готовности к любви, испытывать чувство ожидания счастья*. Концептуальный характер классификатора **чувство** приобретает существенную конкретизацию со стороны придаточной части, включающей, кроме того, трансформированную аналитическую номинализацию вербоидного комплекса – *которое испытывала*. В результате итоговый сегмент, отличающийся семантическим единством, и сегмент, характеризующийся интонацией понижения, представляют собою весьма ёмкий по содержанию и чёткий по структуре речевой фрагмент – период.

Мощный рематический акцент на классификаторе **чувство** делается писателем в предложении «Ростов, стоя в первых рядах Кутузовской армии, к которой к первой подъехал государь, **испытывал** то же **чувство**, какое испытывал каждый человек этой армии, – **чувство самозабвения, гордого сознания могущества и страстного влечения** к тому, кто был причиной этого торжества» [4, 309]. Во-первых, классификатор обретает особый рематический артикль *то же*, во-вторых, рематизированный таким образом классификатор **чувство** требует художественной конкретизации. Для её осуществления писатель использует встречающийся в романе приём – трансформированный повтор, в данном случае вербоид *какое (чувство) испытывал*, который с детализатором *каждый человек этой армии* выстраивает конкретизаторы (*испытывал*) **чувство самозабвения**, (*испытывал* **чувство**) **гордого сознания могущества**, (*испытывал* **чувство**) **страстного влечения** в порядке возрастающей семантической градации.

В предложении «И слова эти одинаково **возбуждали** в нём **удивление** к гениальному герою, **чувство оскорблённой гордости и надежду славы**» [4, 208] три вербоидных компонента, составляющих вербоидный комплекс, отличаются относительной семантической автономией, так как классификатор **чувство** принадлежит второму вербоидному компоненту данного комплекса: **возбуждали удивление**, (*возбуждали*) **чувство оскорблённой гордости**, (*возбуждали*) **надежду славы**. Это позволяет писателю более рельефно, аналитично выразить фрагменты ментально-психической сферы человеческого сознания.

Выводы

Итак, классификаторы-существительные значительно расширяют структурно-семантические возможности как отдельно взятых вербоидов типа *испытывать радость*, так и вербоидных комплексов типа *возбуждать страх и почтительность*. Естественно, Л. Н. Толстой широко и весьма эффективно использует в романе-эпопее «Война и мир» эти дискретные единицы, организуя языковой материал в различные по объёму, структуре и содержательному наполнению смысловые блоки, что способствует вовлечению разнообразнейших фактов из ментально-психической сферы человеческой деятельности, представленной в гениальном произведении.

Литература

1. Всеволодова, М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса / М. В. Всеволодова. – М. : Изд-во МГУ, 2000. – 504 с.
2. Ревуцкий, О. И. Филологический анализ художественного текста / О. И. Ревуцкий. – Минск : РИВШ, 2006. – 319 с.
3. Огнева, Е. А. Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста / Е. А. Огнева. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2009. – С. 49.
4. Толстой, Л. Н. Война и мир : роман : в 4 т. Т. 1 / Л. Н. Толстой // Л. Н. Толстой. Собр. соч. : в 22 т. Т. 4. – М. : Художественная литература, 1979.
5. Толстой, Л. Н. Война и мир : роман : в 4 т. Т. 2 / Л. Н. Толстой // Л. Н. Толстой. Собр. соч. : в 22 т. Т. 5. – М. : Художественная литература, 1980.
6. Толстой, Л. Н. Война и мир : роман : в 4 т. Т. 4 / Л. Н. Толстой // Л. Н. Толстой. Собр. соч. : в 22 т. Т. 7. – М. : Художественная литература, 1981.
7. Телия, В. Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке / В. Н. Телия. – М. : Наука, 1981. – С. 142.

Summary

The structure, semantics and functioning of the verboid constructions with noun-classifiers in the novel-epic «War and Peace» by L. N. Tolstoj are investigated.

Поступила в редакцию 12.02.10.

ПЕРСАНАЛІІ

*К юбилею**Гулак Константин Григорьевич*

23 февраля исполнилось 75 лет доценту кафедры теоретической физики Константину Григорьевичу Гулаку. Он родился на Украине, в с. Архиповка Черниговской области в семье крестьянина.

В 1953 году окончил среднюю школу. Отслужил в рядах вооруженных сил.

С 1957 г. по 1960 г. учился в Минском электротехническом техникуме связи по специальности «Телевидение и радиовещание», который окончил с отличием, после чего был направлен на работу в Гомельский телевизионный центр на должность радиотехника. Молодой специалист принимал активное участие в монтаже и настройке оборудования телевизионного центра, а после сдачи в эксплуатацию был оставлен на постоянную работу. Неоднократно поощрялся руководством телецентра и Министерством

связи за рационализаторскую работу и успехи в трудовой деятельности.

Работая в Гомельском телевизионном центре, К. Г. Гулак учился заочно в Московском электротехническом институте связи, который окончил в 1969 г.

С развитием телевизионного вещания в Республике Беларусь по ходатайству руководства г. Мозыря в 1962 году был приглашен в Мозырь для проведения монтажных и пусковых работ на Мозырском телевизионном ретрансляторе. После сдачи в эксплуатацию телеретранслятора был оставлен на постоянную работу, где проработал до 1972 года.

Работая на телевизионном ретрансляторе, Константин Григорьевич одновременно работал в Мозырском педагогическом институте. В этот период проводилась интенсивная работа по созданию нового факультета общетехнических дисциплин и физики, и он принял активное участие в создании учебно-материальной базы этого факультета.

С 1972 года К. Г. Гулак работает в Мозырском педагогическом институте.

За достигнутые успехи в обучении и воспитании студентов Президиум Верховного Совета СССР Указом от 27 июня 1978 года наградил старшего преподавателя К. Г. Гулака орденом «Знак Почета».

Научные интересы К. Г. Гулака проявились в проблемах трудового обучения и воспитания учащихся средних школ. В соавторстве с ведущими учеными Республики Беларусь были подготовлены учебные пособия и учебники по трудовому обучению для учащихся 4–9 классов средней школы на белорусском и русском языках.

Совместно с другими соавторами учебных пособий и учебников по трудовому обучению, представленных на выставке ВДНХ СССР в 1991 г., он был награжден серебряной медалью.

В 1992 году в соавторстве в издательстве «Просвещение» опубликован «Справочник по трудовому обучению для 5-х классов».

В 1991 году в К. Г. Гулак избран на должность доцента кафедры общетехнических дисциплин, в 1992 году ВАК Республики Беларусь присвоил ему ученое звание доцента, а с 1996 г. по настоящее время работает доцентом кафедры теоретической физики.

С 1992 г. по 1999 г. К. Г. Гулак работал заместителем декана по учебной работе на факультете общетехнических дисциплин и физики.

В настоящее время научные интересы К. Г. Гулака сосредоточены на разработке новых технологий преподавания электротехники и радиотехники при подготовке учителя физики, технологии трудового обучения и инженера-педагога.

*М. И. Ефремова,
заместитель декана физико-
математического факультета по научной работе*

*К юбилею**Шепелевич Вислий Васильевич*

2 марта исполнилось 65 лет доктору физико-математических наук, профессору Василию Васильевичу Шепелевичу. Он родился в деревне Ковнятин Пинского района Брестской области.

В 1951 году поступил в Ковнятинскую начальную школу. С 1956 года продолжил обучение в Логишинской средней школе, которую закончил с золотой медалью в 1961 году. В этом же году поступил на физико-математический факультет Брестского государственного педагогического института. С 1964 по 1967 гг. проходил службу в Советской Армии. С 1967 года продолжил обучение в Брестском государственном педагогическом институте имени А. С. Пушкина, который закончил в 1969 году, получив специальность «Физика» с присвоением квалификации «учитель физики средней школы».

В 1969 году был направлен по распределению на работу в Стошанскую СШ учителем физики, математики и астрономии. В 1971 году поступил в аспирантуру Института физики Академии наук БССР. В 1973 году в связи с назначением научного руководителя академика Бокутя Бориса Васильевича ректором Гомельского государственного университета был переведен в аспирантуру этого университета. После окончания аспирантуры и защиты в 1975 году диссертации на соискание ученой степени кандидата физико-математических наук был направлен на работу в Мозырский государственный педагогический институт. Здесь работал сначала старшим преподавателем, затем заведующим кафедрой физики, кафедрой теоретической физики, доцентом, заведующим научно-исследовательской лабораторией когерентной оптики и голографии, проректором по научной работе, профессором. В 1981 году получил ученое звание доцента. В 1994 году защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора физико-математических наук. В 1995 году получил звание Соросовского доцента, а в 1996 году – звание профессора. Он является обладателем диплома № 1 доктора наук ВАК Республики Беларусь. С 2005 года по настоящее время В. В. Шепелевич заведует кафедрой теоретической физики.

В. В. Шепелевич зарекомендовал себя талантливым изобретателем и руководителем. Он разработал лекционные курсы как по общей, так и по теоретической физике (все разделы). Учебные занятия всех форм проводит на высоком научно-методическом уровне.

Им опубликовано свыше 280 научных и научно-методических работ, в том числе учебное пособие «Введение в когерентную оптику и голографию» под грифом Министерства просвещения СССР.

Большое внимание В. В. Шепелевич уделяет подготовке научно-педагогических кадров. Он является руководителем научной школы «Голография в фоторефрактивных кристаллах». В рамках научно-исследовательского коллектива этой школы начинали свою научную деятельность д. ф.-м. н., профессор, проректор по научной работе Белорусского торгово-экономического университета потребительской кооперации Г. С. Митюрин; к. ф.-м. н., доцент Минского государственного высшего радиотехнического колледжа Е. М. Храмович; к. ф.-м. н., доцент, зав. кафедрой информатики и МПИ Н. Н. Егоров; к. ф.-м. н., доцент, ведущий сотрудник Института физики НАН Беларуси имени Б. И. Степанова П. И. Ропот; к. ф.-м. н., доцент кафедры теоретической физики А. А. Фирсов; к. ф.-м. н., доцент кафедры теоретической физики, декан факультета довузовской подготовки и профориентации С. Ф. Ничипорко; к. ф.-м. н., доцент кафедры теоретической физики, начальник НИСа УО МГПУ имени И. П. Шамякина В. Н. Навныко.

На протяжении многих лет В. В. Шепелевич создавал научную базу научно-исследовательской лаборатории когерентной оптики и голографии. Исследования по голографии фоторефрактивных кристаллов получили большое признание в научном мире. Представляемые лабораторией научные проекты неоднократно побеждали в конкурсах на финансирование Фонда фундаментальных исследований и Министерства образования Республики Беларусь. Доклады лаборатории включаются в программы самых престижных международных научных конференций по голографии и физике фоторефрактивных кристаллов (European Conference on Applications of Polar Dielectrics, Roma, Italy; International on Coherent and Nonlinear Optics; International Young Scientist Workshop on Optics, Photonics and Metamaterials и др.).

Под руководством В. В. Шепелевича в 2000 году организована и проведена Международная конференция «Оптика кристаллов», в которой приняли участие ученые из 17 стран мира. Международным биографическим центром Кембриджского университета он признан международным человеком. 2000/2001 года (International Man of 2000/2001 year). В 2001 году Американский биографический институт включил его в номинацию «Самый влиятельный ученый десятилетия», а в 2003 – в номинацию «Человек года».

В. В. Шепелевич на протяжении многих лет сотрудничает с научной группой Томского университета систем управления и радиоэлектроники. Имеет совместные научные публикации по голографической тематике с С. М. Шандаровым (Томск, Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, Россия), С. Г. Одуловым (Киев, Институт физики, Украина), Н. В. Кухтаревым (Алабамский университет, США), К. Рингхофером., Е. Шамониной (Оснабрюкский университет, Германия), Г. фон Балли (Мюнстерский университет, Германия), А. А. Камшилиным (Университет Йенсуу, Финляндия). Со всеми научными центрами, которые представляют указанные выше ученые, В. В. Шепелевич поддерживает тесные научные связи, участвует в выполнении научных исследований совместно с учеными Мюнстерского, Оснабрюкского и Йенского университетами Германии.

Под руководством В. В. Шепелевича опубликован ряд статей студентов в научных и научно-методических журналах. Несколько студенческих научных работ, подготовленных под его руководством, отмечены Министерством образования Республики Беларусь первыми категориями. В. В. Шепелевич принимает активное участие в общественной работе. Он является председателем первичной организации Белорусского физического общества, входит в редакционный совет научно-методического журнала «Фізика: Проблемы выкладання», является членом совета по защите кандидатских диссертаций при УО «ГГУ имени Ф. Скорины».

Василий Васильевич никогда не замыкался только на научно-исследовательской работе. Самым интересным и необычным мероприятием физико-математического факультета 2009 года был творческий вечер «Физика и музыка». Его организатор – Василий Васильевич – предложил студентам сочинить стихи на физические темы. Собственным примером доказывая, что талантливый человек талантлив во всем, Василий Васильевич пишет стихи на русском, белорусском, украинском и английских языках. Уже вышли несколько сборников с его стихотворениями. Как это ни удивительно, многие физики прекрасно чувствуют лирику. Немногие знают о том, что В. В. Шепелевич является автором научных работ по фольклору белорусского Полесья. Хорошо помнят в университете организованные им выставки в рамках «Дней физики и физиков».

Квалификация, профессионализм, тактичность в общении давно замечены коллегами и учениками Василия Васильевича. Вокруг него всегда молодые люди, обсуждающие актуальные проблемы современной физики, педагогики, психологии, методики преподавания. Молодежь берет с него пример, подражает ему.

*М. И. Ефремова,
заместитель декана физико-
математического факультета по научной работе*

БІБЛІОГРАФІЯ

М. А. Дыгун, Л. Л. Михайлова

Как готовить курсовую работу по психологии и педагогике

Дыгун, М. А.

Как готовить курсовую работу по психологии и педагогике : справ. материалы / М. А. Дыгун, Л. Л. Михайлова. – Мозырь : Содействие, 2007. – 40 с. ISBN 978-985-6850-47-2.

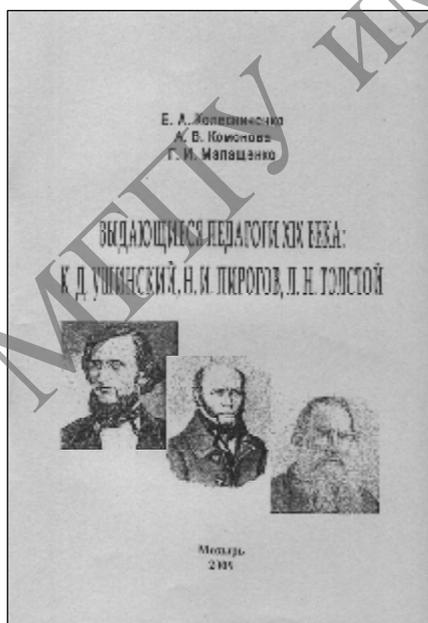
В издании содержится справочный материал, который поможет успешно подготовить и защитить курсовую работу по психолого-педагогическим дисциплинам. Авторы предлагают 10-шаговый алгоритм подготовки курсовой работы. По каждому этапу приведены рекомендации и пожелания, позволяющие наиболее оптимально организовать деятельность обучаемого. Книга подготовлена в доступной и удобной форме, содержит примеры, советы и другую полезную информацию.

Адресуется студентам педагогических специальностей вузов, учащимся средних педагогических учебных заведений.

УДК 378.147.85.[159+37](075.8)
ББК 74.58 Д87

Е. А. Колесниченко, А. В. Комонова, Г. И. Малащенко

Выдающиеся педагоги XIX века: К. Д. Ушинский, Н. И. Пирогов, Л. Н. Толстой

Колесниченко, Е. А.

Выдающиеся педагоги XIX века: К. Д. Ушинский, Н. И. Пирогов, Л. Н. Толстой : пособие для студентов высш. учеб. заведений / Е. А. Колесниченко, А. В. Комонова, Г. И. Малащенко. – Мозырь : УО МГПУ имени И. П. Шамякина, 2009. – 77 с.

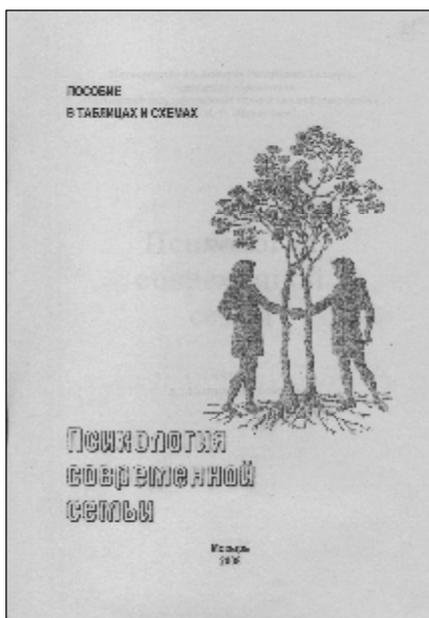
В работе излагаются биографии и сведения о просветительской деятельности выдающихся отечественных педагогов XIX века: К. Д. Ушинского, Н. И. Пирогова, Л. Н. Толстого. Пособие поможет будущим специалистам сферы образования при подготовке к практическим занятиям по дисциплине «История педагогики», при написании рефератов, курсовых и дипломных работ и тем самым будет способствовать развитию их педагогического мышления.

Адресуется студентам, преподавателям, аспирантам, магистрантам, а также всем тем, кто интересуется историей образования и педагогики.

УДК 37«18»(075)ю8
ББК 74.03(2)я73

В. В. Шорец

Психология современной семьи

Психология современной семьи : пособие в таблицах и схемах / авт.-сост. В. В. Шорец. – Мозырь : УО МГПУ имени И. П. Шамякина, 2008. – 88 с.

Пособие представляет собой издание, содержащее сведения по психологии современной семьи как разделе науки, имеющем свои методологические позиции, понятийный аппарат, закономерности. В пособии в краткой форме даются представления о современной семье и браке и динамике брачно-семейных отношений. В нем рассмотрены основные зарубежные теории семьи, дана психологическая характеристика супружеских и детско-родительских отношений, проанализированы методы семейной психодиагностики, представлена система работы педагога-психолога с семьей.

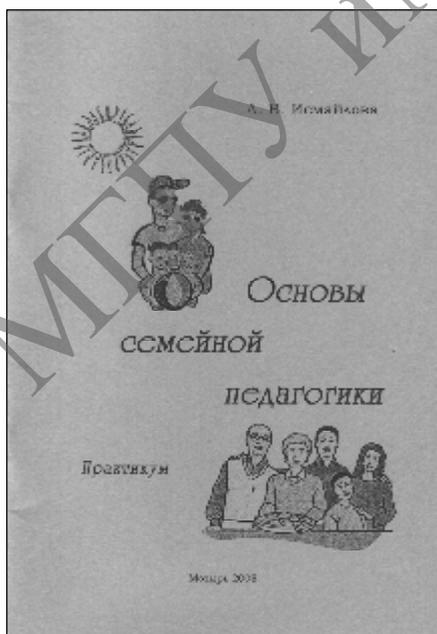
Пособие предназначено для студентов факультета ДиНО, обучающихся по специальности «Начальное образование. Практическая психология». Может быть полезно педагогам-психологам, работающим с детьми, их родителями, семьей как системой.

УДК 37.015.3

ББК 88я73

Л. В. Исмаилова

Основы семейной педагогики

Исмаилова, Л. В.

Основы семейной педагогики : практикум / Л. В. Исмаилова. – Мозырь : УО МГПУ имени И. П. Шамякина, 2008. – 39 с.

Практикум нацелен на формирование у будущих учителей, социальных педагогов ценностного отношения к семье, системы знаний и умений, необходимых для работы с родителями школьников. В практикуме представлен комплекс информационно-аналитических материалов по проблемам семейного воспитания, практических заданий для самостоятельной работы студентов, вопросов для обсуждения на семинарских занятиях.

Адресуется студентам педагогических учебных заведений. Может быть использован учителями и классными руководителями.

УДК 371.018.1(076.5)

ББК 74.90я73

И. А. Карабанов
*Экологическое воспитание
в технологическом образовании школьников*

Карабанов, И. А.

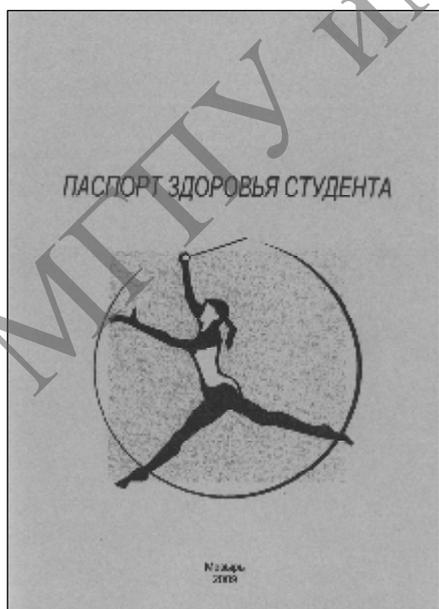
Экологическое воспитание в технологическом образовании школьников : курс лекций / И. А. Карабанов. – Мозырь : УО МГПУ имени И. П. Шамякина, 2009. – 92 с. ISBN 978-985-477-260-8.

В курсе лекций приведены системные сведения о сущности, становлении и **путях развития экологии** в связи экологизацией технологий. Названы базовые группы и классы технологических загрязнителей природы. На основе законодательства Республики Беларусь в области охраны окружающей среды показаны пути и способы экологического воспитания школьников в процессе их трудовой подготовки и в связи с направлениями развития общества по оздоровлению окружающей среды.

Адресуется студентам факультета технологи педвузов и средних специальных учебных заведений, учителям технического труда средних школ.

УДК 502:371.0353(042.4)
ББК 74.200.5я73

А. Г. Фурманов, В. А. Горовой
Паспорт здоровья студента

Паспорт здоровья студента / авт.-сост.: А. Г. Фурманов, В. А. Горовой. – Мозырь : УО МГПУ имени И. П. Шамякина, 2009. – 25 с. ISBN 978-985-477-255-4.

«Паспорт здоровья студента» предназначен для регистрации показателей физического развития, функционального состояния, физической подготовленности, экспресс-оценки уровня здоровья и двигательной активности студента.

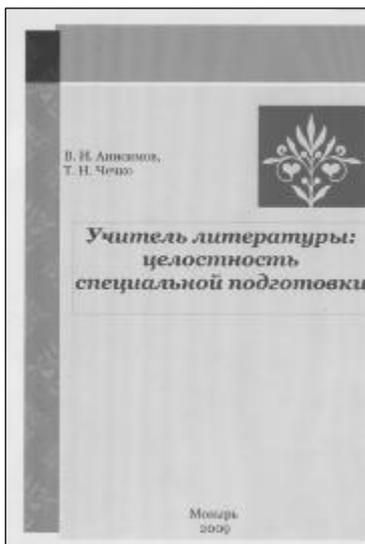
Полученные результаты смогут помочь в выборе форм и средств физической культуры с учетом индивидуальных особенностей каждого студента, регулировать недельный объем двигательной активности.

«Паспорт здоровья студента» рекомендуется для использования в работе преподавателям физического воспитания, а также студентам для самоконтроля.

УДК 378.17
ББК 75.0

РЭЦЭНЗІЯ

Рецензия
на монографию В. И. Анисимова и Т. Н. Чечко
«Учитель литературы: целостность специальной подготовки»

Монография содержит научно-методическое обоснование компетентного подхода к специальной подготовке будущих учителей литературы в педагогическом университете.

Этот подход рассматривается как стратегическое условие и средство совершенствования специальной подготовки будущих учителей литературы в двух взаимосвязанных направлениях: а) по диахронической вертикали «педвуз – школа» и б) по синхронической горизонтали «преподаваемый вид искусства – смежные виды художественной культуры».

С акцентом на преподавание древнерусской литературы раскрыты сущность и структура ключевых академических компетенций студентов-филологов, охарактеризованы основные предпосылки их формирования: целостность человеческой личности, компетентностная модель специалиста, преемственность общего среднего и высшего образования на младших курсах педагогического университета.

Определены дидактические возможности и условия включения ключевых академических компетенций в содержание профессиональной подготовки будущих школьных учителей; рассмотрены основные показатели, методы и результаты диагностики ключевых академических компетенций на начальном этапе эксперимента.

Подробно представлена методика формирования ключевых академических компетенций в процессе изучения курса «История древнерусской литературы».

Среди методических приемов особое внимание уделено укрупнению дидактических единиц курса на основе интегративных понятий (стиль эпохи, прогрессивные линии развития русской литературы, ведущие принципы художественного обобщения).

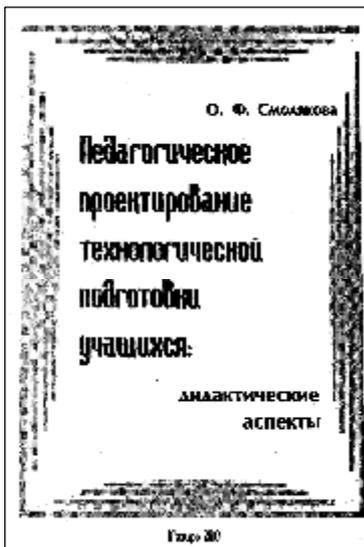
Представлена система учебных блоков, на основе которых выстраивается экспериментальное обучение. Прослежены его основные этапы и подытожены его результаты.

Теоретическую часть монографии дополняет цикл авторских лекций по истории русской литературы XX в., в которых находят отражение вышеизложенные принципы и приемы компетентного подхода к организации специального образования.

Первая часть монографии адресована тем, кто занимается научными изысканиями в области теории и методики преподавания русской литературы, вторая часть будет полезна учителям и студентам-филологам.

Рецензент
Ф. В. Кадол,
доктор педагогических наук, профессор,
заведующий кафедрой педагогики
УО «ГГУ имени Франциска Скорины»

Рецензия
на монографию О. Ф. Смоляковой
«Проектирование технологической подготовки учащихся: дидактические аспекты»

Система непрерывного образования невозможна без высококвалифицированных педагогических кадров. Объективные условия новой социокультурной реальности, характеризующиеся высокой степенью динамизма происходящих в стране изменений, требуют подготовки педагогов в режиме развития, предполагающем инициацию внутренних процессов обучающихся, их становление в качестве субъектов образования. Эта проблема может быть решена посредством включения студентов в активную самостоятельную деятельность, содержащую элементы педагогического труда. Использование автором в качестве такой деятельности проектирования обусловлено, с одной стороны, возможностью мобилизовать творческий потенциал, индивидуальные качества будущих инженеров-педагогов и учителей технологии; с другой стороны – необходимостью овладения проектированием как управленческой процедурой и обязательным компонентом педагогической деятельности.

В монографии раскрыты теоретические основы становления субъекта технологического образования в процессе педагогического проектирования, даны практические рекомендации, позволяющие на качественно новом уровне провести подготовку педагогов-инженеров и учителей технологии к профессиональной деятельности. Предлагаемая структурно-функциональная модель субъекта технологического образования в педагогическом вузе представлена автором как единство взаимосвязанных, взаимодополняющих позиций обучающегося: позиции «индивид», которая раскрывается через проектные способности и проявляется в способах действий по разработке, реализации и анализу проекта технологической подготовки; позиции «личность», определяющейся совокупностью присвоенных норм, знаний (педагогических, методических, специальных), ценностей, которые собраны в субъектном опыте, в личностных качествах; позиции «человек», обусловленной потребностями в приобретении норм и знаний построения педагогической и преобразовательской деятельности, способов их интеграции, воплощающихся в поставленных субъектом целях.

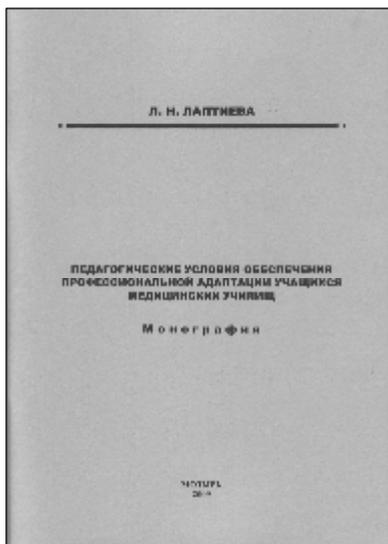
Основания педагогической целесообразности использования педагогического проектирования как средства организации процесса становления субъекта технологического образования базируются на культурологическом и деятельностном подходах и на адекватных им принципах субъектности, коммуникативности, адаптивности, интегративности, полноты освоения социального опыта, кооперации, мультикультурности, культуросообразности, продуктивности; на теориях поэтапного формирования умственных действий и контекстного обучения; на основной постулируемой ценности – личности обучающегося.

Разработанная методика освоения педагогического проектирования основывается на использовании собственной активности студентов и обеспечивает их включение в процесс педагогического проектирования посредством применения активных методов. Для обеспечения деятельности преподавателя разработаны программа спецкурса, технологический план-график, диагностирующие материалы, а для организации самостоятельной познавательной деятельности студентов предлагается блок-конспект, который позволяет функционально изменить роль педагога в процессе обучения.

Изложенные в данной монографии результаты исследования автора позволят ее читателям расширить свои знания в области педагогического проектирования.

Рецензент
Л. С. Шабка,
доктор педагогических наук, профессор,
профессор кафедры инженерной графики и САПР
УО «БГАТУ»

Рецензия
на монографию Л. Н. Лаптиева
«Педагогические условия обеспечения профессиональной адаптации
учащихся медицинских училищ»

Монография Л. Н. Лаптиева посвящена выявлению эффективности педагогических условий обеспечения профессиональной адаптации учащихся медицинских училищ – будущих медицинских работников среднего звена в системе лечебно-профилактических учреждений.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью разрешения объективно существующих проблем реализации идеи интеграции теоретической и практической составляющих профессиональной подготовки учащихся медицинских училищ в процессе обучения. Выработка учащимися умений реализовывать полученные в период обучения в медицинском училище профессиональные знания и умения в производственных условиях, приобретение ими профессионально-квалификационной мобильности являются важным условием эффективной профессиональной адаптации на конкретном рабочем месте в различных типах лечебно-профилактических учреждений. Анализ направлений научных исследований и образовательной практики дает основание для констатации тезиса о том, что проблема, затронутая

в исследовании, весьма многогранна и требует особой аналитической и экспериментальной работы, где в качестве продукта выступила бы специальная система комплексного обеспечения профессиональной адаптации учащихся медицинских училищ. Автор исследования осуществила весьма успешную попытку не только разработать данную систему мероприятий, но и доказать ее эффективность и значимость для процесса профессиональной адаптации учащихся медицинских училищ, которая возрастает за счет создания в ходе профессиональной подготовки учащихся педагогических условий, позитивно влияющих на профессиональную адаптацию учащихся и молодых специалистов.

Проблема профессиональной подготовки и профессиональной адаптации учащихся медицинских училищ, по мнению Л. Н. Лаптиева, имеет философско-социологическое обоснование сущности профессиональной адаптации в контексте формирования профессиональных знаний и умений, включает в себя морально-этические характеристики специалиста, что позволяет автору монографии переместить акцент с сугубо функциональной подготовки будущего медицинского работника среднего звена на его духовно-нравственное становление. Исследователь обозначила роль и место комплекса учебно-профессиональных задач и предложила методику их решения в профессиональном становлении медицинского работника среднего звена.

Выявление этапов профессиональной адаптации учащихся медицинских училищ и раскрытие их специфических особенностей позволили осуществлять мероприятия по профессиональной адаптации комплексно, с учетом этих особенностей, в результате чего появилась возможность упорядочить процессы анализа имеющихся педагогических систем и разработки новых.

Заслуга автора заключается также в том, что в ходе исследования была разработана теоретическая модель профессиональной адаптации учащихся, выявлены и теоретически обоснованы педагогические условия и дидактические средства, позволяющие на качественно новом уровне провести подготовку учащихся к профессиональной деятельности.

Рецензент
С. И. Столярова,
кандидат педагогических наук,
профессор кафедры общей и профессиональной педагогики
УО «РИПО»

ХРОНІКА***Наука в УО МГПУ имени И. П. Шамякина:
подводим итоги года***

Накануне Дня белорусской науки в УО МГПУ имени И. П. Шамякина состоялось торжественное собрание: ученые университета подводили итоги своей научной деятельности, принимали поздравления. Ректор университета В. В. Валетов поздравил коллектив с профессиональным праздником, вручив грамоты университета и объявив благодарности за высокие результаты научно-исследовательской работы ряда ученых вуза.

За прошедший год учеными и преподавателями университета проделана большая научно-исследовательская и научно-методическая работа. Они принимали участие в выполнении 44 научно-исследовательских работ (НИР), в том числе 19 НИР, выполняемых за счет второй половины дня и 25 НИР, финансируемых из различных источников.

В 2009 году учеными университета выполнялось 8 заданий, которые входят в 5 Государственных научно-исследовательских программ различного уровня («Белорусский язык и литература», «Фотоника», «Кристаллические и молекулярные структуры», «Высокоэнергетические технологии», «Ресурсы растительного и животного мира»), 11 хоздоговорных работ с предприятиями и организациями Гомельской области (ОАО «Мозырский НПЗ», ОАО «Рогачевский завод «Диaproектор», частное предприятие «ЛЭМТ», ОАО «Беларускабель», ООО «СКТ Стройлес» и другими организациями), работы в рамках 5 отдельных проектов, финансируемых Белорусским республиканским фондом фундаментальных исследований. Кроме того, ученые университета выполняли отдельный проект «Разработка концепций и модели реализации новых государственных стандартов литературного образования студентов-филологов на основе компетентностного подхода», получивший целевое финансирование Министерства образования Республики Беларусь.

В 2009 году университет активно сотрудничал с вузами и научно-исследовательскими организациями Российской Федерации, Республики Казахстан, Украины, Республики Молдовы, Германии, Болгарии и др. по 41 действующему договору, были заключены 12 новых международных договоров о сотрудничестве.

Преподаватели университета приняли участие более чем в тридцати международных научно-практических конференциях и семинарах. Всего опубликовано более 700 статей и тезисов докладов, издано 11 работ с грифом Министерства образования РБ, получено 4 патента.

За прошедший год преподавателями вуза защищены две диссертации на соискание ученой степени и получены шесть аттестатов, подтверждающих ученое звание доцента.

За весомые результаты в научно-исследовательской деятельности студенты вуза в 2009 году поощрены 4 стипендиями Президента Республики Беларусь, 1 стипендией имени Ф. Скорины, 1 стипендией имени Я. Колоса, 1 стипендией имени П. Бровки, 2 стипендиями имени М. Богдановича, 1 стипендией имени И. П. Шамякина, 2 стипендиями имени Я. Купалы. Пять человек получили рекомендации для поступления в аспирантуру.

Успешность научно-исследовательской работы студентов подтверждают итоги Республиканского конкурса научных работ студентов высших учебных заведений РБ: более 70% работ студентов нашего университета отмечены категориями.

Результаты научно-исследовательской и инновационной деятельности преподавателей университета за 2009 год подтвердили статус нашего вуза как научного, образовательного и общественно-культурного центра, способного решать важные задачи социально-экономического развития Полесского региона и республики.

АЎТАРЫ НУМАРА

Бахарев Виктор Александрович	кандидат биологических наук, доцент кафедры биологии УО МГПУ имени И. П. Шамякина
Бодяковская Елена Анатольевна	кандидат ветеринарных наук, доцент, доцент кафедры природопользования и охраны природы УО МГПУ имени И. П. Шамякина
Белко Александр Александрович	кандидат ветеринарных наук, доцент, заведующий кафедрой терапии УО «ВГАВМ»
Валетов Валентин Васильевич	доктор биологических наук, профессор, ректор УО МГПУ имени И. П. Шамякина
Галиновский Николай Геннадьевич	кандидат биологических наук, доцент кафедры зоологии и охраны природы УО «ГГУ имени Франциска Скорины»
Дегтяренко Ольга Николаевна	студентка биологического факультета УО МГПУ имени И. П. Шамякина
Герасимович Ольга Викторовна	младший научный сотрудник отдела славистики и теории языка ГНУ «Институт языка и литературы имени Якуба Коласа и Янки Купалы НАН РБ»
Захарова Марина Сергеевна	преподаватель кафедры английского языка УО «ГГУ имени Франциска Скорины», аспирант кафедры стилистики английского языка УО «МГЛУ». Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор кафедры второго иностранного языка УО «МГЛУ» Т. Ф. Плеханова
Иванова Святлана Фёдораўна	кандыдат філалагічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры рамана-германскай філалогіі УА «МагДУ імя А. А. Куляшова»
Колесниченко Елена Алексеевна	кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии УО МГПУ имени И. П. Шамякина
Крохмальник Антон Юрьевич	аспирант кафедры русского, общего и славянского языкознания УО «ГГУ имени Франциска Скорины». Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского, общего и славянского языкознания УО «ГГУ имени Франциска Скорины» В. И. Коваль
Лебедев Николай Александрович	кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, декан биологического факультета УО МГПУ имени И. П. Шамякина

Лемешков Владимир Сергеевич	кандидат педагогических наук, доцент, преподаватель физической культуры УО «Гомельский государственный педагогический колледж имени Л. С. Выготского»
Лозка Алесь Юр'евіч	кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры этналогіі і фалькларыстыкі УА «БДПУ імя Максіма Танка»
Лузай Иван Иванович	заместитель директора КСУП «Ломовичи» Октябрьского района
Лукашевич Валерий Николаевич	младший научный сотрудник Полесского радиационно-экологического заповедника, ведущий герпетолог научного отдела
Мацинович Андрей Алексеевич	кандидат ветеринарных наук, доцент, доцент кафедры терапии, докторант УО «ВГАВМ»
Морозова Ольга Петровна	кандидат искусствоведения, доцент кафедры методики музыкального воспитания, теории музыки и игры на народных инструментах УО «МогГУ имени А. А. Кулешова»
Нікіценка Таццяна Васільеўна	аспірант кафедры тэарэтычнага і славянскага мовазнаўства БДУ. Навуковы кіраўнік – доктар філалагічных навук, прафесар, прафесар кафедры тэарэтычнага і славянскага мовазнаўства БДУ А. А. Кожынава
Обухович Ирина Ивановна	аспирант лаборатории ихтиологии ГНПО «НПЦ НАН Беларуси по биоресурсам». Научный руководитель – кандидат биологических наук, заведующий лабораторией ихтиологии ГНПО «НПЦ НАН Беларуси по биоресурсам» В. К. Ризевский
Пупиньш Михаил	исследователь Института экологии Даугавпилсского университета, директор Латгальского зоосада, координатор государственного Плана охраны болотной черепахи в Латвии
Пупиня Айя	зоолог Латгальского зоосада, координатор государственного Плана охраны болотной черепахи в Латвии
Ризевский Виктор Казимирович	кандидат биологических наук, заведующий лабораторией ихтиологии ГНПО «НПЦ НАН Беларуси по биоресурсам»
Рябцев Петр Алексеевич	кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии УО МГПУ имени И. П. Шамякина
Сажина Елена Владимировна	кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка УО «ГГУ имени Франциска Скорины»

-
- Сидорец Виталий Степанович кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка УО МГПУ имени И. П. Шамякина
- Цеплякова Альбіна Дзмітрыеўна аспірантка кафедры беларускай мовы УА «МагДУ імя А. А. Куляшова». Навуковы кіраўнік – кандыдат філалагічных навук, дацэнт, загадчык кафедры англійскага, агульнага і славянскага мовазнаўства УА «МагДУ імя А. А. Куляшова» Я. Я. Іваноў
- Чечко Татьяна Николаевна ассистент кафедры русской и зарубежной литературы УО МГПУ имени И. П. Шамякина
- Шереметова Ольга Викторовна аспирант кафедры психологии и педмастерства ГУО «РИВШ», ассистент кафедры теории и истории кооперации УО «БТЭУ ПК». Научный руководитель – кандидат педагогических наук, доцент ГУО «РИВШ» М. И. Дронь
- Юстинская Гюльнара Мансурована методист высшей категории управления научно-методического сопровождения образовательного процесса НИО, аспирант лаборатории гуманитарного образования НИО. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор кафедры теории и истории литературы БГУ А. Н. Андреев

МГПУ ИМ. И. П. ШАМЯКИНА

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Статьи объемом не менее 0,35 авторского листа (14 000–20 000 печатных знаков, включая пробелы между словами, знаки препинания, цифры и др.) на русском (белорусском) языке в одном экземпляре направляются простым (заказным) письмом по адресу: 247760 Гомел. обл., г. Мозырь, ул. Студенческая, 28. Текст должен быть набран на компьютерной технике в текстовом редакторе (Word 97, 2000, 2003 for Windows); шрифт Times New Roman, 14 pt; одинарный межстрочный интервал; абзацный отступ 1,27 см; подписи к фотоснимкам, графикам, рисункам, диаграммам набирать шрифтом Times New Roman.

2. В левом верхнем углу размещается индекс УДК.

3. Через 1 интервал в центре страницы помещаются инициалы и фамилия автора (авторов).

4. Далее через 1 интервал заглавными буквами без переносов печатается название статьи, которое должно быть кратким, определять область проведенного исследования, отражать его цель и соответствовать содержанию.

5. Ниже через один интервал печатается аннотация (до 10 строк) на русском (белорусском) языке, которая должна излагать содержание статьи; далее через 1 интервал после абзацного отступа печатается текст статьи, имеющий следующую структуру: *введение; результаты исследования и их обсуждение*, включающие при необходимости графики и другой иллюстративный материал; четко сформулированные *выводы*. Дополнительно в структуру статьи могут быть включены *цель и методы исследования*.

6. Термины, основные понятия, языковой материал для анализа или в качестве примеров печатаются жирным шрифтом.

7. Поля – левое, правое, нижнее, верхнее – по 25 мм.

8. К статье прилагаются:

а) сведения об авторе (фамилия, имя, отчество полностью; ученая степень и звание, место работы, должность, адрес для переписки, номера рабочего и домашнего телефонов, для аспирантов – сведения о научном руководителе);

б) рекомендация кафедры, научной лаборатории или учреждения образования (выписка из протокола заседания);

в) рецензия специалиста в данной области, имеющего ученую степень, заверенная печатью;

г) резюме на английском языке;

д) перечень принятых в статье обозначений и сокращений;

е) вариант статьи на электронном носителе (CD-RW, DVD, дискета 3,5" и др.).

9. Список цитированных источников представляется в соответствии с правилами оформления библиографического списка диссертационного исследования.

Например:

1. Котаў, А. І. Гісторыя Беларусі і сусветная цывілізацыя / А. І. Котаў. – 2-е выд. – Мінск : Энцыклапедыкс, 2003. – 168 с.

2. Бандаровіч, В. У. Дзеясловы і іх дэрываты ў старабеларускай музычнай лексіцы / В. У. Бандаровіч // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – 2004. – № 2. – С. 49–54.

3. Инвентарное описание Несвижского замка князя Л. Радзивилла // Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 694. – Оп. 1. – Д. 109 : в 2 ч. – Ч. 1. – 12 л.

Список располагается в конце текста под заголовком «Литература».

10. Ссылки нумеруются согласно порядку цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок записываются внутри квадратных скобок (например: [1], [2]). Внутри скобки после порядкового номера ссылки, через запятую, без употребления *с.* или *стр.*, цифрой (или цифрами) указывается страница (или страницы) приведенной цитаты (например: [3, 14], [5, 10–12]).

11. Одним из основных условий опубликования работы является *независимая* экспертиза поступающих рукописей, которую проводит редакционная коллегия издания. Основными критериями при оценке являются новизна, актуальность и информативность материала. Если по рекомендации рецензента рукопись возвращается на доработку, то при повторном рассмотрении редколлекцией датой поступления считается день поступления в редакцию исправленного варианта.

Редакция оставляет за собой право отклонить статью без объяснения причин, если значительная часть ее содержания не соответствует профилю журнала.

Вне очереди публикуются научные статьи авторов, обучающихся в аспирантуре или докторантуре, в год завершения обучения или соискателей перед защитой.

Просим авторов учесть положение ВАКа о недопустимости предлагать редакции ранее опубликованные статьи или статьи, принятые к печати другими изданиями.

За опубликование научных статей редакция плату не взимает.

Редколлегия

E-mail: vesnik_mgpu@mail.ru

Тел.: 8(02351) 2-46-29